

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
филологический факультет
кафедра классической филологии

на правах рукописи

Новикова Екатерина Павловна

**ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ
РИМСКИХ ГРАММАТИКОВ**

Специальность 10.02.14 –
Классическая филология, византийская и новогреческая филология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент А.И. Солопов

Научный консультант:
доктор филологических наук,
доцент А.Е. Кузнецов

**Москва
2016**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	8
ГЛАВА 1. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРИМЕРОВ ИЗ ИТАЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВ, ПРИВОДИМЫХ РИМСКИМИ ГРАММАТИКАМИ	18
§1. Итальянские языки и латинская стилистика	18
1.1. Понятие «италийские языки» в античности и в наши дни	18
1.2. Методологические проблемы, обусловленные предметом исследования	19
1.3. Цель и практическая задача исследования	21
1.4. Инструментарий латинской стилистики и основания метода.....	23
1.5. Жанровая специфика античных текстов, содержащих примеры из италийских языков	25
§2. Материал античных грамматиков и становление италийского языкознания.....	28
2.1. Проблема истории италийского языкознания.....	28
2.2. Работа с италийскими надписями в эпоху Возрождения.....	28
2.3. Издания италийских надписей в эпоху Просвещения	29
2.4. Сравнительно-исторический метод и италийские языки в XIX в.....	30
2.5. Эпоха грамматических компендиев (кон. XIX – нач. XX вв.).....	31
2.6. Итальянское языкознание в XX в. и оценка сочинений грамматиков как источника примеров	32
§ 3. Примат эпиграфики в изучении примеров из италийских языков	34
3.1. К проблеме «примата эпиграфики».....	34
3.2. Атрибуция италийских надписей	35
3.3. Проблемы италийского языкознания	36
3.4. Герникийский язык в свете проблемы хронологии и классификации	37
3.5. Классификация античных свидетельств об италийских языках	40
§ 4. Изучение надписей в античности	41
4.1. К проблеме существования эпиграфики в античности	41
4.2. Формулы, сопровождающие упоминания надписей у латинских авторов.....	42

4.3. Надпись на солнечных часах из Пренесте – источник Варрона	43
4.4. Другие античные упоминания надписей	45
4.5. Соотношение античных атрибуций итальянских примеров с надписями..	46
4.6. Надписи среди других источников итальянских примеров у грамматиков	49
§ 5. Вывод: об установлении источников, использованных грамматиками, с помощью методов филологии	50
ГЛАВА 2. ТЕРМИНОЛОГИЯ АНТИЧНЫХ ГРАММАТИКОВ, СОПРОВОЖДАЮЩАЯ ПРИМЕРЫ ИЗ ИТАЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВ.....	52
§1. К проблеме исследования терминологии античных грамматиков.....	52
1.1. Вводные замечания	52
1.2. Этапы исследования терминологии, применяемой грамматиками для описания итальянских примеров.....	52
1.3. Терминология античных грамматиков и атрибуции итальянских примеров	53
1.4. О выделении «формул ввода», или «вводных клише» для итальянских примеров.....	54
§2. Терминология, характеризующая употребление примеров из итальянских языков: глаголы.....	59
2.1. <i>appellare</i>	60
2.2. <i>cognominare</i>	63
2.3. <i>declinare</i>	64
2.4. <i>dicere</i>	64
2.5. <i>ducere</i>	66
2.6. <i>fingerere</i>	67
2.7. <i>nominare</i>	68
2.8. <i>nuncupare</i>	69
2.9. <i>ponere</i>	69
2.10. <i>pronuntiare</i>	70
2.11. <i>significare</i>	70
2.12. <i>sumere</i>	70

2.13. <i>trahere</i>	70
2.14. <i>uocare</i>	71
2.15. <i>uocitare</i>	72
2.16. <i>usurpare</i>	72
2.17. <i>uti</i>	72
§3. Терминология, характеризующая употребление примеров из италийских языков: существительные и прилагательные	73
3.1. <i>glossae, glossema, glossula, lingua secretior</i>	73
3.2. <i>uocabula secreta; discrimen</i>	74
3.3. <i>lingua, sermo, dialectus, loquela</i>	76
3.4. <i>consuetudo, mos, usus, usurpatio</i>	78
3.5. <i>uocabulum, uerbum, nomen, appellatio</i>	80
3.6. <i>gens, populus, genus</i>	81
3.7. <i>origo, radix, cognatio</i>	82
3.8. <i>uox, littera</i>	84
§4. Вывод: применение стилистического анализа к материалу грамматиков в противовес анализу истории идей	85
ГЛАВА 3. ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ В РИМСКОЙ ШКОЛЕ: ОРФОГРАФИЯ	87
§1. Орфография Веррия Флакка: материалы для реконструкции	87
1.1. Проблема сохранности античных сочинений о правописании	87
1.2. Тематическая классификация фрагментов: о чередованиях гласных	89
1.3. Тематическая классификация фрагментов: об изменениях согласных	90
1.4. Тематическая классификация фрагментов: о выпадении звуков	93
§2. Фонетические процессы в италийских языках и методы исправления текста грамматиков	93
2.1. К проблеме мотивации привлечения грамматиками италийских примеров	94
2.2. О методе поиска «аналогичных примеров»	95

§3. Обсуждаемые грамматиками чередования звуков как мотивация для привлечения италийских примеров	96
3.1. Чередование f/h и единственный пример грамматиков из фалисского языка	96
3.2. Фалисский язык как источник примеров «сабинской фонетики» у Варрона.....	98
3.3. Чередования заднеязычных и происхождение буквы g	100
3.4. Чередование gn/n/ng	101
3.5. Чередование ng/g	103
3.6. Чередование ng/g/gg и написание ss вместо gg	104
3.7. Метатеза gn/ng в «пренестинском языке»	106
3.8. В защиту конъектуры <i>tongitio</i> – <i>*congitio</i>	107
§4. Место примеров, демонстрирующих особенности италийской фонетики, в композиции сочинений ранних римских грамматиков	109
4.1. Мнемонический «метод мест» и композиция латинских грамматик	109
4.2. Об утраченной части сочинения Теренция Сква	111
4.3. Метафорический язык Варрона и орфография	112
4.4. Терминологические различия грамматиков в отношении орфографии..	114
§5. Вывод: место италийских примеров в практике обучения орфографии и возможности для конъектур в орфографических текстах	115
ГЛАВА 4. ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ В РИМСКОЙ ШКОЛЕ: ЭТИМОЛОГИЯ	117
§1. К проблеме разнородности этимологического материала	117
§2. Специфика италийских этимологий в «De lingua Latina» Варрона и этимологические замечания в эпитоме Феста.....	117
2.1. К проблеме «пансабинизма» Варрона.....	117
2.2. О композиции этимологических глав «De lingua Latina»	120
2.3. О месте сабинян в «De lingua Latina» Варрона	124
2.4. Об оценке грамматиками «статуса» италийских слов; о соотношении оскского и сабинского.....	126

2.5. Об оценке «оскского» у античных авторов	128
2.6. Об оскских производящих словах у Феста.....	132
§3. Итальяские этимологии Сервия и «Каталог итальяских героев»	
Вергилия	135
3.1. К проблеме итальяских этимологий в «Каталоге» Вергилия	135
3.2. <i>Auentinus</i> и множественность этимологий.....	137
3.3. К этимологии топонимов <i>Italia, Abella, Aricia, Fescennia</i>	138
3.4. <i>Angitia</i> как пример «марсийского» языка и античная этимология этнонима <i>Marrubii</i>	139
3.5. <i>Medea, meddix</i> и <i>medicus</i>	143
3.6. <i>Praeneste, nuces Praenestini</i> и <i>iuglandes</i>	145
§4. Итальяские примеры в этимологиях названий стихотворных стоп и размеров	146
4.1. К проблеме итальяских названий для метрических единиц	146
4.2. Этимология итальяских названий для спондея и пиррихия	147
4.3. Этимология итальяских названий для ямба и трохея	148
4.4. Проблема «аврунского языка» и сатурнов стих.....	149
4.5. Эпонимическая теория происхождения итальяских названий стоп	150
4.6. Был ли «рутулийский стих»?	152
4.7. Фалисский стих.....	154
4.8. Реммий Палемон как автор «италийских» метрических теорий.....	155
§5. Вывод: карты итальяских ассоциаций на основании данных грамматиков	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
БИБЛИОГРАФИЯ	167
На русском языке:.....	167
Переводы:	168
На иностранных языках:	168
Словари:	173
Издания текстов:	174

ПРИЛОЖЕНИЕ	175
1. О степени сохранности понятийных групп итальянской лексики в эпиграфических памятниках и в сочинениях грамматиков	175
2. Перечень контекстов, сохранивших терминологию грамматиков для работы с материалом итальянских языков.....	178
3. Указатель дополнений к словарю С. Шад.....	207
4. Дополнения к указателю Р. Молтби	211
ИЛЛЮСТРАЦИИ	213

ВВЕДЕНИЕ

Тема исследования, представленного в данной диссертации, имеет формулировку «Италийские языки как предмет изучения римских грамматиков».

Объектом исследования являются контексты из сочинений римских грамматиков, содержащие примеры из италийских языков с соответствующей атрибуцией. Под атрибуцией понимается указание на конкретный италийский язык или диалект.

Актуальность выбранной темы в рамках специальности 10.02.14. «Классическая филология; Византийская и новогреческая филология» обусловлена, главным образом, возросшим интересом филологов к сочинениям римских грамматиков и отсутствием в классической филологии работ по типологии грамматических контекстов, посвященных анализу как формальных особенностей языка и стиля, так и методов отбора, классификации и интерпретации материала в сочинениях римских авторов, писавших об италийских языках.

Несмотря на отсутствие специальных исследований, раскрывающих методы работы античных грамматиков с материалом, все чаще появляются новые критические издания текстов, не учитывающие в полной мере формальную и содержательную специфику грамматических текстов, посвященных италийским языкам и отдельным вопросам истории латинского языка, орфографии и этимологии.

Тем не менее, в последних изданиях подвергаются пересмотру интерпретации и классификации текстов, изданных конце XIX в. в виде многотомного собрания «Grammatici Latini» Генриха Кейля. Главным изданием грамматиков нач. XXI в. может считаться «Collectanea grammatica Latina», выходящая в «Bibliotheca Weidmanniana», где принцип организации материала отличается от принятого у Г. Кейля.

Если издание Кейля предполагало группировку текстов и авторов по тематическому принципу, то каждый том серии «Collectanea grammatica Latina»

обычно представляет собой издание текста одного грамматика с комментарием к нему.

Кроме того, в последние десятилетия активно разрабатываются электронные корпуса текстов, более специальные по отношению к обобщающему богатый материал латинской словесности корпусу Packard Humanities Institute (PHI-5), среди которых следует особо отметить Corpus grammaticorum Latinorum (CGL), благодаря которому исследователи получают более широкие возможности для работы с текстами грамматиков. В частности, появляется возможность для корпусных исследований отдельно взятых элементов грамматических текстов.

При этом важно отметить, что еще со времен Р. Конвея и Р. фон Планты тексты грамматиков привлекают интерес специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, использующих данные грамматиков как материал для исследований итальянских языков.

Степень изученности темы наглядно выявлена именно исследователями итальянских языков, указывающими на невозможность согласовать атрибуции римских грамматиков к каким-либо примерам из итальянских языков с данными, полученным из эпиграфических источников.

Из новейших работ можно упомянуть статьи Р. Уоллеса и Б. Джозефа¹, где подчеркивается важность учета итальянских примеров, заимствованных из сочинений грамматиков, и необходимость адекватного филологического комментария.

В отечественной науке на эту же проблему указывал еще И.М. Тронский².

Компендии, посвященные итальянским языкам, еще с сер. XIX в. ориентировались на эпиграфический материал, применяя к материалу римских грамматиков кумулятивный подход, предполагающих отсечение контекста из сочинения самого грамматика и упоминание лишь атрибуции и самого примера.

Именно так составлены разделы, посвященные данным грамматиков, в руководствах Р. фон Планты, Р. Конвея, Э. Феттера, В. Пизани и Ф. Бальди.

¹ [Wallace, Joseph 1991, С. 92].

² [Тронский 1973, С. 53].

В последние годы интерес к материалу грамматиков возрос среди специалистов по итальяскому языкознанию. Работы Барборы Махайдиковой³ посвящены главным образом примерам из итальянских языков в эпитоме Феста.

Однако подход, выбранный Б. Махайдиковой, предполагает интерпретацию примеров, заимствованных из текста грамматика, с точки зрения сравнительно-исторического языкознания. При этом ни метод суждения грамматиков, ни контекст, в котором находится каждый итальянский пример, предметом исследования не становится.

Фредерик Бивиль, напротив, сосредоточила внимание не на самих итальянских примерах, а на их атрибуциях, приводимых грамматиками⁴. Более того, Бивиль стремилась восстановить картину мира, предлагавшуюся грамматиками в отношении итальянских языков, пытаясь соотносить ее с предполагаемой исследователями языковой ситуацией в древней Италии.

Вклад Ф. Бивиль трудно переоценить, особенно в той части, которая отражена в виде таблиц итальянских атрибуций, приводимых римскими грамматиками. Одна из таблиц наглядно демонстрирует, например, то, что характер присвоения атрибуций в сочинении Варрона контрастирует с другими грамматиками [Biville 2013, С. 30].

После публикации статьи Ф. Бивиль об итальянских языках у грамматиков актуальность многоуровневого филологического исследования материала, предоставляемого римскими грамматиками, стала особенно очевидна.

Дело в том, что сама Ф. Бивиль сосредоточила внимание на анализе мировоззрения, господствовавшего в античном мире [Biville 2013: 31], отдалившись от текстов грамматиков с их жанровым своеобразием и особенностями метода суждения каждого из авторов.

Таким образом, научная новизна исследования заключается в том, что анализу подвергаются не статистические наблюдения над атрибуциями и не

³ см. [Machajdíková 2012; 2013; 2014].

⁴ [Biville 2013, С. 23-44].

италийские примеры как материал для сравнительно-исторических исследований, а контексты, содержащие эти примеры и атрибуции.

В центре внимания при этом находится мотивация, побудившая грамматиков упоминать италийские примеры в своих сочинениях, следовательно, особую важность имеет жанровое своеобразие и практическое применение этих текстов в рамках античной школы.

Иными словами, если в качестве объекта исследования были выбраны контексты из сочинений грамматиков, то предметом исследования были причины, побудившие грамматиков в каждом отдельном контексте использовать какой-либо италийский пример и вообще относить этот пример к числу италийских, то есть присваивать ему соответствующую атрибуцию.

В качестве гипотезы исследования было выбрано утверждение, что филологический анализ текстов грамматиков, содержащих примеры из италийских языков с соответствующими атрибуциями, может разъяснить спорные моменты в классификации италийских языков, вызванные гапаксами и единичными италийскими атрибуциями, которые встречаются в античных грамматических сочинениях.

Гипотеза, лежащая в основе исследования, требует решения следующих задач:

- 1) собрать все примеры атрибуций рассматриваемого типа;
- 2) выявить возможные источники примеров, которыми пользовались грамматик;
- 3) классифицировать и охарактеризовать «формулы ввода» атрибуций и терминологию, применяемую грамматиками при работе с италийскими примерами;
- 4) проследить связь упоминаний италийских примеров с наиболее интересовавшими римских грамматиков разделами учения о языке, как теоретическими, так и практическими;

5) реконструировать, насколько возможно, мировоззрение грамматиков, уделивших итальяским примерам место в своих сочинениях, в той части, которая касается выбора атрибуций, и дать филологическую интерпретацию месту этих атрибуций в композиции каждого из рассматриваемых текстов.

Необходимо отметить, что метод исследования, в отличие от метода Б. Махайдиковой, не был сравнительно-историческим и не имел отношения к лингвистической типологии в самом общем смысле слова. Контексты из сочинений грамматиков предполагалось подвергнуть собственно филологическому анализу.

Под филологическим подходом подразумевается применение целого комплекса инструментов, нередко требующего привлечения материала, накопленного смежными дисциплинами, такими, как текстология.

Данные сравнительно-исторического языкознания использовались в тех случаях, когда приводимый грамматиками пример, подвергнутый филологической конъектуре, нуждался в оценке с точки зрения теоретической возможности его появления в языке.

Конъектуры, в свою очередь, опирались на интерпретацию контекстов. Интерпретация основывалась на комплексном анализе терминологии грамматиков и формул ввода примеров, с учетом выделяемого в случае с каждым классом примеров метода суждения, который применяли грамматик, и, наконец, с опорой на место античных исследований итальянских языков в системе античного образования.

Структура диссертации следует последовательности поставленных задач. Диссертация включает в себя оглавление, введение, четыре главы и заключение, снабжена библиографией, иллюстрациями, приложениями и указателями.

Глава 1 посвящена детальному обсуждению практических задач исследования и подходов к их решению. На основании анализа контекстов, содержащих сведения о работе античных авторов с древними надписями,

делаются все возможные выводы относительно источников, которыми могли пользоваться грамматик.

Кроме того, в Главе 1 демонстрируются трудности, выявленные при попытке построения истории грамматической науки в контексте истории современного итальянского языкознания. Делается вывод о необходимости работы с языком римской грамматической науки, выполнение которой возможно именно филологическими методами.

Глава 2 содержит вводные замечания, где характеризуются методы выявления терминологии и разнообразных формул, с помощью которых итальянские примеры вводятся грамматиками в тексты их сочинений. Приводятся описания значений терминов в сравнении с более ранними словарями и анализируются синтаксические конструкции, которые могут признаваться формулами разных типов.

В Главе 3 диссертационной работы проверяются способы интерпретации и внесения конъектур в контексты, посвященные итальянским примерам, отражающим фонетические отличия итальянских языков и диалектов от литературного латинского языка.

В основе интерпретации сочинений грамматиков об орфографии должен лежать анализ метода суждения, применяемого авторами по отношению к примерам. Кроме того, проводится эксперимент по классифицированию примеров, содержащих сходные итальянские фонетические процессы, которые могли бы рассматриваться грамматиками в одном и том же разделе, однако, в силу слабой сохранности текстов об орфографии, оказались в цитатах, посвященных другим грамматическим вопросам.

Итальянским этимологиям грамматиков, главным образом, Варрона и Сервия, посвящена Глава 4. Здесь анализируется композиция сочинения Варрона «О латинском языке» в той части, которая специально посвящена этимологиям (главы V-VII). Приводится классификация этимологий по типу суждения, лежащего в их основе. Устанавливается необходимость учета мифологической

картины, построенной Варроном, при объяснении механизмов присвоения грамматиком атрибуций для итальянских примеров.

Кроме того, анализируются этимологии Вергилия и его комментатора Сервия, а также подвергается филологической реконструкции теория происхождения итальянских названий для стихотворных стоп, сохраненная в виде компиляции у грамматика Диомеда.

Проведенное исследование позволило выдвинуть следующие положения, выносимые на защиту:

1. Исследование примеров, имеющих в сочинениях грамматиков итальянские атрибуции, должно быть ориентировано на типологическую классификацию контекстов и описание языка римской грамматической науки. При таком подходе становятся очевидными не только лакуны, имеющие место существующих словарях латинской грамматической терминологии, но и материал для их заполнения.

2. Степень сохранности итальянской лексики различных предметно-понятийных групп в эпиграфических источниках и в текстах грамматиков неоднородна, на основании проведенного анализа (см. Приложение 1) можно говорить о дополнительной дистрибуции между материалом надписей и данными античных авторов.

3. В рамках методологических возможностей, предоставляемых классической филологией, может быть составлен корпус свидетельств античных авторов о работе с древними надписями. Задача установления источников, которыми могли пользоваться грамматиком, не может быть решена исключительно филологическими методами и ее решение требует комплексного историко-научного подхода.

4. Типологический анализ грамматических контекстов, содержащих итальянские примеры, выделяет два типа: 1) контексты, относящиеся к практике преподавания орфографии и 2) контексты, содержащие этимологии для римских школ.

5. Проблема т.н. «пансабинизма» Варрона, поставленная Ж. Колларом, должна решаться с опорой на филологическую интерпретацию сочинения «О латинском языке». Анализ метода суждения грамматиков, основанный на выделении формул ввода примеров и этимологических формул, в этом и других случаях позволяет выяснить причины несоответствия классификации итальянских языков, наблюдаемой у Варрона, Феста или Сервия, той классификации итальянских языков, которая была составлена с помощью сравнительно-исторического метода с опорой на эпиграфический материал.

6. Дистрибуция сохранившихся итальянских примеров из сочинений Варрона проявляется через отсылки к двум племенным группам: сабинянам и оскам. Установлено, что дистрибуция была основана на ассоциативных связях: 1) сабинского языка – с мифом об основании Рима и, в то же время, с практикой выращивания жертвенных животных; 2) оскского языка – с римской комедией ателланой и, одновременно, со сферой производства текстиля.

7. Единичные примеры с атрибуциями к языку герников, аврунков и пренестинцев объясняются с помощью филологической интерпретации контекстов из сочинений римских грамматиков, позволяющей вносить конъектуры (*samentum* – *sumentum*; *rutilus* – *Rutulus*; *tongitio* – *cognitio*), обоснованные с точки зрения установленного метода суждения грамматиков и способствующие уточнению представлений об античных классификациях итальянских языков, реконструируемых, например, в работе Ф. Бивиль.

Общая теоретическая значимость исследования заключается в наглядной демонстрации применения к материалу, который обычно является источником для сравнительно-исторического языкознания, приемов и методов, сформировавшихся в рамках классической филологии.

В рамках специальности «Классическая филология» теоретическое значение диссертации заключается в подходе к прозаическим текстам грамматиков как к материалу для анализа с помощью инструментария латинской стилистики.

Разработка указателя специальных терминов, использовавшихся античными грамматиками применительно к итальянским языкам, находится в русле лексикографических исследований, направленных на разработку словарей отдельных понятийных групп, что составляет практическую значимость диссертации.

Следует указать и на дополнение к словарю античных этимологий Р. Молтби, которое стало возможным в результате проведенного исследования.

Диссертация прошла апробацию в виде докладов на конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология: чтения памяти проф. И.М. Тронского» (СПб, ИЛИ РАН, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015 гг.), на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015 гг.), на XV Международной научной конференций студентов-филологов (СПбГУ, 2012 г.), на Международной филологической конференции Санкт-Петербургского университета (СПбГУ, 2013, 2014, 2015 гг.), на Международной конференции романистов «Романские языки и культуры от античности до современности» (МГУ, 2013 и 2015 гг.), а также в виде доклада на заседании кафедры классической филологии МГУ имени М.В. Ломоносова (26 октября 2015 г.).

Результаты диссертационного исследования опубликованы в 8 рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Новикова Е.П. Quomodo omnia Italica a ueteribus grammaticis Latinis habeantur // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2016. Т. 20. С. 701–709.

2. Новикова Е.П. Место итальянских примеров, отражающих фонетические явления, в сочинениях ранних римских грамматиков (Теренций Сквавр, Веррий Флакк, Варрон) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2015. Т. 19. С. 714–726.

3. Новикова Е.П. Вергилий и грамматические источники "Каталога италийских героев" // *Труды Института лингвистических исследований РАН – Acta Linguistica Petropolitana*. 2014. Т. 10, № 1. С. 123–144.

4. Новикова Е.П. Дева из Анагнии и некоторые детали к портрету герников // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2014. № 18. С. 738–748.

5. Новикова Е.П. Относительная хронология процессов, определивших фонетический облик латинского слова *barba* // *Philologia classica*. 2014. № 9. С. 305–322.

6. Новикова Е.П. Вокруг Соракта: *Sabini, falisci* и *antiqui* глазами римских грамматиков (на примере чередования *f/h*) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2013. № 17. С. 654–668.

7. Новикова Е.П. Закон Турнейзена и Аве – праиталийский процесс? // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2012. № 16. С. 650–659.

8. Новикова Е.П. "*alii rhetorica tongent*" Энния: к вопросу о раннем влиянии сельских диалектов на латинский язык // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2011. № 15. С. 426–432.

ГЛАВА 1. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРИМЕРОВ ИЗ ИТАЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВ, ПРИВОДИМЫХ РИМСКИМИ ГРАММАТИКАМИ

§1. Итальянские языки и латинская стилистика

1.1. Понятие «италийские языки» в античности и в наши дни

Объектом исследования, представленного в диссертации, являются контексты с примерами из италийских языков, засвидетельствованные в текстах античных грамматиков, и атрибуции, которые грамматики присваивают этим примерам. Под атрибуцией понимается указание на какой-либо италийский источник, которым грамматик сопровождает пример.

Впрочем, коллекционирование атрибуций и примеров не содержит в себе новизны, едва ли имеет особую актуальность и может представлять интерес с точки зрения получения нового знания об античности, к которому стремится классическая филология. Не вполне ясна и практическая ценность, которая может быть извлечена из предпринятого исследования.

Зачем же подобное исследование нужно? В какой области знаний об античности оно способно восполнить существующие пробелы? В рамках какой из практических дисциплин оно может найти свое применение? Не ответив на эти вопросы невозможно установить границы исследования и допустимые методы.

Италийские языки – понятие, сформировавшееся еще в античности. В грамматическом контексте его употребляет Квинтилиан: «*Licet omnia Italica pro Romanis habeam*»⁵ (Quint. I 5, 57). Известно немало случаев, когда латинские авторы говорят о языке, на котором пишутся тексты разнообразной жанровой принадлежности, и производят различные операции с этими текстами и их частями. При этом речь идет либо о языке латинском, либо – о латинском и греческом вместе.

⁵ «Допустим, я буду считать все италийское римским».

Принято считать, что латинский и греческий языки имеют общее латинское название *Vtraque lingua* ‘и тот, и другой язык’. Именно это выражение нередко использует Гораций. В комментарии Порфириона есть соответствующее замечание: «et intellegendum utique Graec<a>e et Latin<a>e»⁶ (Porph. Hor. carm. III 8, 5). В том же смысле пользуются выражением *Vtraque lingua* античные прозаики, от Цицерона до Авла Геллия, от Светония до Апулея.

Можно было бы утверждать, что это – устойчивое выражение, которое описывало ситуацию с латинским литературным языком, сложившуюся к началу эпохи т.н. «золотой латыни», если бы не известный контекст из сочинения грамматика Варрона, где под *Vtraque lingua* понимается вовсе не латинский и греческий, а латинский и сабинский языки: «[...]nonnulla nomina in utraque lingua habent radices, ut arbores quae in confinio natae in utroque agro serpunt: potest enim Saturnus [...] esse dictus atque in Sabinis»⁷ (Varr. l.l. V 74).

С точки зрения как современной⁸, так и, судя по всему, античной классификации сабинский язык⁹ следует включить в понятие «италийские языки». Но каким образом следует отличать то, что называется *Vtraque lingua*, от того, что именуется *omnia Italica*, и где эти понятия пересекаются? Не менее важно установить, кого латинские авторы называли словом *nos* ‘мы’, и кого имели в виду под словом *antiqui* ‘древние’. Но каким должен быть метод поиска ответов на все поставленные вопросы?

1.2. Методологические проблемы, обусловленные предметом исследования

Очевидно, что понятие «италийские языки» не могло бы возникнуть и развиваться в античной и позже европейской научной мысли без осознания древними необходимости постоянной рефлексии над языком. Именно поэтому

⁶ «И следует понимать <словосочетание utriusque linguae> непременно как ‘греческого и латинского’».

⁷ «[...]у некоторых теонимов есть корни как в одном, так и в другом языке, как, например, у деревьев, которые, будучи рожденными у межи, прорастают и на том, и на другом поле; действительно, Saturnus может называться так и на сабинской земле».

⁸ о современном состоянии италийского языкознания см. §2 Главы 1.

⁹ подробный комментарий к проблеме «пансабинизма» Варрона дается в Главе 4.

главную трудность в работе с материалом из античных источников составляет именно выбор точки зрения, позиционирование исследователя по отношению к древнему тексту и автору.

При попытке дистанцироваться от мировоззрения автора и занять позицию «объективного наблюдателя» каждый читатель античного текста невольно делает выбор в пользу описания шляпы из известной метафоры А. де Сент-Экзюпери. Таково направление исследовательской мысли: очертив контуры изображения, которое похоже на шляпу, анализируя форму и детали, которые смог передать автор рисунка, добиться наиболее точного воспроизведения этой шляпы и объяснить, почему она выглядит именно так, а не иначе.

Впрочем, для нужд методологии целесообразно было бы взглянуть на ситуацию, описанную в книге «Маленький принц», с точки зрения исследователя, который стремится понять, что позволило бы взрослым приблизиться к адекватной интерпретации рисунка юного рассказчика. Это, несомненно, контекст в самом широком, почти бытовом смысле слова. Детали, сопровождавшие появление рисунка.

Ребенок приносит рисунок и задает вопрос, находят ли взрослые его страшным, потому что сам подразумевал, что изображает удава, проглотившего слона. Что же мотивировало ребенка задать этот вопрос? Предыдущий опыт прочтения книги об удавах и слонах. И если бы взрослые задумались, что ребенок мог увидеть, услышать или прочесть, тогда бы, возможно, им удалось бы понять, что изображено на рисунке, и без помощи юного художника.

Только опираясь на постулат, что для исследуемого античного автора неизбежно существует какой-либо предшествующий опыт, текст или тексты, которые повлияли на его формирование, иначе называемые словом «традиция»¹⁰, можно надеяться на приближение к пониманию происхождения анализируемого текста. Такой подход задан Цицероном, который утверждал в теоретическом

¹⁰ слово «традиция» как термин употребляется в настоящем исследовании только применительно к рукописной традиции.

сочинении «Брут», что поэмы «Илиада» и «Одиссея» явно демонстрируют, что и до Гомера были поэты (Cic. Brut. 71, 4).

Следовать Цицерону предложено не случайно. В качестве гипотезы исследования следует высказать тезис, предполагающий, что исследовать античные тексты как источники материала для науки, тем более ученые античные тексты, такие, как тексты римских грамматиков, следует со всей внимательностью к сопровождающим их деталям. По мере возможности необходимо фиксировать и воспроизводить метод суждения римских грамматиков, чтобы впоследствии сопоставить полученные результаты с результатами современных исследований итальянского материала.

1.3. Цель и практическая задача исследования

Сформулированная гипотеза содержит необходимость своеобразного эксперимента, или целой серии экспериментов, направленных на выявление степени ее правомерности. Интересно, что и цель исследования, а соответственно, и предполагаемых экспериментов, после формулировки гипотезы нуждается в уточнении.

В случае, когда ситуация предполагает наличие собственно античного ученого контекста, можно предполагать, что исследование окажется в рамках истории науки. Тогда и цели, и задачи формулировались бы так, чтобы в конечном итоге результат проведенной работы позволял уточнить научную картину мира в той части, где она касается самой истории научного познания различных языков мира.

В случае с античностью исследование, проводимое в рамках истории науки, с неизбежностью влечет за собой анализ античных философских учений, полемики школ и степени их влияния на различных авторов и их тексты. Подобные исследования имеют особую актуальность и сильную мотивацию в случае с греческими авторами. Не случайно Вергилий замечает о греках, называя

их «alii»: «[...] caelique meatus describent radio et surgentia sidera dicent»¹¹ (Verg. Aen. VI 848-849).

Если же говорить о римской учености, следует, насколько возможно, учитывать ее специфику по отношению к греческой уже на стадии формулировки задач и выбора парадигмы исследований. Какова же особенность римской учености? Установить это можно, опираясь на заголовок объемного педагогического сочинения Квинтилиана: «О воспитании оратора» (лат. «*Institutio oratoria*»). Одна из основных целей воспитания римского гражданина – научить его хорошо говорить. Именно на это направлены усилия учителей. По-латыни искусство хорошо говорить называется *eloquentia*, то есть ‘красноречие’.

С развитием античной, а позднее и европейской цивилизации именно латинский, а не греческий язык приобрел статус языка науки. Постепенно, не в последнюю очередь по вине книгопечатания, ориентация риторики как основы античной системы образования на жанр публичной речи отошла на второй план. Актуальность приобрела ориентация на письменную речь. Это обусловило своеобразие научной и практической дисциплины, называемой *латинская стилистика*, или «искусство хорошо писать по-латыни» [Солопов 2008, С. 18].

В первой главе книги А.И. Солопова¹² предпринята попытка наглядно показать, чем античная риторика отличается от стилистики. Для этой цели специально вводится понятие «обычная речь», которая как будто не попадала в зону внимания античной риторики [там же, С. 19].

Хотя границы «обычной речи» трудно определить однозначно, для целей настоящего исследования важно уточнить лишь то, что латинская стилистика – дисциплина, обучающая писать по-латыни тексты на любые, и притом принципиально любые темы. Целью обучения в рамках этой дисциплины является виртуозность владения латинским языком и различными жанрами латинской прозы.

¹¹ «они (другие, alii) опишут движение неба с помощью чертежной палочки и назовут восходящие светила».

¹² Солопов А.И., «Начала латинской стилистики». М., 2008.

Стремление «хорошо писать по-латыни» прозаические тексты стимулирует обращение к классическим авторам и более внимательное прочтение их сочинений. Здесь следует отметить, что ученые тексты римских грамматиков, содержащие примеры из итальянских языков – это по преимуществу прозаические тексты. Следовательно, они могут быть подвергнуты анализу и оценке с точки зрения их способности служить образцом для современных латинских прозаиков, когда бы хронологически эта современность ни была, пишущих на темы, волновавшие римских грамматиков.

В отличие от *истории науки*, *латинская стилистика* – дисциплина, родившаяся на латинской почве. Именно поэтому вопросы, которые формулировались римскими грамматиками по поводу взаимодействия латинского языка как с греческим, так и с итальянскими языками, а также происхождения латинского языка и его изменения с течением времени, очевидно, более органично задавать с оглядкой на решение *практической задачи* обучения латинскому языку, в частности – как *языку науки*. Иначе говоря, природа исследуемого материала побуждает обратить внимание на *язык науки*, а не на ее *историю*.

1.4. Инструментарий латинской стилистики и основания метода

Когда основной практической задачей исследования является максимально детализированное и всестороннее описание *языка науки*, в данном случае – латинского языка римских грамматиков, наиболее удачным для начала решения поставленной задачи будет применение мощного инструментария латинской стилистики.

Одной из важнейших областей филологической науки, подготавливающей инструменты для стилистики, является *лексикография* [Солопов 2008, С. 139-140]. Именно словарь как практический результат лексикографических исследований является образцом для представления исследований языка римских грамматиков, по крайней мере, формальных особенностей этого языка.

Благодаря развитию корпусной лингвистики и наличию у исследователей доступа к электронным базам данных, таким как TLG, PHI-5, Cetedoc и CGL, возможности для лексикографических исследований самой разной направленности существенно возросли. Соответственно и основным *методом* выявления италийских примеров в грамматических текстах является *корпусной метод*.

Если на первой стадии отбора материала для настоящей работы были просмотрены все контексты, содержащие потенциальные атрибуции примеров к италийским источникам, в основном – к италийским племенам (*Sabini, Osci, Hernici, Marsi, Volsci, Rustici* и т.д.), то на следующих стадиях производился анализ терминологии грамматиков, сопровождающей появление таких примеров.

Анализ терминологии повлек за собой необходимость характеристики *формул ввода примеров*. В свою очередь владение выделенными *формулами* позволило провести проверку корпуса текстов на предмет неучтенных примеров, например, имеющих нестандартные атрибуции, которые не были учтены при первоначальном отборе.

Важным инструментом латинской стилистики является составление словарей, отражающих отдельно взятые группы лексики. Этот инструмент полезен при сопоставлении степени изученности определенных лексических групп античными грамматиками и современными авторами (на основании данных не-грамматических источников, то есть, по преимуществу, эпиграфических данных). В связи с *италийскими языками* такие исследования обычно не проводятся, что обусловлено кумулятивным подходом к материалу, господствовавшим на протяжении истории *италийского языкознания* как одной из отраслей современной области науки¹³.

Наконец, для того, чтобы понять, что значит «хорошо писать по-латыни» об италийских языках и в какой форме это лучше делать, следует подвергнуть анализу жанровую специфику грамматических текстов, содержащих италийские примеры. Следует воспроизвести античные методы суждения об италийских

¹³ подробнее о становлении италийского языкознания см. §2 Главы 1.

примерах и способы представления материала, выявленные в композиции сохранившихся грамматических сочинений. И здесь на помощь стилистике приходит уже филологическая критика текста, нередко нуждающаяся в текстологической базе.

1.5. Жанровая специфика античных текстов, содержащих примеры из итальянских языков

Несмотря на то, что тексты грамматиков являются прозаическими, определение их жанрового своеобразия необходимо для уточнения методов интерпретации наблюдаемых фактов, будь то выбор языковых средств, композиции текста или методов работы с итальянскими примерами и их представления читателю.

Характеристика жанрового своеобразия, или жанровой специфики, в свою очередь, неизбежно требует внимания к системе образования, в рамках которой были сформированы навыки, присущие авторам анализируемых текстов. Рассуждать о навыках в связи с античными авторами уместно именно потому, что античные авторы со времен Платона понимали составление текстов как искусство, лат. *ars* или греч. τέχνη.

Следовательно, в случае с текстами грамматиков необходимо обратить особое внимание на то, что грамматика – школьная дисциплина. Квинтилиан (Quint. inst. I 1, 5) в качестве одной из начальных ступеней образования оратора называет именно *правописание*, или *орфографию* (лат. *ratio scribendi*, греч. ὀρθογραφία). Другой важной стороной обучения у грамматика являлось приобретение навыков отыскания *происхождения слов*, или *этимологии* (лат. *originatio*, греч. ἐτυμολογία).

Как показывает корпусной анализ, большая часть примеров из итальянских языков приводится грамматиками либо в связи с орфографией¹⁴, либо – с

¹⁴ подробнее см. Главу 3.

этимологией¹⁵. Эти дисциплины определяют метод суждения, применяемый грамматиками по отношению к итальяским примерам. Впрочем, и орфографические, и этимологические наблюдения грамматиков встречаются в текстах, имеющих очень разную форму и степень сохранности.

Именно поэтому для целей настоящего исследования следует установить следующие основные *филологические* методы работы с текстом грамматиков:

- 1) Интерпретация;
- 2) Конъектура;
- 3) Перестановка.

При интерпретации и всех последующих операциях с текстом в филологической науке принято соблюдать *принцип единства личности автора*. Однако если речь заходит о *школьных* текстах, нередко содержащих черты практических упражнений, единство личности грамматика соблюсти не так просто.

Вообще единство личности в случае с ученым текстом предполагает, главным образом, единство *метода суждения*. Стилистический критерий применим только в случае с прямыми цитатами, т.к. всегда возможен пересказ мнения одного автора другим автором, при котором индивидуальная, авторская стилистическая окраска, если она и была, неизбежно стирается.

Так, например, комментарий Сервия к Вергилию во многих местах явно восходит к Варрону, однако при пересказе мнений Варрона Сервий использует другие *формулы ввода*¹⁶ итальяских примеров, ср. «Sabinorum lingua dicitur» (Seru. Aen. I 292, 36) у Сервия вместо «Sabini dicunt» (Varr. l.L. V 97) и подобного у Варрона.

Следует отметить, что в рамках настоящего исследования употребляются термины текст и сочинение, являющиеся наиболее нейтральными по отношению

¹⁵ см. Главу 4.

¹⁶ проблема *формул ввода примеров* подробно разбирается в Главе 2.

к сохранившемуся материалу грамматиков. Термины являются синонимичным, однако сочинение чаще употребляется в тех случаях, когда относительно автора со времен античности существует устоявшееся мнение, признающее его оригинальность и самостоятельность. Что, как уже было сказано, в случае со школьными текстами не всегда можно утверждать однозначно.

На единство метода суждения в основном опираются и предлагаемые в настоящей работе конъектуры к трудным местам у грамматиков, содержащим италийские примеры. Хотя термин конъектура в большей степени относится к местам, имеющим текстологические проблемы, он весьма тесно связан и с интерпретацией текста.

Для достижения универсальности метода следует признать принципиальную допустимость конъектуры в любом фрагменте текста, то есть допустимость конъектуры и в самом италийском примере, предлагаемом грамматиком, в тех случаях, когда конъектура проясняет мотивацию для привлечения к рассмотрению конкретного слова.

Наконец, метод перестановки применительно к сохранившемуся тексту в некоторых случаях помогает более полно восстановить картину мира, предлагаемую грамматиком в связи с италийскими названиями для каких-либо понятийных групп лексики.

Интересно, что филологическая интерпретация текста нередко признается убедительной, если содержит отсылку к реалиям, или древностям, известным благодаря не-филологическим методам и источникам. Подобный способ усиления аргументации возможен и в случае с конъектурами к италийским примерам. Для его применения следует обратиться к методам сравнительно-исторического языкознания и накопленным данным из исторической грамматики латинского языка. С их помощью в ряде случаев можно проверить степень реальности или возможности возникновения определенной грамматической формы, послужившей италийским примером для грамматика.

§2. Материал античных грамматиков и становление итальянского языкознания

2.1. Проблема истории итальянского языкознания

К сожалению, при попытке изложить историю и предысторию итальянского языкознания, как, впрочем, и любой другой дисциплины, автор неизбежно оказывается в ситуации, когда ему следует занять позицию определенной школы, и уже с ее точки зрения оценивать предыдущую традицию.

Это одно из проявлений центристской силы, действующей в истории науки. Любая работа с материалом, который считается основным для исследования в рамках данной дисциплины, сразу относится к ранней истории или предыстории этой науки.

В силу того, что основным материалом считаются данные надписей, найденных на территории Италии, к предыстории итальянского языкознания *par excellence* обычно относят непосредственные находки таких надписей, многие из которых были сделаны еще до того, как появились лингвистические методы работы с ними.

Так, например, в 1444 г. в итальянском г. Губбио были найдены т.н. Игувинские таблицы (лат. *Tabulae Iguvinae*), в 1745 г. обнаружена стела из известняка, т.н. *Cippus Abellanus*, надпись на которой выполнена в оскском алфавите, в 1784 г. – т.н. *Tabula Veliterna*, редкий пример памятника на языке вольсков, а в 1790 г. – т.н. *Tabula Bantina*, бронзовая табличка на двух языках, оскском и латинском.

2.2. Работа с итальянскими надписями в эпоху Возрождения

В 1565 г. Мартин Сметий начинает готовить издание надписей, опубликованное в 1588 г., уже после его смерти, Юстом Липсием под названием «*Liber Inscriptionum antiquarum quae passim per Europam*» [88]. В этом издании

приводится качественное изображение одной из Игувинских таблиц, а также транскрипция нескольких таблиц и краткий комментарий: «В Умбрии, в Игувии, найдены были несколько назад восемь бронзовых таблиц, из которых одна, судя по всему, выполнена перевернутыми греческими буквами, причем язык ее, как некоторые полагают, эолийский; а остальные написаны, хоть и латинскими буквами, однако, как считается, на этрусском языке [Smetius, Lipsius 1588, С. 38-40].

Таким образом, к концу XVI в. Игувинские таблицы оценивались как памятник двух языков: эолийского диалекта древнегреческого языка и этрусского языка.

Затем в 1601-1602 г. по инициативе Йозефа Юста Скалигера Ян Грутер издает сборник античных надписей «*Inscriptiones antiquae totius orbis romani, in absolutissimum corpus redactae*» [53]. В нем содержатся как латинские, так и греческие надписи, сгруппированные по содержанию.

Сборник занимает около восьмисот страниц и включает схематическое изображение каждой надписи с транскрипцией и кратким описанием, содержащим указание на место ее обнаружения [Gruter 1602]. Игувинские таблицы также попадают в поле зрения Грутера, впрочем, не предложившего никаких новых интерпретаций.

2.3. Издания итальянских надписей в эпоху Просвещения

Сборник, в котором среди прочих надписей были представлены оскские, гораздо позже создаст выпускник Болонского университета Луиджи Гаэтано Марини. Сборник вышел в 1795 г. в двух томах под названием «*Gli atti e monumenti de' fratelli Arvali*» [67]. Как видно из названия, сборник был посвящен, в первую очередь, записям коллегии Арвальских братьев (лат. *Acta fratrum Arualium*).

Во втором томе содержатся и другие надписи, среди которых *Tabula Bantina*. Марини характеризует ее как «вероятно, оскскую» [Marini 1795, С. 568], а

затем комментирует только латинскую часть. Лингвистический анализ надписи, естественно, в 1795 г. еще не был возможен в силу отсутствия каких-либо методов, позволяющих такой анализ проводить.

Марини помещает в сборник оскскую надпись, потому что этого требует стремление к полноте представленного эпиграфического материала. Для него еще немыслима проблема характеристики языка *Tabula Bantina*, как она будет поставлена в первой половине XIX века. Язык надписи признается оскским без какой-либо рефлексии над его фонетическими, морфологическими и прочими характеристиками, только на основании того, что этот язык отличается и от латинского, и от греческого, и алфавит надписи не похож на этрусский. Атрибуция опирается на данные античных историков, утверждавших, что на месте находки надписи проживали племена осков (лат. *Osci*, греч. Ὀσκόι).

Можно назвать и вышедшую уже в 1819 г. в Неаполе книгу аббата Доменико Романелли «*Antica topografia istorica del regno di Napoli*», привлекавшего материал оскских надписей, но еще не проводившего сравнительно-исторических исследований [Romanelli 1819].

Наконец, вплоть до начала XIX в. не было никакой ясности относительно того, на каком языке составлены Игувинские таблицы. В силу того, что большая часть таблиц выполнена в алфавите, схожем с этрусским, язык таблиц тоже считался этрусским и не мог считаться ничем иным.

2.4. Сравнительно-исторический метод и итальянские языки в XIX в.

Ситуация изменилась в 1828 г. после выхода монументального сочинения Карла Отфрида Мюллера «*Die Etrusker*» [Müller 1828]. Часть из таблиц, которые оказались в поле зрения Мюллера как один из этрусских текстов, была выполнена в латинском алфавите, что позволило ему провести сопоставительный анализ систем письма.

Анализ помог уточнить чтение ряда букв этрусского алфавита, а также выявил несхожесть ряда слов с известными на тот момент этрусскими – и куда

большую схожесть с латинскими словами. Язык таблиц, по месту находки, был охарактеризован как умбрский. Подспорьем послужили немногочисленные античные свидетельства о том, что племя умбров обладало собственным наречием.

При этом одним из предрассудков, постепенно укоренившимся в истории итальянского языкознания и сохранившимся по сей день, является примат эпиграфики. Он сформировался под влиянием парадигм, последовательно сменявших друг друга по мере развития сравнительно-исторического языкознания и научной программы диалектологии, начало которой положили работы Иоганна Шмеллера, в XIX в.

В первой половине XIX в. заметны работы Рихарда Лепсиуса [Lepsius 1841] и Вильгельма Гротефенда [Grotefend 1835; 1839], учитывавших как эпиграфический материал, так и данные античных грамматиков. В сер. XIX в. внимание патриархов итальянского языкознания в Европе, Вильгельма Корссена и Теодора Моммзена, сосредоточено на создании корпусов надписей, главным образом – CIL (Corpus Inscriptionum Latinarum).

Программа эпиграфики, начатая еще Августом Беком, переживает эпоху стремительного подъема и бурного развития, прежде всего – в немецкой науке. Впрочем, первый собственно итальянский корпус издается все-таки в Италии.

В 1867 г. Ариоданте Фабретти вместе с Луиджи де Симоне, Доменико Гвидобальди и др. выпускает корпус итальянских надписей под названием «Corpus inscriptionum italicarum antiquioris aevi ordine geographico digestum et Glossarium italicum in quo omnia vocabula continentur ex umbricis, sabinis, oscis, volscis, etruscis aliisque monumentis quae supersunt» [46], сокращенно – CII.

Сам сборник занимает около трехсот страниц, и примерно тысяча страниц отведена глоссарию. По полноте охвата материала этот корпус для своего времени являлся уникальным.

2.5. Эпоха грамматических компендиев (кон. XIX – нач. XX вв.)

Конец XIX в. можно считать эпохой торжества младограмматиков в языкознании. В итальянском языкознании к этому времени уже окончательно сформирована концепция «оскско-умбрской ветви», или «подгруппы» итальянских языков, противопоставленная «латино-фалисской» по ряду фонетических и морфологических признаков. Изложение фонетики и грамматики итальянских языков строится теперь на соотнесении с латинской исторической грамматикой, и структура пособий по итальянским языкам порой зеркально отражает структуру пособий по истории латинского языка.

Наиболее яркий пример такого руководства – книга Роберта фон Планты «Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte», вышедшая в двух томах в 1892-97 гг. и содержащая последовательное изложение фонетики и грамматики итальянских языков, а также – сборник итальянских надписей. Первый том отражает и работу фон Планты с сабинскими примерами [von Planta 1892, С. 591].

Особый интерес представляет сборник «The Italic Dialects» 1897 г., составленный Робертом Сеймуром Конвеем (сборник переиздавался и дополнялся вплоть до 1933 г.; с определенного момента – в соавторстве с Сарой Джонсон и Джошуа Вотмефом). Отдавая дань Карлу Бругманну, Конвей, однако, пытается смягчить силу влияния *примата эпиграфики*, привлекая материал глосс и прочие сведения античных грамматиков, как это пытались в свое время делать Гротефенд и Лепсиус, и делает это с большей подробностью, чем, например, фон Планта.

2.6. Итальянское языкознание в XX в. и оценка сочинений грамматиков как источника примеров

Первая половина XX в. характеризуется развитием структурализма в языкознании, а также формированием социологической парадигмы, заложенной Антуаном Мейе (во многом эту парадигму продолжают работы Альфреда Эрну, в

новейшее время – Джеймса Адамса и Кэтрин МакДоналд¹⁷), последователем которого считал себя Иосиф Моисеевич Тронский.

Интересно, что в своей незаконченной книге «Вопросы языкового развития в античном обществе» Тронский так отзывается о данных античных грамматиков: «Несомненно, что пользование свидетельствами грамматиков о диалектах требует от исследователя критической настороженности, а также знания терминологии грамматиков и свойственного им строя мысли» [Тронский 1973, С. 53].

Рекс Уоллес и Брайан Джозеф, обсуждая вопрос о чередовании согласных *f* и *h* в фалисских надписях, отмечали, что грамматик в основном атрибутировали это чередование как элемент «сельского языка», и лишь одно упоминание содержит атрибуцию к фалисскому языку. В том, что касается сельских диалектов, мы, действительно, можем полагаться почти исключительно на сведения грамматиков. В связи с этим Уоллес и Джозеф замечают, что «эта проблема заслуживает более серьезного отношения» [Wallace, Joseph 1991, С. 92].

Не менее запутанной оказывается и *проблема* сабинского языка. Античные грамматик (Марк Теренций Варрон, Веррий Флакк в эпитоме Феста, Сервий Мавр Гонорат и др.) время от времени упоминают сабинский язык и приводят некие примеры, которые к нему относятся. В 1980-е гг. одна из не-латинских надписей, найденная в сабинском городе Куры, возобновила дискуссию вокруг сабинского языка. Эта дискуссия отражена, прежде всего, в работах Анны Маринетти [Marinetti 1981]. В конечном итоге надпись из Кур была признана памятником южнопиценского языка.

Таким образом, до сих пор неизвестно ни одной надписи, которая атрибутировалась бы как сабинская. В результате классификация итальянских языков, опирающаяся в основном на данные надписей, либо должна быть нарушена с точки зрения отбора материала, либо – с точки зрения полноты сведений обо всех следах итальянских языков.

¹⁷ работы Дж. Адамса посвящены билингвизму на всей территории Италии, тогда как работы К. Мак Доналд – контактам осков и греков на юге Италии, т.е. на территории Великой Греции. См. McDonald K. Oscan in Southern Italy and Sicily. Cambridge. 2015.

§ 3. Примат эпиграфики в изучении примеров из итальянских языков

3.1. К проблеме «примата эпиграфики»

Отчего же *примат эпиграфики* на протяжении всего XX в. остается незыблемым и свидетельства грамматиков не столь часто привлекают внимание специалистов по итальянскому языкознанию? Ответ на этот вопрос можно видеть в том, что для древних языков и особенно их разновидностей, которые претендуют на то, чтобы считаться диалектами, надписи признаются наиболее *объективным* источником, причем чаще всего это делается негласно. Надписи вынужденно становятся как бы аналогом записей звучащей речи, проводимых во время полевых лингвистических и диалектологических экспедиций.

Однако, к сожалению, характер эпиграфического материала не позволяет приравнять надписи к диалектологическим записям. Даже если мыслится, что диалектолог работает с неким архивом, где представлены записи уже исчезнувших диалектов, тем не менее, ему вполне могут быть известны место и время, когда была сделана запись, а часто даже и релевантные для диалектолога биографические сведения о носителе диалекта.

В случае с надписями мы можем знать место и время находки, но не место и время создания, если только надпись не датирована. В случае, когда мы имеем дело с единичными случаями фиксации предполагаемого редкого языка или диалекта, часто громадные усилия эпиграфистов тратятся именно на уточнение времени создания надписи. Не говоря уже о том, что многие надписи нередко оказываются утраченными и существуют только в виде неких идей, запечатленных в прорисовках и транскрипциях, которыми и пользуется большинство исследователей.

Так, из надписей, отражающих диалекты центральной Италии, исчезли довольно многие. Например, одна из двух известных надписей на языке вольсков, надпись из г. Анцина, вышедшая в издании Рафаэлле Гаруччи, на сегодняшний

день считается утраченной. Эту же надпись ряд исследователей, в числе которых Роберт фон Планта, считает редким памятником языка марсов. Остается неизвестной судьба надписи Aes Rapinum, бронзовой таблички из г. Рапино, единственного памятника языка марруцинов [Baldi 1998].

3.2. Атрибуция итальянских надписей

Диалектология, а место итальянскому языкознанию в настоящий момент находится преимущественно внутри *программы* диалектологии, в большой мере несет в себе установку на поиск единичного и вариативного, в отличие от исторической фонетики и грамматики, которой необходимы ряды аналогичных примеров, чтобы постулировать некоторый *переход*, *процесс* или *закон*. Таким образом, очень ценны для итальянского языкознания находки надписей, передающих некий новый диалект или язык.

Однако в этом случае всегда возникает проблема *атрибуции* надписи с точки зрения языка, и здесь неизбежно привлекаются сведения античных авторов. Очевидно, что степень критичности по отношению к этим сведениям может быть различной. Вопрос об интерпретации свидетельств, с которыми соотносятся надписи, находится вне компетенции эпиграфики. Эпиграфический материал и свидетельства авторов взаимно обуславливают друг друга, но как методы критики текста не применимы в эпиграфике, так и эпиграфические методы невозможно использовать при критике или, если угодно, герменевтике античного текста.

В уже упомянутой марруцинской надписи Aes Rapinum имеется буква G, и датировка этой надписи, предлагаемая на сегодняшний день, корректируется в зависимости от того, признает ли исследователь достоверным свидетельство Плутарха, согласно которому букву G ввел Спурий Карвилий Руга примерно в 234 г. до н.э., или нет. Надпись исследователи склонны датировать серединой III в. до н.э., но в этом случае, если следовать Плутарху, невозможно понять, как буква G могла не просто появиться, но и распространиться настолько рано, и притом до такой степени, что попала на восточную окраину центральной Италии.

Не ставится под сомнение утверждение, что эпиграфика необходима и ее данные имеют исключительную ценность, однако важно искать адекватное применение следствиям из того, что не менее очевидно: эпиграфика имеет вполне определенные границы. Иллюзия объективной достоверности наших интерпретаций итальянских надписей, и особенно – наших *атрибуций*, берет начало вовсе не в эпиграфике, но в той забывчивости, с которой мы легко принимаем те свидетельства авторов, которые соответствуют, как нам кажется, обнаруженным надписям, и отвергаем при возникновении трудно разрешимых конфликтов другие свидетельства авторов, порой – с недопустимым предубеждением.

3.3. Проблемы итальянского языкознания

Филологами первой половины XIX в. эпиграфический материал в основном использовался с целью верификации сведений из сочинений античных авторов, преимущественно историков. Теодор Моммзен в первом томе своей монументальной «Римской истории» декларирует позицию немецкого романтического историзма по отношению к свидетельствам авторов об итальянских языках и надписям, настаивая на особой аутентичности последних [Mommsen 1865, С. 9].

Установка на изучение надписей и скептицизм в отношении свидетельств авторов существовала в XIX в., пока наука была занята систематизацией сведений о наиболее «крупных» итальянских языках, оскском и умбром. Действительно, авторы упоминают, что и оски, и умбры говорили на некотором языке.

До определенной поры этого было достаточно, а контексты упоминаний были не столь важны, пока ко второй половине XX в. не стала очевидной необходимость *уточнения классификации итальянских языков*, распространенных в центральной Италии. На сегодняшний день это одна из наиболее глобальных нерешенных *проблем* итальянского языкознания, и многие частные проблемы в конечном итоге восходят именно к ней.

К основной проблеме итальянского языкознания следует добавить расширения: *идентификацию* надписи как итальянской или не-италийской, ее *атрибуцию, интерпретацию* с точки зрения представленных в ней языковых явлений и по содержанию, и *классификацию* языка, на котором написана надпись, на основании выделенных явлений. Многие из этих процедур вынужденно проводятся с опорой на данные античных авторов.

Еще одной проблемой остается уточнение *хронологии* как отдельных италийских языков, так и подгрупп, или ветвей, к которым они относятся.

3.4. Герникийский язык в свете проблемы хронологии и классификации

С 1990-х гг., в основном благодаря Г. Риксу, С. Гатти и Дж. Колонне [Gatti, С. 1993], считается, что герникийский язык отражен в двух надписях, найденных в г. Анагния. До этого времени существование герникийского языка оспаривалось [Coleman 1986]. Одна из этих надписей очень ранняя, датируется V-VI в. до н.э., другая создана почти на триста лет позже, и повторяющихся слов или конструкций, которые могли продемонстрировать какие-то изменения, произошедшие с языком, в этих двух надписях нет.

К какой подгруппе италийских языков следует относить язык более древней надписи? Можно ли вообще считать, что две эти надписи демонстрируют разные стадии развития единого герникийского языка? Правомерно ли называть обе эти надписи герникийскими, или следует отвергнуть это предположение? Допустимо ли считать, что всякая не-латинская надпись, найденная на территории герников, может считаться памятником герникийского языка, только потому, что о герникийском языке упоминали античные грамматиками?

Долгое время считалось, что свидетельства о герникийском или, как писал В.Л. Цымбурский, «герникском» языке [Цымбурский 2008, С. 204], сохранились только в виде упоминаний у античных авторов. Наиболее известным примером из языка герников, предоставляемым античными грамматиками, является слово

samentum [Conway 1897, С. 306-307; von Planta 1897, С. 714], упомянутое в письме Марка Аврелия Фронту:

«Затем мы увидели этот «древний град», он хоть и малюсенький, но в нем множество древностей, храмов, алтарей, освященных мест сверх всякой меры. Не было ни одного уголка, где не размещалось бы какое-либо священное место (*delubrum, fanum* или *templum*). Кроме того, полотняные книги во множестве, что тоже относится к священным предметам.

Затем, когда мы вошли, там на воротах написана была такая двусмысленная фраза (*bifaria*): “*Flamen sume samentum*”¹⁸. Я спросил одного из местных, что бы это слово значило. Он сказал, что на языке герников так называется шапочка из кожи жертвенного животного, которую надевает себе на голову фламмин, когда вступает во град» (M. Aur. ap. Fronto IV 4, 1).

Этот фрагмент – редкий пример свидетельства, где указан непосредственный источник примера из италийского языка, в данном случае – надпись («*in porta scriptum erat*»). Франц Бюхелер посвятил этому фрагменту статью, где предложил считать *samentum* искаженным латинским словом *sagmen*, по аналогии с лат. *fragmen-fragmentum, segmen-segmentum*. Исчезновение *g* Бюхелер объяснял тем, что «гортанный звук может ослабевать» [Bücheler 1882, С. 516-517].

Сейчас это объяснение, конечно, нельзя признать корректным, особенно учитывая свидетельство надписи с Форума (CIL I² 1), найденной спустя почти двадцать лет после выхода статьи Бюхелера. Эта надпись (т.н. *Lapis niger*) содержит написание IOVXMENTA, демонстрирующее словообразовательный вариант **iug-s-men-*, где между глагольным корнем на заднеязычный и суффиксом *-men-* возникает еще *-s-*. Таким образом, в случае с *samentum* приходится предполагать стадию **sag-s-men-t-om*¹⁹.

¹⁸ К примеру *samentum* может быть предложена конъектура *sumentum*, намекающая на лат. *sumen* ‘вымя’; в случае, если в оригинальном тексте стояло именно это слово, становится ясно, почему Марк Аврелий оценивает надпись как *bifaria*, т.е. двусмысленную: якобы герниковское название шапочки оказывается созвучно с латинским словом ‘вымя’, и жрецу будто бы предлагается это взять, что и вызывает недоумение читателя, понимающего надпись как латинскую.

¹⁹ Бюхелер отозвался на находку примера из надписи с Форума в статье 1905 г. [Bücheler 1905].

Если, следуя за Бюхелером и поддержавшим его Конвеем, считать этот пример свидетельством того, что в Анагнии во времена Фронтон и Марка Аврелия существовала только местная разновидность латинского языка, нужно признать, что она была настолько автономна, что отражала словообразовательный вариант для слова *sagmen*, который должен был образоваться довольно рано. Словообразовательная модель с суффиксальным конглютинатом *-s-men-* уже в архаическую эпоху перестала быть продуктивной, судя по небольшому количеству примеров, по сравнению со случаями на *-men-*, примыкающим непосредственно к глагольному корню.

Вторым примером упоминания языка герников долгое время считался контекст из сочинения²⁰ грамматика Харизия, восходящий, по-видимому, к Юлию Роману: «*buttutti*, fluctus quidam <uel> sonus uocis effeminatior, ut esse in sacris Anagninorum uocum ueterum interpretes scribunt»²¹ (Charis. 315, 27 B). Бюхелер предлагал видеть в *buttutti* редкое латинское слово и, таким образом, отвергал идею существования герникийского языка. А Р. фон Планта даже не стал приводить этот пример в своей книге, ограничившись упоминанием только *samentum*.

Большинство исследователей сходится на том, что сведения античных авторов, Марка Аврелия и Юлия Романа (в передаче Харизия), отражают специфическую лексику из сферы культа, которая, будучи по происхождению латинской (или даже раннелатинской), сохранилась в нескольких территориальных разновидностях (*sagmen* – латинский вариант, *samentum* – локальный вариант, сохранившийся в Анагнии). Прямая связь между этими примерами и языком надписей с территории герников, вероятнее всего, отсутствует.

Таким образом, мы имеем дело с тремя «герникийскими языками», и большой методологической проблемой является выбор единого инструментария

²⁰ термин «сочинение» используется как нейтральный и не содержащий какой-либо специальной характеристики с точки зрения жанра. Подробнее о жанровом своеобразии античных текстов, содержащих италийские примеры и атрибуции, см. §1.4. Главы 1.

²¹ «*buttutti* – некое волнение (еще Бюхелер указывал, что *fluctus*, возможно, следует читать как *luctus* ‘плач’) или звук женственного голоса, который, как пишут толкователи древних слов, имеет место в Анагнийских святилищах».

оценки античных свидетельств, коль скоро *эпиграфика* наличия такого инструментария не предполагает. Эта проблема должна решаться в рамках филологии, герменевтики и критики текста с помощью *историко-филологического метода*. Поэтому мы переходим от *примата эпиграфики* к другой стороне медали, а именно к *интерпретации* свидетельств античных авторов об итальянских языках.

3.5. Классификация античных свидетельств об итальянских языках

Существует два типа свидетельств античных авторов об итальянских языках:

- 1) свидетельства, содержащие упоминание итальянского народа и его языка *без примеров* из этого языка;
- 2) свидетельства, содержащие *примеры* из какого-либо итальянского языка.

Свидетельства первого типа должны быть предметом отдельного исследования, направленного на то, чтобы максимально отделить *языковую*, или даже *диалектологическую*, *карту* Италии, предлагаемую разными античными авторами, от языковой карты, составленной лингвистами XIX-XX вв.

Второй тип свидетельств, с одной стороны, имеет определенную традицию интерпретации (Р. Лепсиус, В. Дееке, Р. фон Планта, Р. Конвей; непоследовательно – исследователи второй половины XX в.), с другой стороны – никогда не оценивался в комплексе, не подвергался внутренней классификации и последовательному филологическому анализу. Свидетельства античных авторов, собранные в работах XIX в., обычно рассматриваются под очень разным углом. Даже способ извлечения свидетельства из контекста зачастую очень различается.

Характерно, что ни один из предыдущих исследователей почти не говорил о том, как следует интерпретировать частую атрибуцию *antiqui*, которая имеет место у многих грамматиков наряду с упоминанием итальянских языков и

сельских говоров. Показательны здесь и попытки Габリエля Баккума интерпретировать примеры с атрибуцией *antiqui*, приводя аргументы исключительно *ad hoc* и не опираясь ни на какое целостное понимание традиции и методов суждения грамматиков [Bakkum 2009, С. 82].

Наконец, для второго типа свидетельств наиболее актуален *вопрос об источниках*, которыми пользовались грамматики во время своих изысканий. В связи с отсутствием ясного представления о том, что же грамматики имели в виду под атрибуцией *antiqui*, этот вопрос особенно интересен.

Если возможно установить, каковы были источники античных грамматиков и чем они руководствовались, выбирая определенную атрибуцию, то есть какова была *мотивация* античных грамматиков, многие проблемы и вопросы исторической грамматики итальянских языков, в том числе и латинского, после проведения такого исследования можно будет рассматривать на совершенно другом уровне.

Очевидно, что в первую очередь следует выделить те случаи, когда грамматики прямо ссылаются на свои источники. Можно вспомнить уже упомянутый пример, как Марк Аврелий в письме Фронтону говорит о том, что видел в Анагнии «герникийскую» *надпись* на воротах. Этот случай позволяет перейти к обсуждению вопроса о том, *была ли эпиграфика в древнем Риме и в какой форме?* Иначе говоря, можем ли мы утверждать, что античной грамматической науке в отношении итальянских языков было присуще стремление к *примату эпиграфики?*

§ 4. Изучение надписей в античности

4.1. К проблеме существования эпиграфики в античности

Чаще всего вопрос об упоминаниях надписей у авторов вообще и грамматиков в частности затрагивается во вводных разделах разнообразных руководств по эпиграфике. Лоуренс Кеппи выделяет в своей книге отдельную

главу под названием «Резчик по камню и его работа» (англ. «The stonecutter and his craft»), где анализирует несколько свидетельств античных авторов о процессе создания надписей [Kerrie 1991, С. 12-16].

Статья под заголовком «Археологи в античности» (англ. «Archaeologists in Antiquity») на схожую тему была написана британской исследовательницей Элизабет ван Бурен. Среди прочего, она упоминает свидетельство Тита Ливия (Liu. IV 20, 5), который сообщает, что Август видел надпись Авла Корнелия Косса [van Buren 1925, С. 75].

4.2. Формулы, сопровождающие упоминания надписей у латинских авторов

Поиски таких свидетельств в различных электронных корпусах текстов неизбежно приводят к необходимости установления *формул*²², или, пользуясь термином В.П. Калыгина, *клише*, сопровождающих упоминания надписей, которые читали античные авторы или герои их повествования. Во-первых, такие *формулы* могут выглядеть как конструкции, в которых на факт существования надписи указывает семантика глагола, стоящего в какой-либо грамматической форме. Во-вторых, упоминание надписи возможно в контексте, где на нее указывает одно из существительных соответствующего синонимического ряда. В-третьих, возможны смешанные случаи и случаи.

Наиболее частыми формулами первого типа являются выражения *incisum est* и *inscriptum est*, а также их варианты, наиболее частые из которых – формы пассивного инфинитива настоящего времени *incidi* и *inscribi*. К этой же группе относятся несколько реже употребляемые *insculptum est*, *impressum est*, *subscriptum est*, *caelatum est* и более редкие приставочные варианты. Иногда эти же формулы употребляются в виде инфинитивов. Ко второму типу относятся примеры, где надпись или даже конкретная ее разновидность упоминается с помощью существительного: *monumentum*, *sepulcrum*, иногда – с локализацией *in*

²² метод анализа текста с помощью выделения «формул» подробно обсуждается в Главе 2.

basi, cippus, tabula, и собственно *inscriptio, subscriptio, elogium, epigramma, uersus*. Нередко при упоминании надписи дается указание на шрифт через существительное *littera* с каким-либо определением.

4.3. Надпись на солнечных часах из Пренесте – источник Варрона

Для того чтобы получить представление о том, как именно используются надписи в принципе, на первой стадии работы мы намеренно не учитываем ни жанры, ни типы материальных носителей при классификации и расширяем поиск свидетельств до уровня текстов античных авторов вообще. Из первоначального собрания свидетельств не удаляются и те случаи, где не приводится непосредственно содержание надписи, о которой пишет автор.

Таким образом, среди упоминаний неизбежно оказываются и свидетельства о жизни надписей. На основании коллекции упоминаний авторов о надписях теоретически возможно составление своеобразного корпуса. В этом корпусе впоследствии может быть произведено внутренне разделение на упоминание греческих, латинских, архаических латинских и итальянских надписей. Рассмотрим теперь несколько случаев из коллекции упоминаний, когда грамматики говорят о надписях при обсуждении какого-либо вопроса, касающегося языка.

Наиболее ранний из таких случаев засвидетельствован в сочинении «О латинском языке» Марка Теренция Варрона. В шестой главе, посвященной этимологическим вопросам, Варрон приводит рассуждение о происхождении слова *meridie*, утверждая, что первоначальная форма этого слова могла быть *medidie*. Таким образом, слово *meridie* возводится к словосочетанию *medius dies*. Далее Варрон указывает источник, что для нас особенно важно (Varr. l.L. VI 4).

С одной стороны, в этом примере содержится атрибуция *antiqui*, с другой – Варрон отсылает читателя к надписи на солнечных часах, которую он якобы сам видел в Пренесте. Его друг и современник Цицерон приводит обсуждение этого

слова в «Ораторе»: «...meridiem cur non medidiem? credo, quod erat insuavius»²³ (Cic. or. 157, 8). Этот же случай вспоминает Квинтилиан, тоже без указания на источник (Quint. inst. I 6, 30).

Квинтилиан, по всей видимости, опирается здесь на Цицерона. Что же касается свидетельства Цицерона, из его слов неясно, встречается ли произношение *medidie* на самом деле, или это плод его реконструкции. В пользу второй точки зрения говорит то, что Цицерон вводит пример *medidie* с помощью формулировки *cur non?* Такие формулировки у античных авторов часто сопровождают именно гипотетически предлагаемые, а не реально существующие языковые факты.

Так, например, в сочинении «О латинском языке» Варрон прибегает к выражениям типа *cur non?*, обсуждая в VIII и IX книгах вопрос об аналогии (Varr. l.L. VIII 71; IX 73).

В одном месте Варрон возвращается к примеру, обсуждавшемуся еще Луцилием: «decu<s>is siue decusibus est»²⁴ (ibid. 81). Иногда можно видеть попытки найти объяснения отсутствию аналогии: «cur as et dupondius et tressis non dicantur proportionem»²⁵ (ibid. 83). Здесь Варрон оставляет реконструкцию примера по аналогии читателю.

Известные примеры своеобразных реконструкций Варрона: «если бы слова были образованы по аналогии, то место, где caro, называлось бы carnaria, где pelles – pelliaria, где calcei – calcearia, а не laniena, pellesuina и sutrina». И там же: «от sessio не было образовано sediculum так же, как cubiculum было образовано от cubatio» (Varr. l.L. VIII 55).

Возможно ли, что и у Варрона, и у Цицерона мы встречаемся с реконструкцией по аналогии, находящей опору в этимологических построениях? М. Уоррен, декларируя позицию крайнего скептицизма по отношению к этому примеру, отмечает, что Варрон мог попросту придумать форму *medidie* в поддержку своей этимологии [Warren 1886, С. 228]. Статья Уоррена посвящена

²³ «...почему meridies – не medidies? Думаю, потому, что это было неблагозвучно»

²⁴ «decusis или decusibus?»

²⁵ «почему as, dupondius и tressis не произносятся в соответствии с аналогией?»

примерам раннего употребления слова *meridie* и вопросу о возможности перехода $d > r$ между гласными.

Все три известных примера такого перехода в латинском языке (*meridie* и *medidie*, *Larinum* и *Ladinum*, а также *Idus* и *Irus*) вызывают сомнение и неоднократно обсуждались в исторической фонетике латинского языка. Любопытно взглянуть на этот пример с точки зрения контекста, в котором он находится у Варрона. Как уже было отмечено, этот контекст содержит как атрибуцию *antiqui*, так и указание на надпись. Вне зависимости от того, правильно ли Варрон прочел эту надпись в Пренесте, и была ли она вообще, важно, что он считает необходимым сослаться на источник.

4.4. Другие античные упоминания надписей

Варрон упоминает надписи еще несколько раз, в основном – в пятой книге, содержащей этимологии (ср. Varr. I.L. V 43). Неоднократно Варрон упоминает надписи *ex Argeorum sacrificiis, in quibus scriptum sic est* (ibid. 47, 50, 52), впрочем, без примеров сугубо лингвистического характера.

Есть пример употребления слова со ссылкой на «Законы двенадцати таблиц» при обсуждении этимологий для слов *uia*, *ambitus* и *circuitus* (ibid. 22). Один раз встречается отсылка к надписям у Квинтилиана в его «Воспитании оратора» (Quint. inst. I 5, 20). Здесь в качестве источника названо *quibusdam inscriptionibus*. Такого же рода свидетельство приводит Велий Лонг, грамматик II в. н.э.: «testes sunt eius inscriptiones» (Vel. Long. orth. 67, 5 K).

Следующее упоминание надписи как источника материала для грамматических суждений находится в сохранившемся тексте «О правописании» современника Велия Лонга Квинта Теренция Скавра (Scaur. orth. 15, 8 K).

Это место содержит как отсылку к «Законам двенадцати таблиц», так и упоминание надписи, которую грамматик видел в садах Цезаря. В данном случае важно наличие верификации примера с помощью надписей, которое нигде более в тексте Теренция Скавра не встречается. Вопрос об принадлежности этого

фрагмента автору основного текста «О правописании» спорен, есть основания считать этот фрагмент интерполяцией.

Наконец, уже обсуждавшееся ранее свидетельство Марка Аврелия (M. Aur. ap. Fronto IV 4, 1). Марк Аврелий отсылает к надписи на воротах, впрочем, эта надпись мыслится как официальная, и это, возможно, является основанием для того, чтобы считать ее опорой при верификации примера.

Таким образом, из обнаруженных пока свидетельств можно заключить, что ссылка на надпись дается либо когда пример уникален или достаточно редкий (Varr. l.L. VI 4; M. Aur. ap. Fronto IV 4, 1; Scaur. orth. 15, 8 K), либо когда пример не свойствен речи автора, но встречается многократно: (Quint. inst. I 5, 20; Vel. Long. orth. 67, 5 K).

4.5. Соотношение античных атрибуций итальянских примеров с надписями

Важно учитывать, что надписи составляли неотъемлемую часть жизни всякого культурного человека античности. Можно считать их одним из основных средств массовой информации, коль скоро именно в виде надписей публикуются законы. Эпитафия в том или ином виде – своеобразная форма античного некролога. В отличие от книг, доступных меньшему кругу людей, надписи были доступны каждому, кто умел читать и проходил мимо.

Можно ли сделать из этого вывод, что атрибуции типа *antiqui*, а также, наряду с ними, указания на не-латинское, итальянское племя (*Sabini dicunt/appellant, Oscorum, Marsorum lingua* и т.п.), в каких-то случаях являются косвенной отсылкой к надписям? При этом отсылка может быть не только к конкретной надписи, а к некоторой группе, по модели *quibusdam inscriptionibus*.

Если рассматривать с этой точки зрения ряд примеров, приводимых грамматиками в качестве итальянских без указания источника, следует ввести определенные ограничения, чтобы повысить степень потенциальной опровергаемости предлагаемой гипотезы. Наиболее вероятно, что из надписей

заимствовались примеры тех слов, которые в принципе по своей семантике могли быть в предполагаемых надписях упомянуты. Таким образом, предлагается ввести дополнительный критерий отбора, а именно – семантический, и всякий пример подвергать проверке, анализируя его значение.

Так, имена собственные представляются наиболее вероятной группой примеров, источник которых мог находиться в эпиграфике. Второй группой можно признать итальянские слова, для которых находятся латинские переводы, часто упоминаемые в латинских надписях. В этом случае следует проверять частоту упоминаний латинского перевода рассматриваемого слова в надписях из СИЛ, чтобы предположить контекст, в котором мог бы встретиться пример в соответствующей итальянской надписи.

Есть в упоминаниях грамматиков и несколько примеров, соотносимых непосредственно с надписями на итальянских языках. К этой группе относятся примеры типа «сабинского» *ciprum* и «пренестинского» *tongitio*.

Варрон приводит слово *ciprum*, чтобы объяснить происхождение названия *uicus Ciprius*: «от слова *ciprum*, потому что там расположились прибывшие сабинские граждане, которые назвали это место по доброму знамению: *ciprum* по-сабински значит *bonum*» (Varr. I.L. V 159). Этот же пример находится в памятниках умбрского и южнопиценского языка: умбрск. *cubrar* (Ve 233), *cupras* (Росс. 2а, 2с), ю.-пиценск. *kuprí, qupírih* [Untermann 2000, С. 405].

Если допустить, что для подтверждения этимологии Варрон (или его учитель Элий Стилон) прибегали к помощи надписей, не всегда прямо ссылаясь на них, а также учесть, что в распоряжении Варрона и Элия Стилона было значительно больше итальянских надписей, чем в распоряжении ученых Нового времени, есть основания считать пример *ciprum* (в другой орфографии – *cyprum*) заимствованным из надписей с территории сабинян.

То же самое можно допустить и в отношении «пренестинского» *tongitio*. Этот пример дает Веррий Флакк в эпитоме Феста с отсылкой к Элию Стилону: «*Tongere Aelius Stilo ait noscere esse, quod Praenestini tongitionem dicant pro notionem*» (Fest. 356, 10 M). Учитывая, что пренестинцы упоминаются Варроном

при обсуждении формы *medidie* с отсылкой к надписи, можно предполагать, что Элий Стилон, которого цитирует Веррий Флакк, пользовался местными надписями и в случае с *tongitio*.

Италийским коррелятом к этому слову считается оскское *tangin-*: *tangineis* (ТВ 9), *tanginud* (ТВ 3, 7), *tanginud* (CA A 8, 16, B 9-10, Росс.20/Sa 9 (Pietrabbondante), Росс.34/Sa 2 (Schiavi d'Abruzzo CH)), *t[ang]inud* (CA B 24-25), *tanginud* (Ve 11), *t]anginud* (Ve 19), *ta]ngin*. (Ve 17) и т.д. [Untermann 2000, С. 733]. Как можно убедиться, оск. *tangin-* наблюдается в достаточно большом числе надписей и имеет значение 'постановление'.

Что касается второй группы примеров, к ним относятся, в первую очередь, цитаты из Варрона, приводимые у более поздних грамматиков. Так, например, есть достаточно запутанный с точки зрения атрибуции примера случай в тексте Веллия Лонга: «как свидетельствует Варрон, сабиняне говорят *fasena* и так же, как *s* переходит в *г*, так и *f* меняется на соседствующее (*uicina*) придыхание» (Vel. Long. 69, 8 K).

В другом месте Великий Лонг пишет иначе: «[...] antiquorum consuetudo respicienda est, quibus moris fuit pro hac adspiratione litteram dicere f. itaque harenam iustius quis dixerit, quoniam apud antiquos *fasena* erat» (ibid. 81, 11). Можно видеть, как в рамках одного текста встречаются две различные атрибуции. Эту проблему Габриэль Баккум пытался решить с помощью реконструкции теоретических воззрений Веллия Лонга [Bakkum 2009, С. 82-83].

Однако нельзя оставлять без внимания тот факт, что разные части сохранившегося текста Веллия Лонга могли восходить к разным источникам. Можно развить предположение, что первоначальным источником в данном случае были надписи, и пример, по выражению Квинтилиана, встречался *quibusdam inscriptionibus*. За неимением соответствий в италийских надписях, в поисках возможного контекста приходится обратиться к материалу на латинском языке.

Слово *harena* встречается в латинских надписях (см., например, CIL 06, 10082, CIL 10, 01781), а также в римской элегии и эпиграмме, обычно в связи со спецификой погребения (Prop. III 7, 26; 16, 29; Mart. IX 29, 11), и др.

Можно трактовать таким же образом глоссу «сабинское» (или «марсийское») *herna* – лат. *saxa*. Так, например, слово *saxa* встречается в надписи из Умбрии: «...sed non et meritum monumenta includere possunt / nec quae corpus habent saxa tenent animam...» (CIL 11, 04765; ср. также CIL 06, 21521 и др.). Впрочем, большинство таких надписей – достаточно поздние.

Отдельного обсуждения заслуживают случаи упоминания итальянских названий сельскохозяйственных терминов и лексики из сферы культа. Ко второй группе относится, например, приводимое в письме Марка Аврелия «герникийское» *samentum*. К первой группе – примеры, чаще всего – цитируемые Теренцием Скавром, Велием Лонгом и Сервием Гоноратом как принадлежащие Варрону, реже – встречающиеся в тексте самого Варрона, например, в «De re rustica»: *hirpi* (лат. *lupi*), *f(a)edus* (лат. *haedus*), *fircus* (лат. *hircus*), *forda* (лат. *horda* ?), и т.п.

Все примеры такого рода, за исключением *hirpi*, отражают произносительные варианты для соответствующих латинских слов. Что же касается *hirpi*, значение этого слова упоминается в связи с происхождением этнонима *Hirpini*, а также семейства *Hirpi*. Как и в случае с *herna*, трудно что-либо сказать об источнике этого примера.

4.6. Надписи среди других источников итальянских примеров у грамматиков

Подводя итоги этого небольшого обзора, следует дать такой предварительный ответ на вопрос о степени влияния *примата эпиграфики* на римских грамматиков: по всей видимости, в ряде случаев примеры из сочинений античных авторов можно возводить к предполагаемым итальянским надписям. По крайней мере, именно такой ход мысли подсказывают сами грамматик.

Небольшое количество ссылок на конкретные надписи не может быть аргументом в пользу того, что грамматики черпали примеры из какого-либо иного источника.

Даже если источников было несколько, надпись, по всей видимости, была одним из наиболее авторитетных. Что касается других источников, например, сочинений древних авторов и вообще древних книг, на которые также опираются авторы, сопоставление частоты указаний на эти источники и на надписи еще необходимо установить. До сих пор, как кажется, не проводилось также и никакого исследования материала греческих грамматиков, на предмет упоминания каких-либо надписей.

Относительно атрибуций *примеров из надписей* следует сказать, что они, скорее всего, давались грамматиками по территориальному признаку. Этим можно объяснить разнородность и, зачастую, несводимость к единой языковой системе примеров как из «герникийского», так и из «пренестинского» и «сабинского» языка. Отдельного рассмотрения заслуживает механизм присвоения атрибуции *antiqui* (а также вариантов *ueteres* и *prisci*), который чаще всего остается за рамками исследований как в области итальянского языкознания, так и в истории римской грамматической науки.

§ 5. Вывод: об установлении источников, использованных грамматиками, с помощью методов филологии

Первая глава диссертационной работы посвящена рассмотрению методологических проблем, связанных с изучением текстов античных грамматиков как источника примеров из итальянских языков.

В §1. разбирается вопрос о практических задачах, решению которых могут способствовать результаты, полученные в результате детального применения положений основной гипотезы исследования на ограниченном материале итальянских примеров и контекстов, в которых они содержатся.

Опора на тщательный анализ методов суждения о языке, предлагаемых самим античными авторами, а также на историю латинского красноречия,

пережившего саму эпоху античности, позволяет наметить общую направленность диссертационного исследования, которое предполагается посвятить *языку науки*.

Сосредоточенность на изучении языка римской грамматики, в противоположность попыткам изложения *истории науки*, позволяет избежать трудностей, которые возникают при оценке материала античных грамматиков с позиции *историзма*. Упомянутые трудности подробно рассмотрены в §2. и §3.

При этом §2. содержит краткое изложение истории итальянского языкознания и работы лингвистов с примерами из сочинений грамматиков, а §3. и следующий за ним §4. посвящены оценке роли эпиграфики как базовой дисциплины для итальянского языкознания современности и вопросу о месте древних надписей в числе источников, привлекавшихся античными грамматиками и антикварами.

По всей видимости, составление корпуса античных свидетельств о работе грамматиков с древними надписями, является единственным для исследователя-филолога методом установления источников, из которых грамматики могли черпать итальянские примеры.

ГЛАВА 2. ТЕРМИНОЛОГИЯ АНТИЧНЫХ ГРАММАТИКОВ, СОПРОВОЖДАЮЩАЯ ПРИМЕРЫ ИЗ ИТАЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

§1. К проблеме исследования терминологии античных грамматиков

1.1. Вводные замечания

В данной главе рассматривается *терминология* античных грамматиков, анализ которой необходим для уточнения наших представлений о *методе* их работы с материалом италийских языков. Анализу подвергается, в первую очередь, латинская терминология, в том числе и заимствующая термины из греческого языка (например, *dialectus*, *glossa* и др.). Терминология, используемая авторами, писавшими на греческом языке и обсуждавшими италийские примеры, также анализируется, но уже с учетом выводов, сделанных в результате исследования грамматических терминов, наблюдаемых в текстах на латинском языке.

Существует современный словарь античной латинской грамматической терминологии, составленный Самантой Шад: «A Lexicon of Latin Grammatical Terminology» [99]. Однако ряд контекстов, относящихся к материалу диалектов и говоров, специально в словаре Шад не комментировался. До выхода этого словаря в распоряжении науки была только работа Л. Жоба «De grammaticis uocabulis apud Latinos» [Paris, 1893]. Следует указать и словари греческой терминологии: словарь В. Бекарес Ботаса, «Diccionario de terminología gramatical griega» [95] и глоссарий в книге Э. Дики, «Ancient Greek Scholarship» [43].

1.2. Этапы исследования терминологии, применяемой грамматиками для описания италийских примеров

Исследование терминологии грамматиков, используемой для описания диалектов, говоров и других региональных и социальных разновидностей языков,

можно разделить на три основных этапа. На первом этапе предполагается сбор и систематизация античных терминов, характеризующих употребление языковых единиц, относящихся к региональным и социальным разновидностям языков. Это, в первую очередь, термины, как существительные, так и глаголы, используемые грамматиками при упоминании разнообразных италийских примеров.

Помимо глаголов, грамматика часто используют существительные, обозначающие определенные грамматические единицы. В контекстах с италийскими примерами это, чаще всего, 'слово', которое рассматривается с разных точек зрения: *nomen*, *uocabulum*, *uox*, *appellatio*, *glossa* и др.

Второй этап включает в себя выявление и описание терминов, использовавшихся в античности для понятий, приблизительно эквивалентных современным 'язык', 'диалект', 'говор', 'наречие', 'патуа', 'социолект' и подобным, а также уточнение границ, проводимых античными грамматиками между этими терминами. Большое значение имеет анализ прилагательных, сопровождающих существительные-термины и уточняющих их значение.

Не менее важно уточнение значений как терминов, применявшихся для обозначения региональных и социальных разновидностей языков, так и терминов, отсылающих к социальным и территориальным группам их носителей. Именно поэтому на третьем этапе необходимо привести терминологию, используемую грамматиками при атрибуции примеров из италийских языков, диалектов и говоров.

1.3. Терминология античных грамматиков и атрибуции италийских примеров

Под «атрибуцией» в данном случае понимается присвоение грамматиком определенной лингвистической единице статуса примера, отражающего особенность какого-либо италийского языка, диалекта или говора, с обязательным указанием этнонима, отсылающего к его носителям.

Например, проблему представляет значительное число италийских примеров, атрибутируемых грамматиками к этнониму *Sabini* и, соответственно, их языку *Sabinorum lingua*, при полном отсутствии надписей, подтверждающих существование «сабинского языка». Не вполне проясненным остается статус «авруннского языка» (*Aurunci... nuncupauerunt*), упоминание которого принято видеть в одном из контекстов у Диомеда (Diom. I 512 K).

Несколько раз грамматиками приводятся примеры из «языка герников» (*Hernici*), однако лингвистический анализ этих примеров не дает оснований однозначно отождествить их с языком какой-либо из единичных «герникийских» надписей. При попытке разрешения этих вопросов первоначально требуется провести анализ таких терминов как *populus* (а также мн. ч. *populi*, применимое к одному племени) и *gens*.

Следует отметить, что само по себе описание терминологии античных грамматиков не может разрешить всех трудностей, связанных с установлением механизма атрибуции, однако позволяет составить представление о теоретической базе каждого из грамматиков, а также в ряде случаев выявить преемственность между сочинениями грамматиков разных эпох. О происхождении отсылок к определенным италийским племенам, а также разнообразным социальным группам, будет идти речь в отдельной главе, посвященной источникам материала античных грамматиков.

1.4. О выделении «формул ввода», или «вводных клише» для италийских примеров

Термин *формула* принято употреблять по отношению к тексту Гомера и других поэтов. Иначе говоря, *формула* – элемент формальной организации поэтического текста, повторяющаяся конструкция, допускающая вариативность в определенных и специально оговоренных пределах. Когда речь заходит об античных прозаических текстах, в том числе об ученых и учебных текстах,

посвященных вопросам языка, можно выделить три группы используемых *формул*:

- 1) формулы ввода примеров;
- 2) формулы цитирования;
- 3) формулы ввода этимологий, или объяснительные формулы.

Под *формулой ввода примеров* понимается конструкция, использующаяся для привлечения внимания к примеру из другого языка или языкового уровня, не соответствующего языку основного текста, на которую указывают грамматики.

В.П. Калыгин называл подобные конструкции, использующиеся для ввода примеров, *вводными клише*²⁶. Именно для того, чтобы не путать эпические формулы с *формулами ввода*, он использовал для обозначения последних один из вариантов перевода на русский язык англ. *formula*. В исследовании, посвященном языку поэзии, это было необходимо, потому что речь шла и о *вводных клише* в случае с цитатами из эпоса у грамматиков, и о *формулах* в поэтическом языке, подобных гомеровским.

В рамках нашего исследования поэтические формулы находятся вне поля зрения, потому что грамматики ни разу не цитируют образцов какого-либо поэтического текста, написанного на одном из итальянских языков помимо латинского, именно поэтому мы заимствуем термин *формула* в значении *вводное клише*.

В этих *формулах ввода*, или *вводных клише*, чаще всего используются итальянские атрибуции. В основе таких конструкций лежит высказывание, отражающее смысл «пример X имеет место в языке Y».

Для анализа этих формул необходимо уточнение границ терминологического использования глаголов, передающих предикат существования примера X. Предпочтения грамматиков в выборе глаголов-терминов бывают различны, подробнее см. §2 настоящей главы.

²⁶ Калыгин В.П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М. 2003.С. 9.

Анализ *формул цитирования* наиболее актуален в связи с установлением преемственности материала между разными грамматиками. Из-за того, что предмет исследования в данной работе – итальянские атрибуции примеров, вопрос о *формулах цитирования* чаще всего ограничен плоскостью цитирования одних грамматических текстов в других грамматических текстах.

Исключение составляют единичные случаи, когда грамматики ссылаются в части итальянских этимологий на Нэвия, а в части орфографии и вопросов стиля – на Луцилия. Однако все случаи цитирования грамматиками мнений других авторов по поводу итальянских примеров единичны и не подлежат какой-либо классификации.

Наконец, *формулы ввода этимологий* – один из наиболее обсуждаемых в научной литературе типов формул, особенно в связи с материалом Варрона и Сервия. Можно упомянуть работу М. Эмслера, где затрагивается вопрос о построении этимологий у Сервия в сравнении с текстом Варрона [Amsler 1989, С. 64-65]. Эмслер пользуется терминами *объяснительная формула* (англ. explanatory formula) и *этимологическая формула* (англ. etymological formula).

Интересно, что об *этимологических формулах* речь шла еще в «Академиках» Цицерона. Высказывание, раскрывающее этимологию примера, Цицерон называет *explicatio uerbi* (Cic. acad. 8).

Когда внимание исследователей обращается к *формулам ввода этимологий*, чаще всего оно распространяется далее на логическую структуру этих формул и сопоставление суждений разных типов у разных грамматиков, облеченных в одну и ту же конструкцию. Преемственность мыслей и мнений устанавливается на уровне сопоставления самих суждений, а не формальной организации текста.

Если говорить о работе грамматиков с итальянскими примерами, следует сосредоточить внимание на методе суждения грамматиков о фонетических преобразованиях и о связи фонетических разысканий грамматиков с их методом этимологизирования. Подробнее об этом см. Главу 3.

В рамках исследования терминологии целесообразно ограничиться, насколько возможно, анализом значения терминов у грамматиков и выделением конструкций, которые в дальнейшем могут быть расценены как формулы.

Подобные конструкции допускают вариативность на уровне выбора времени глагола и залога. Кроме того, вся формула может находиться в составе косвенной речи. Тем не менее, есть особенности значения и сочетаемости, которые варьируют у разных глаголов и могут быть описаны как специфические модификации формул.

Так, например, глаголы *appellari*, *cognominari*, *nominari* и *uocare* при указании на этимологию допускают появление предлога *a(ab)*:

appellari (реже *appellare*):

Romani a Curibus Quirites appellati sunt²⁷ (Seru. Aen. VIII 635).

cognominari: Ausones cognominatos ab Ausone, Vlixis et Circes filio, dicant²⁸ (Seru. Aen. VIII 328).

nominari (реже *nominare*): Ea fere nominata aut translaticio nomine ab hominibus ut Sabini et Lucani...²⁹ (Varr. l.L. V 32).

uocari / *uocare*: manducari, a quo et in Atellanis Dossenum uocant Manducum³⁰ (Varr. l.L. VII 95); uirga auguralis a tubae similitudine lituus uocetur³¹ (Gell. V 8, 10).

В схожем значении встречается и предлог *ex*. С этим предлогом употребляются *appellari* и *nominari*, причем с использованием сочетания *ex quo*:

appellari: Tiberini auum, ex quo fluuius Tiberis appellatus est³² (Seru. Aen. X 145).

nominari: Clausus... ex quo Claudia et tribus est et familia nominata³³ (Seru. Aen. VII 706).

²⁷ «Римляне от слова Cures были названы Quirites».

²⁸ «Говорят, что Ausones были названы от Авзона, сына Кирки и Улисса».

²⁹ «Они названы именами, перенесенными от людей, как, например, Sabini и Lucani».

³⁰ «Manducari... от которого в Ателланах Dossenus называется Manducus».

³¹ «Жезл авгура по сходству с трубой называется lituus».

³² «...деда Тиберина, по которому названа река Тибр».

³³ «Клавз... по которому названа триба и род Клавдиев».

Для значения ‘заимствовать’ используются конструкции с глаголами *sumere* и *dicere*; нередко в этих конструкциях встречается тот же предлог *a(ab)*, служащий для указания на источник:

sumere: crepusculum... uocabulum sumpserunt a Sabinis³⁴ (Varr. l.L. VI 5).

dicere: Feronia, Minerua, Nouensides a Sabinis. Paulo aliter ab eisdem dicimus haec: Palem, Vestam, Salutem...³⁵ (Varr. l.L. V 74).

Особенно интересна формула, вводящая пример новообразования от заимствования. В этой формуле задействован только глагол *trahere* с предлогом *ex* или его греческим переводом ἐκ: Odefacit... ut quibusdam uidetur, ex Graeca ὀσμῇ tracta est³⁶ (Fest. 178, 33 L).

Для указания на итальянский пример конструкции с глаголами *dicere*, *uti* и *usurpare* нередко расширяются с помощью предлога *pro*:

dicere: ...et Lanuini mane pro bono dicunt³⁷ (Macr. Sat. I 3, 13).

usurpare: Pistum a pinsendo pro molitum antiqui frequentius usurpabant³⁸ (Fest. 210, 32 L).

uti: ...antiqui utebantur pro loci significatione³⁹ (Fest. 249, 33 L).

Таким образом, образцом стандартной формулы ввода примера, где все возможные синтаксические позиции, обусловленные обязательными валентностями сказуемого, заполнены, может быть следующий контекст из Диомеда⁴⁰:

³⁴ «Слово crepusculum заимствовали от сабинян».

³⁵ «Feronia, Minerua, Nouensides – от сабинян. Немного иначе мы говорим, заимствуя у них, следующее: Palem, Vestam, Salutem...».

³⁶ «Odefacit... как некоторым кажется, было заимствовано из греческого ὀσμῇ».

³⁷ «и ланувинцы говорят mane вместо bonum».

³⁸ «древние часто использовали слово pistum, образованное от pinso, вместо molitum».

³⁹ «древние пользовались этим для обозначения места».

⁴⁰ Подобная формула в разных вариациях встречается практически для всех обсуждаемых глаголов, см. Приложение 2.

aiunt hunc trochaeum Auruncos rutilum nuncupauisse⁴¹ (Diom. III 478 K).

Глаголы, заполняющие позицию сказуемого, могут быть различными по значению и сочетаемости, и о специфике употребления каждого из глаголов в составе конструкций, которые могут расцениваться как формулы, подробно сказано ниже.

§2. Терминология, характеризующая употребление примеров из италийских языков: глаголы

В словарных статьях С. Шад часто можно увидеть пометку «non-grammatical», обозначающую, что рассматриваемое слово встречается в каком-либо значении или форме только в текстах, которые не считаются специально грамматическими.

Впрочем, даже употребление слова в сочинении, не относящемся непосредственно к грамматике, может быть терминологическим. В предисловии к словарю латинских грамматических терминов С. Шад отмечает: «Латинские грамматики в большей степени тяготели к использованию для грамматических нужд глаголов из повседневного языка, чем к созданию новых терминов по образцу соответствующих греческих» [Schad 2007, С. XXIII].

Действительно, подобное отношение к терминологии свойственно многим латинским авторам. На это обращал внимание, в частности, Дж. Адамс в ряде работ, посвященных античным терминосистемам. Впрочем, о грамматической терминологии Дж. Адамс никак не высказывался.

В словаре С. Шад не вполне ясными остаются критерии разделения глаголов, охарактеризованных как «глаголы из повседневного языка, использованные для целей грамматических описаний» [там же], которые выделяются в отдельную статью, и глаголов, которые используются в

⁴¹ «Говорят, что этот трохей Аврунки называли rutilus».

грамматических описаниях, но не становятся заголовком отдельной статьи в словаре С. Шад.

Дабы избежать противоречий, далее приводится собрание всех глаголов, использующихся при введении и характеристике итальянских примеров. Все привлекаемые контексты и указатель грамматических терминов-глаголов, использующихся грамматиками при работе с итальянскими языками, помещены в Приложении 2.

2.1. *appellare*

С. Шад не выделяет этот глагол в отдельную статью, ограничиваясь производными *appellandi* и *appellatio*. Тем не менее, в случае с контекстами, содержащими итальянские примеры, достаточно часто встречается именно глагол *appellare*. В частности, С. Шад не учитывает случаи, когда этот глагол употребляется в виде *appellari a(b)*. Тем не менее, такие случаи нуждаются в комментарии, потому что данное употребление глагола соответствует значению ‘быть производным от какого-либо слова’ и используется грамматиками в однотипных конструкциях, служащих для передачи этимологии. Более того, в грамматических текстах такое значение *appellare* встречается чаще всего. В этом можно убедиться на примере контекстов, приведенных далее.

В целом употребления глагола *appellare* в грамматических текстах можно разделить на три группы: 1) для указания на пример; 2) для указания на этимологию; 3) при описании склонения и словообразования. Вторая группа употреблений, предполагающая использование *appellare* при отсылке к этимологии, может быть разделена, в свою очередь, на подгруппы, соответствующие типу конструкции, в которую заключена приводимая грамматиком этимология.

Число контекстов, в которых *appellare* употребляется только для указания на итальянский пример, не многим больше двух десятков (всего 23 в Приложении). Этот глагол в равной мере используют и Варрон, и Фест, и Теренций Скавр, и

Сервий, и Авл Геллий. Есть также контекст из Фронтин, содержащий италийскую атрибуцию к примеру: «quod Graeci πλέθριν appellant, Osci et Umbri uorsum»⁴² (Frontin. lim. 30 Lachm.).

Нередко указание на пример находится внутри контекста, где речь идет об этимологии, отсылающей к италийскому примеру. Однако формально глагол указывает лишь на отдельно взятое слово как на разбираемый пример: «itaque Naeuius Balatium appellat»⁴³ (Varr. l.L. V 53); «Rex cum ferias menstruas Nonis Februariis edicit, hunc diem februaturn appellat; februm Sabini purgamentum»⁴⁴ (Varr. l.L. VI 13).

В двух случаях приводятся слова, относящиеся к деревенской речи, впрочем, не имеющие прямой атрибуции в самих контекстах (либо дается атрибуция *quidam*, либо глагол стоит в форме страдательного залога). Это контексты из Авла Геллия (Gell. II 20, 9) и Сервия (Seru. Aen. II 140), восходящие к сочинению Варрона «De re rustica». Авл Геллий ссылается на Варрона прямо, а Сервий пересказывает содержание одного из разделов, посвященного названиям разных видов коров.

В шести контекстах (Varr. l.L. V 50; VI 63; Fest. 198, 17; 261, 22; 302, 6; 314, 4 L), большая часть из которых принадлежит Фесту, можно наблюдать атрибуцию *antiqui*. В трех случаях – атрибуцию *uulgo* (Fest. 209, 2 L; Gell. XX 11, 2). При этом в одном из контекстов у Феста эта атрибуция соседствует с *antiqui*: «Sispitem Iunonem, quam uulgo sospitem appellant, antiqui usurpabant, cum ea uox ex Graeco uideatur sumpta, quod est σῶζειν»⁴⁵ (Fest. 343, 15 L).

Единственный убедительный пример античной атрибуции *Falisci*, засвидетельствованный Теренцием Скавром, также связан с глаголом *appellare*: «quem antiqui fircum, nos hircum, et quam Falisci habam, nos fabam appellamus, et

⁴² «Тот, что греки называют πλέθριν, оски и умбры – uorsum».

⁴³ «Так что Нэвий называет <его> Balatium».

⁴⁴ «Царь, когда объявляет на февральские ноны ежемесячные каникулы, называет этот день februaturn. Februm Сабиняне <называют> сор».

⁴⁵ «Юнону Sispes, которую uulgo (в просторечии) называют Sospes, так произносили древние, потому что это слово, как кажется, заимствовано из греческого, т.е. от σῶζειν».

quem antiqui fariolum, nos hariolum»⁴⁶ (Scaur. orth. 13, 9 K). То же с редкими примерами атрибуций Павла и Феста к *Lanuui* и *Praenestini*: «<testicul>os, quos Lanu<uini appellant nebrundine>s, Graeci <ύς, Praenestini nefrones»⁴⁷ (Paul. ex F. 163 M; Fest. 277 L).

Наконец, три контекста фиксируют употребление глагола *appellare* в значении 'называть' вместе с атрибуцией *Osci* и три контекста – с атрибуцией *Vmbri*: «senem quod Osci casnar appellant» (Varr. l.L. VII 29); «Naeuius appellat asta ab Oscis» (Varr. l.L. VII 54); «hi (Osci) Martem Mamertem appellant»⁴⁸ (Fest. 130, 2 L); «Plotos appellant» Umbri pedibus planis <natos (Fest. 238, 31 L); «Strebula Umbrico nomine Plautus appellat coxendices hostiarum» (Fest. 313, 20 L); «dira Sabini et Umbri quae nos mala, dira appellant»⁴⁹ (Seru. Aen. III 235).

Чаще всего глагол *appellare* употребляется грамматиками для указания на этимологию, что никак не было отмечено С. Шад. Один раз этот глагол употребляется в эпитоме Павла в сочетании с Abl. sg.: «Irpini appellati nomine lupi»⁵⁰ (Paul. ex Fest. 106 L). По одному разу засвидетельствованы формулы «*appellari* с предлогом *de*» (Gell. XI 1, 1) и «*appellari* с предлогом *ex*» (Seru. Aen. X 145). Восемь контекстов демонстрируют формулу «*appellari* (реже *appellare*) с предлогом *a (ab)*» (Varr. l.L. V 42; 159; VII 36; Fest. 182, 47 L; Cic. fin. II 70, 182; Fest. 293, 50; 352, 31 L; Seru. Aen. VII 657; VIII, 635; XI 603).

Важно отметить формулу «*appellari* в сочетании с *quasi*»: «triones rustico uocabulo boues appellatos scribunt quasi quosdam terriones» (Gell. II 21, 8); «Marrubii appellabantur quasi circa mare habitantes»⁵¹ (Seru. Aen. VII 750), а также родственную ей по структуре формулу «*appellare* и придаточное предложение с

⁴⁶ «Кого древние fircus, мы – hircus, и то, что фалиски – haba, мы называем faba, и кого древние – fariolus, мы – hariolus».

⁴⁷ «testiculi, которые у ланувинцев называются nebrundines, у греков <..>ύς, у пренестинцев – nefrones».

⁴⁸ «Senex, которого оски называют casnar»; «Нэвий называет asta, <взяв слово> от осков»; «они (оски) называют Mars – Mamers».

⁴⁹ «Умбры называют Plotos тех, кто pedibus planis nati (родился с плоскими стопами)»; «умбским словом strebula Плавт называет coxendices hostiarum (ляжки жертвенных животных)»; «Сабиняне и умбры называют dira то, что мы – mala».

⁵⁰ «Irpini названы именем волка».

⁵¹ «Пишут, что быки называются деревенским словом triones, quasi (как бы) некие terriones»; «Marrubii называются те, кто quasi (как бы) живет circa mare (вокруг моря)».

quia» (Fest. 277, 14 L; Seru. Aen. VIII 361). В десяти контекстах имеет место формула *appellari* и придаточное предложение с *quod*, в пяти – «*appelari* и придаточное предложение с *qui* (в любой форме)».

Варрон, в отличие от других грамматиков, допускает даже употребление глагола *appellare* при описании нестандартного склонения или словообразования: «*quod singulae dicuntur, appellatae eae multae*»⁵² (Varr. l.L. VII 177). Из-за того, что речь идет именно об образовании форм, два других случая употребления *appellare* в таком контексте находятся в IX главе «De lingua Latina» (Varr. l.L. IX, 61; 68).

2.2. *cognominare*

Глагол *cognominare* имеет, согласно классификации С. Шад, три основных значения: 1. присваивать когномен; 2. называть собственным именем; 3. именовать, обозначать [Schad 2007, С. 64]. Тем не менее, круг контекстов, на основании которых может быть описано употребление этого глагола, несколько шире, чем представлено в словаре Шад.

Только один раз глагол *cognominare* употребляется для указания на италийских пример у Макробия, в сочетании с редкой атрибуцией *Neopolitani*: «...in Campania Neopolitani celebrant Ἡβωνὰ cognominantes»⁵³ (Macr. Sat. I 18).

Четыре случая, из которых один – у Варрона, три оставшихся – у Сервия, демонстрируют употребление *cognominare* в составе формул, указывающих на этимологию: «*cognominari* с предлогом *a (ab)*» (ср. Varr. l.L. V 32); «*Ausones cognominatos ab Ausone*»⁵⁴ (Seru. Aen. VIII 328); «*cognominare* и придаточное предложение с *qui*» (Seru. Aen. I 6); «*cognominari* и придаточное предложение с *quod*» (Seru. Aen. XII 747).

⁵² «Из-за того, что о них говорится по отдельности, они называются <во множественном числе> eae multae».

⁵³ «Неаполитанцы в Кампании чествуют (этого бога), именуя Ἡβων».

⁵⁴ «Ausones называны по Авзону».

Интересно, что этот глагол не употребляется в связи с итальяскими примерами ни Фестом, ни Павлом. В использовании этого глагола Сервием можно усмотреть влияние Варрона, впрочем, с известной долей сомнения.

2.3. *declinare*

С. Шад выделяет три основных значения для этого глагола [Schad 2007, С. 109-111], два из которых можно наблюдать и в контекстах, связанных с итальяскими языками. Фест употребляет этот глагол для указания на специфическое формообразование (Fest. 201, 19 L). Для указания на этимологию этот глагол употребляется исключительно Варроном: «Carmenae⁵⁵ ab eadem origine sunt declinatae»⁵⁶ (Varr. l.L. VII 23), а также (Varr. l.L. V 32; VI 58; IX, 61).

2.4. *dicere*

Спектр значений глагола *dicere* описан С. Шад достаточно подробно [Schad 2007, С. 128], она выделяет в качестве отдельного значения ‘создавать производное слово’ и приводит две частотные конструкции, сопровождающие глагол в этом значении: конструкцию с предлогом *a (ab)* и предлогом *quod*. Однако при анализе контекстов, где обсуждаются примеры из итальяских языков, было установлено, что повторяющиеся конструкции с глаголом *dicere* (еще чаще – в пассивной форме *dici*) не ограничиваются двумя упомянутыми в словаре С. Шад.

Для простого указания на итальяский пример, с использованием разнообразных атрибуций, этот глагол употребляют все грамматики, и Варрон, и Фест, и Павел, и Сервий, и Авл Геллий вплоть до Макробия. Более трех десятков контекстов фиксируют это употребление. Следует заметить, что С. Шад не выделяет в качестве терминологического употребление глагола *dicere* в значении

⁵⁵ Встречается также чтение *Casmae.

⁵⁶ «Carmenae образованы от того же источника»

‘произносить’, ‘образовывать производное слово/форму’ и ‘заимствовать’, хотя для этого есть основания.

В значении ‘употреблять форму / словообразовательный вариант’ глагол *dicere* встречается девять раз, у Феста (Fest. 162, 58 L), Сервия (Seru. Aen. I 75; 93; 144; 147; 233; 293) и Авла Геллия (Gell. VII 16, 3; X 24, 8). Варрон не употребляет этот глагол в таком значении применительно к итальяским примерам ни разу. Среди известных девяти контекстов обращает на себя употребление слова *mos* применительно к словоупотреблению, ср.: «*duplices duas, secundum morem antiquum. nam duplices duos dicebant*»⁵⁷ (Seru. Aen. I 93).

Для передачи значения ‘произносить’ глагол *dicere* употребляется в 14 контекстах, связанных с итальяскими примерами, и используется большинством грамматиков. Именно в этом значении его употребляют Велий Лонг и Теренций Скавр, авторы сочинений о правописании (Scaur. orth. 23, 19 K; Vel. Long. orth. 69, 11 K). Интересны три случая употребления *dicere* как ‘произносить’ у Присциана, с атрибуцией *Italiae populi*: «*u quoque multis Italiae populis in usu non erat, sed e contrario o[...] colpam pro culpam dicentes et Hercolem pro Herculem*»⁵⁸ (Prisc. inst. II 27, 9 K, ср. также 26, 16; 25 K).

Именно глагол *dicere* чаще всего употребляется для указания на этимологию. Число таких контекстов, отсылающих к итальяским примерам, превышает шесть десятков. Наиболее интересно в этой связи установить то, как распределяются контексты с подобным употреблением *dicere* между грамматиками и можно ли на основании этого делать какие-либо выводы о преемственности и заимствовании примеров. Для этой цели следует подвергнуть внимательному анализу *формулы ввода* этимологий, содержащие глагол *dicere*.

Чаще всего используется формула «*dici* (реже *dicere*) с предлогом *a* (*ab*)». Варрон, Фест и Сервий пользуются ею одинаково часто. Интересно, что Варрон употребляет эту формулу и для передачи значения ‘заимствовать’ (Varr. l.l. V 74).

⁵⁷ «*duas* названы *duplices* в соответствии с древним словоупотреблением (*mos*). дело в том, что <древние> называли *duos* – *duplices*».

⁵⁸ «у многих народов Италии гласный *u* не использовался, а использовался, наоборот, *o*[...] говорящие *colpa* вместо *culpa* и *Hercoles* вместо *Hercules*».

Второй по частотности тип формул предусматривает построение придаточных предложений при глаголе *dicere*. Одна из таких формул – «*dici* (реже *dicere*) и придаточное предложение с *quod*», другая – «*dici* и придаточное предложение с *qui*». Единичны случаи, когда употребляется «*dici* в сочетании с *quia, quod* и *a(b)* одновременно» (Seru. Aen. VIII 636) и «*dici* в сочетании с *quod* и *qui* одновременно» (Varr. l.L. V 96) для ввода нескольких этимологий. Существует формула «*dici* (реже *dicere*) после *unde*», которую употребляет только Сервий, зато сразу в пяти контекстах в разных частях комментария к «Энеиде» Вергилия.

Интересно, что Фест и Павел избегают построения этимологий для италийских примеров с помощью придаточных предложений. Формула «*dici* (реже *dicere*) и придаточное предложение с *quod*» употребляется Варроном 8 раз, Сервием 3 раза и всего 2 раза у Феста. При этом в одном случае Фест прямо ссылается на Варрона (Fest. 343, 66 L), а в другом, хотя ссылки на Варрона нет, ее можно предполагать на основании специфики материала: речь идет об оскском названии для бога Марса: «*Mamers... qui lingua Oscanum Mars significatur*»⁵⁹ (Fest. 158, 52 L).

Формула «*dici* и придаточное предложение с *qui*» встречается трижды у Варрона (Varr. l.L. V 123; VI 63; 68), один раз у Сервия (Seru. Aen. V 598) и один раз у Феста (Fest. 165, 27 L).

Интересно, что Фест употребляет формулы «*dici* в сочетании с *post*»: «*Quirites autem dicti post foedus a Romulo et Tatius*»⁶⁰ (Fest. 254, 34 L) и «*dici* в сочетании с *propter*» (Fest. 206, 29 L), которые не свойственны Сервию и Варрону. Вероятно, уменьшение числа придаточных предложений и появление новых формул связано именно с деятельностью эпитоматора, вынужденного сокращать текст и, соответственно, влиять на его стиль.

2.5. *ducere*

⁵⁹ «*Mamers...* на языке осков называется Марс».

⁶⁰ «*Quirites* названы после доровора, заключенного Ромулом и Тацием».

Глагол *ducere* описан у С. Шад достаточно детально [Schad 2007, С. 142-143]. Однако его употребление по отношению к итальяским примерам редко. Для указания на этимологию его употребляет только Фест (Fest. 218, 46; 257, 19; 293, 28 L). Варрон и Сервий избегают употребления этого глагола как грамматического термина.

Есть лишь один грамматический контекст в комментарии Сервия, содержащий ссылку на Варрона, где используется глагол *ducere*: «Varro ait “sparum telum missile, a piscibus ducta similitudine, qui spari uocantur”»⁶¹ (Seru. Aen. XI 682). Учитывая, что глагол *dicere* является для Варрона предпочтительным при указании на этимологии, можно даже предполагать порчу текста в цитате у Сервия и возникновение *ducta* на месте *dicta* под влиянием словоупотребления более поздних грамматиков.

2.6. *fingere*

Как и глагол *ducere*, глагол *fingere* по отношению к итальяским примерам встречается редко. В основном тот глагол используется, когда речь идет о неологизмах, в том числе предложенных поэтами, и почти никогда не отсылает к этимологии.

С. Шад приводит более обширный список контекстов, где *fingere* обозначает ‘создавать производное слово’, а также ряд других значений [Schad 2007, С. 170]. При этом может сложиться впечатление, что глагол *fingere* является основным термином для указания на этимологию. Однако это не так. Большинство грамматиков не используют это слово, предпочитая *dicere* и *appellare*.

Только в значении ‘создавать производное слово’ глагол *fingere* употребляется в контекстах, где речь идет об итальяских примерах, причем только у Варрона и всего три раза (Varr. l.L. V 69; 96; 120). Все три контекста

⁶¹ «Варрон говорит: sparum – это метательное копье, названное (ducta или dicta?) по сходству с рыбами, которые называются spari».

представляют особый интерес потому, что значение глагола *fingere* содержит в себе метафору, следовательно, было изобретено грамматиками, вероятнее всего, в качестве перевода греческого термина.

Производным термином от глагола *fingere* является существительное *figura*, которое употребляется Авлом Геллием и другими грамматиками в смысле ‘словообразовательная модель’ (ср. Gell. XI 15, 2). От *figura* происходит и термин *figurare*, который Геллий употребляет в смысле *fingere* (Gell. IV 9, 12). Приводит Геллий и греческий аналог для *figura* – греч. σχῆμα (ibid. I 20, 1).

В основе семантики терминов *fingere* и *figura*, применяемых к производным словам, лежит представление о значении производного слова как сочетании значений слов, которыми семантику этого слова можно описать, при этом как минимум одно из указанных в толковании производящих слов по форме должно напоминать часть производного.

Само же значение производного слова может быть описано через словосочетание, которое расценивается как *figura*. Так, например, Варрон использует термин *fingere* для этимологизации теонима с уточняющим эпитетом Iuno Lucina: «ficta ab iuuando et luce Iuno Lucina»⁶² (Varr. l.L. V 69).

2.7. *nominare*

В словаре С. Шад указано только значение ‘называть, обозначать по имени’ [Schad 2007, С. 269], однако применительно к итальянским примерам этот глагол указывает и на произношение, и на этимологию. Для указания на произношение глагол *nominare* использует Теренций Скавр: «quod <nos> hordeum dicimus illi fordeum nominauerunt»⁶³ (Scaur. orth. 23, 19 K); для указания на этимологию – преимущественно Варрон и Сервий.

Формула «*nominari* (реже *nominare*) с предлогом *a* (*ab*)» используется 1 раз (Varr. l.L. V 32). Нередко отсылка к производящему слову сопровождается

⁶² «от «помогать» и «свет» образована Iuno Lucina».

⁶³ «то, что мы называем hordem, они называли fordeum».

пояснением в виде придаточного предложения с *quod*, в 4 случаях у Варрона и 3 случаях у Сервия.

Формула «*nominari* (реже *nominare*) в предложении с *unde*» в связи с итальяскими примерами ни разу не употребляется Варроном, однако засвидетельствована у Сервия (Seru. Aen. V 560; X 145) и один 1 раз – у Феста (Fest. 293, 16 L). Один раз Сервий использует «*nominari* в предложении с *ex quo*» (Seru. Aen. VII 706).

2.8. *nuncupare*

С. Шад приводит многочисленные контексты употребления глагола *nuncupare* из сочинений поздних грамматиков [Schad 2007, С. 273]. Вообще глагол *nuncupare* используется применительно к языку как у Варрона, так и у Феста, однако при упоминании итальянского слова встречается всего в одном контексте у Диомеда: «aiunt hunc trochaeum Auruncos rutilum nuncupauisse»⁶⁴ (Diom. III 478 K).

2.9. *ponere*

Глагол *ponere* вообще не выделяется С. Шад в отдельную статью. Есть только отдельные статьи для его приставочных производных *postpono* и *praepono* [Schad 2007, С. 309, 312]. При рассмотрении итальяских примеров глагола *ponere* употребляется в значении ‘произносить’ и ‘употреблять’. Варрон почти не употребляет этот глагол, кроме как в значении ‘произносить’ (Varr. l.L. VII 96) и в этимологии для слова *loqui* (ibid. VI 56).

В значении ‘произносить’ по отношению к итальянской фонетике этот глагол применяет Фест (Fest. 348, 21 L) и Присциан (Prisc. inst. II 27, 9 K). В значении ‘употреблять’ – Фест, Сервий и Авл Геллий (всего 7 контекстов).

⁶⁴ «говорят, что этот трохей аврунки имели обыкновенно называть rutilus».

2.10. *pronuntiare*

С. Шад дает весьма подробный разбор контекстов, где встречается этот глагол [Schad 2007, С. 329]. Впрочем, Варрон и Сервий вообще не пользуются этим глаголом применительно к итальяскому материалу, предпочитая *dicere*.

По отношению к итальяским примерам этот глагол употребляется в значении ‘произносить’ всего два раза в эпитоме Феста (Fest. 254, 54; 355, 2 L). И 1 раз *pronuntiare* имеет у Феста значение ‘употреблять форму’: «Specus feminino genere pronuntiabant antiqui, ut metus et nepos»⁶⁵ (Fest. 343, 29 L).

2.11. *significare*

С. Шад подробно комментирует семантический спектр этого глагола [Schad 2007, С. 364-366]. Глагол *significare* используется и для описания значений итальяских слов, являясь, тем самым, одним из способов ввода итальяского примера. Им в одинаковой мере пользуются все грамматиканы, и Варрон⁶⁶, и Фест, и Сервий, и Авл Геллий. Всего засвидетельствовано 24 контекста с разнообразными итальяскими атрибуциями (см. Приложение).

2.12. *sumere*

В словаре С. Шад этот глагол охарактеризован именно так, как он употребляется в одном контексте у Варрона применительно к итальяским языкам [Schad 2007, С. 387], то есть в значении ‘заимствовать’: «id uocabulum sumpserunt a Sabinis (Varr. l.L. VI 5).

2.13. *trahere*

⁶⁵ «Specus древние употребляли в женском роде, как metus и nepos».

⁶⁶ подробнее об употреблении глагола *significare* Варроном см. [Кузнецов 2002, С. 90-95].

Грамматики употребляют этот глагол в значении ‘образовывать слово от заимствования’, и чаще всего он выступает в сочетании с предлогом *ex* или его греческим переводом *ἐκ* [Schad 2007, С. 403], в том числе и по отношению к примерам «языка древних» (*antiquorum*). Известно всего 2 примера из Феста, где этот глагол используется в связи с этимологией итальянского слова. Оба служат для демонстрации греческого производящего слова, к которому возводится какое-либо итальянское (Fest. 178, 33; 218, 48 L).

2.14. *uocare*

В словаре С. Шад для этого глагола нет отдельной статьи, есть лишь статьи для его производных [Schad 2007, С. 426-427]. Тем не менее, глагол *uocare* широко использовался грамматиками со времен Варрона.

Интересно, что Варрон почти не использует этот глагол для указания на этимологию, но предпочитает употреблять его при переводе с одного языка на другой (Varr. l.L. V 68; 107; VI 13; VII 28). Сервий и Фест используют этот глагол для указания на итальянский пример (более 20 контекстов).

Применительно к итальянскому материалу глагол *uocare* по частотности употребления может сравниться только с *appellare*. Фест использует *uocare* и для указания на специфическое произношение: «Osce, quod i quoque pitora quattuor uocent»⁶⁷ (Fest. 206, 37; ср. также 229, 16 L).

Для указания на этимологию Варрон (всего 1 раз, ср. Varr. l.L. VII 95), Фест, Сервий и Авл Геллий пользуются формулой «*uocari* / *uocare* в сочетании с предлогом *a(b)*». У Феста однажды встречается «*uocari* / *uocare* в предложении с *unde*» (Fest. 293, 16 L).

Формулы с придаточными предложениями, т.е. «*uocari* / *uocare* и предложение с *quod*» и «*uocari* / *uocare* и предложение с *quia*», можно наблюдать у Сервий лишь однажды (Seru. Aen. X 145). Зато ими пользуется Фест (Fest. 258, 56; 141, 15; 277, 14; 313, 15 L). В отличие от глагола *dicere*, по отношению к

⁶⁷ «По-осски, потому что они говоря вместо quattuor pitora».

которому Фест предпочитает избегать формул с придаточными предложениями, рядом с *uocare* он использует их достаточно свободно.

Наконец, сочетание «*uocari* в предложении с *propter, propterea*» встречается только у Сервия (Seru. Aen. I 720; Prisc. II 487, 8 K).

2.15. *uocitare*

Как и глагол *uocare*, его суффиксальный производный *uocitare* не упоминается С. Шад. Тем не менее, этот глагол используется в грамматических контекстах. Варрон дважды использует его для указания на этимологию италийского слова (Varr. l.L. V 162; VI 58). Для указания на пример его использовали Фест (Fest. 209, 18 L) и Авл Геллий (Gell. XI 1, 1).

2.16. *usurpare*

Глагол *usurpare* С. Шад не рассматривает, выделяя в отдельную статью существительное *usurpatio* как ‘употребление’ [Schad 2007, С. 429]. Тем не менее, сам глагол *usurpare* употребляется Фестом применительно к примерам «языка древних», причем в двух значениях: для указания на особое произношение и правописание (Fest. 202, 20; 254, 53; 343, 16 L) и для указания на пример (Fest. 210, 32; 343, 34 L).

2.17. *uti*

В словаре С. Шад нет отдельной статьи для этого глагола, хотя грамматики используют его не реже, чем существительное *usus* [Schad 2007, С. 429]. Варрон почти не пользуется этим глаголом, но у Феста, Сервия и Авла Геллия он употребляется неоднократно в составе формул «*uti* в сочетании с Abl. sg.» (7 случаев), «*uti* в сочетании с предлогом *pro*» (3 контекста, все у Феста) и «*uti* и

предложение с *quia*» (Fest. 274, 60 L).

§3. Терминология, характеризующая употребление примеров из итальянских языков: существительные и прилагательные

3.1. *glossae, glossema, glossula, lingua secretior*

С. Шад приводит для термина *glossa* одно значение: «collection of unfamiliar words with explanations, glossary»⁶⁸ [Schad 2007, С. 189] со ссылкой на Варрона (Varr. l.L. VII 10) и Харизия (Charis. 297, 24; 315, 25 В). Действительно, термин *glossa*, причем в форме мн. ч. *glossae*, в текстах грамматиков является обозначением жанра. Именно поэтому сам по себе термин *glossa* в сохранившихся памятниках не является маркером для контекстов, содержащих какие-либо итальянские примеры или атрибуции. Впрочем, этот термин, как и близкие к нему существительные *glossema* и *glossula* [Schad 2007 *ibid.*], может обозначать не только «collection of words», то есть глоссарий, но и поэтический прием.

Эволюция слова *glossae* от значения ‘поэтический прием, предусматривающий употребление необычного слова’ к значению ‘глоссарий; сборник редких слов’ соотносится с природой самого жанра глоссария, в конечном итоге восходящего к пояснениям для редких слов, необходимым для понимания поэтического текста. Не случайно термин *glossema* встречается у Варрона в главе VII сочинения «О латинском языке». В этой главе содержится наибольшее число цитат из древних поэтов и комментируются поэтические употребления слов (Varr. l.L. VII 34; 107).

Интересный латинский перевод для слова *glossae*, который можно было бы учесть при написании соответствующей статьи в словаре латинской грамматической терминологии, предложил Квинтилиан: «Protinus enim potest

⁶⁸ «собрание незнакомых слов с толкованиями; глоссарий».

interpretationem linguae secretioris, id est quas Graeci glossas uocant,... ediscere»⁶⁹ (Quint. I 1, 35). В словаре С. Шад нет статьи про слово *secretus* в грамматическом значении, хотя есть статьи про другие прилагательные, например, про *saluus* [Schad 2007, С. 353].

Тем не менее, выражение «*lingua secretior*», как и «*uocabula secreta*» у Варрона (Varr. l.L. IX 58), явно нуждается в рассмотрении именно с точки зрения его места в системе латинской грамматической терминологии. В оксфордском словаре OLD под ред. П. Глэра для слова *secretus* дается первое значение ‘existing apart (from)’, т.е. ‘существующий отдельно (от)’ [Glare 1968, С. 1718].

Предложенное Квинтилианом выражение «*interpretatio linguae secretioris*», соответствующее грецизму *glossae*, демонстрирует уточнение при *lingua*, буквальном переводе греч. γλῶσσα. Однако спектр значений лат. *lingua* не полностью совпадает со спектром значений греч. γλῶσσα, в частности, содержащем значение и значение ‘диалект’, и значение ‘диалектизм’, иначе Квинтилиан мог бы ограничиться словосочетанием «*interpretatio linguae*».

Именно поэтому для указания на специфическое значение греч. γλῶσσα при переводе добавлено прилагательное *secretior*: словосочетание «*lingua secretior*» означает в данном контексте буквально ‘более редкие слова’, если понимать лат. *lingua* и греч. γλῶσσα как нечто, состоящее главным образом из слов.

3.2. *uocabula secreta; discrimen*

Несколько иное значение прилагательного *secretus* демонстрирует словосочетание «*uocabula secreta*» у Варрона: «non dicitur feminus femina feminum, sic reliqua: itaque singularibus ac secretis uocabulis appellati sunt»⁷⁰ (Varr. l.L. IX 57-

⁶⁹ «Далее он может изучить толкования незнакомых слов, то есть то, что греки называют *glossae*».

⁷⁰ «Не говорится *feminus*, *femina*, *feminum*, и т.п.; так что они называются отдельно взятыми и единичными словами».

58). В данном случае *secretus* ближе по значению к причастию от глагола *secernere* ‘различать’.

В цитируемом фрагменте идет речь о наличии в языке противопоставления имен по роду, закрепленного в системе окончаний, и о тех случаях, когда значение слова не позволяет образовать от него производное другого рода, как, например, происходит со словом *femina* ‘женщина’. Для этого слова не существует аналога мужского рода **feminus*, потому что этого не допускает значение. А в случае с именами прилагательными, как, например, происходит с упоминаемым Варроном словом *doctus*, возможно образование форм всех трех родов: *doctus*, *docta*, *doctum* (Varr. l.L. IX 56).

Интерпретация языка как системы противопоставлений и анализ предпосылок, способов и возможностей для выражения этих противопоставлений составляют основную часть главы VIII-X сочинения Варрона «О латинском языке». Другим важным термином, однокоренным к слову *secretus*, является *discrimen* [Schad 2007, С. 134-135], производное от глагола *discernere*. Применительно к упомянутой проблеме грамматического рода этот термин употребляет Плиний Старший (Plin. dub.serm. 75, 1 DC), видимо, вслед за Варроном.

Слово *discrimen* часто употребляется Варроном в связи с соотношением аналогии и аномалии, особенно – когда речь заходит о склонении и словообразовании. Перевести его на русский язык достаточно трудно, для этого, как и во всех подобных случаях, требуется построение целой терминологической системы, причем основанной на метафоре, позволяющей соотнести язык с каким-либо иным явлением, которое философы подвергали анализу ранее.

Если основываться на ассоциациях с музыкальной гармонией, *discrimen* можно передать как ‘музыкальный интервал’. В математике *discrimen* – это ‘значение дроби’, которое не следует путать с самим понятием ‘дробь’, или ‘отношение’, и уравнением из двух дробей, называемым ‘пропорция’, или ‘соотношение’. В самом общем смысле *discrimen* можно понимать как ‘различие’. Понятие *declinatio* у Варрона опирается именно на *discrimen*: «*nomina declinantur*

aut in earum rerum discrimina, quarum nomina sunt, ut ab Terentius Terenti<a>, aut in earum extrinsecus, quarum ea nomina non sunt, ut ab equo equiso»⁷¹ (Varr. l.L. VIII 14).

Таким образом, можно сказать, грамматические категории создают систему координат, в рамках которой находится язык, и каждое слово как основная единица языка отстоит от всех других слов на некоторые расстояния, каждое из которых и является этим *discrimen*.

В свою очередь, система координат метафорически представлена у Варрона как «*tabula in qua latrunculis ludunt*» – разлинованная доска, на которой играют в кости. Авл Геллий в предисловии к «Аттическим ночам» отсылает к греческому соответствию для глагола *discernere*, пользуясь метафорой белой разделительной линии от шнурка, восходящей к диалогу Платона «Хармид» (Gell. pr. 11, 5).

В связи с итальяскими примерами наиболее актуально рассмотреть соотношение значений глаголов *discernere* и *secernere*, повлиявших на значения производных *discrimen* и *secretus*. Если понятие *discrimen* охватывает любой набор признаков, которые демонстрируют различия между двумя явлениями, предметами и, в конечном итоге, словами, то *secretus* – прилагательное, которое указывает на обособленность явления, предмета или слова, его описывающего.

Отличия итальяских слов от латинских, на каком уровне они ни проявляются, могут быть отнесены к разряду *discriminum*. А в случае, когда итальяское слово встречается в тексте на латинском языке, благодаря наличию определенных признаков слово может быть обособлено и, соответственно, охарактеризовано прилагательным *secretus* (Quint. I 1, 35). Хотя значение *secretus*, как можно понять из сочинения Варрона, позволяет употреблять его и в смысле ‘отдельное слово’ (Varr. l.L. IX 57-58).

3.3. *lingua, sermo, dialectus, loquela*

⁷¹ «Имена склоняются либо для выражения различий между теми вещами, для которых они являются названиями (как, например, от имени Terentius – Terentia), либо между вещами, находящимися вне, названиями которых они не являются (как от слова equus ‘конь’ – equiso ‘конюх’).»

Наиболее универсальным латинским словом, отражающим понятие ‘язык’, является *lingua* [Schad 2007, С. 236]. Авторы эпохи «золотой латыни» используют этот термин не только по отношению к латинскому и греческому, но и к другим языкам. Например, известное словоупотребление Цезаря «*hi omnes lingua... differunt*»⁷² (Caes. b.G. I 1) относится к галлам, а вовсе не к римлянам или грекам.

В связи с итальяскими примерами Варрон употребляет выражение «*utraque lingua*», где один из языков – латинский, т.е. язык Рима, а другой – сабинский (Varr. l.L. V 74, 7). Обычно это выражение употребляется, когда речь заходит о латинском и греческом как двух языках, которыми владеет всякий грамотный римлянин.

По всей видимости, значение слова *lingua* грамматики склонны были приравнивать к греч. γλῶσσα, вводя по мере необходимости прилагательные для уточнения. Соответственно, *lingua* могло обозначать как ‘язык’ в самом общем смысле, так и ‘диалект’. Из значения термина *lingua* невозможно сделать вывода, как оценивает грамматик явление: как язык, причем у любого народа и племени, как диалект или что-либо еще.

Более сложное и специфическое значение имел, по-видимому, термин *sermo* [Schad 2007, С. 358-359]. Цицерон употребляет его в сочетании «*sermo urbanorum*» и «*sermo rusticorum*»: «*sermo... non modo urbanorum sed etiam rusticorum*»⁷³ (Cic. or. 81, 10). При этом «*sermo rusticorum*» – это, очевидно, разновидность латинского языка, заимствующая в литературный язык элементы сельских говоров.

Интересно, что грамматики ни разу не употребляют *sermo* с какой-либо конкретной итальянской атрибуцией, например, *Osci*, *Vmbri* или *Sabini*. Всегда это *lingua Oscorum*, *Oscra lingua* и т.п., но не **sermo Oscorum*. Только Квинтилиан, рассуждая о том, уместно ли употреблять итальяские слова в латинской речи, употребляет по отношению к этрускам, пренестинцам и сабинянам слово *sermo*:

⁷² «все они различаются языком...».

⁷³ «...*sermo* (речь) не только горожан, но и сельских жителей».

«Taceo de Tuscis et Sabinis et Praenestinis quoque, nam ut eorum sermone utentem Vettium Lucilius insectatur...»⁷⁴ (Quint. inst. I 5, 56).

Вероятно, следует понимать использование *sermo* по отношению к племенам *Tusci*, *Sabini* и *Praenestini* как результат осмысления их всех в качестве *rustici*. Что, судя по всему, было актуально именно в связи с полемикой вокруг развития латинского языка как литературного, в которой и участвовал упомянутый Луцилий, но никак не в связи с разысканиями грамматиков и антикваров, исследовавших древние слова у древних поэтов и в древних надписях.

Непросто однозначно разграничить значения терминов *sermo* и *dialectus* [Schad 2007, С. 127-128]. Словом *dialectus* грамматики смело пользуются в тех случаях, когда речь идет, собственно, о греческих диалектах. Так, Порфирион пишет в комментарии к стихотворению 30 из III книги од Горация: «Aeolid[a]e dialecto Alcaeus lyricus poeta usus est»⁷⁵ (Porph. Hor. carm. III 30, 13-14). Важно подчеркнуть, что греческие диалекты, таким образом, мыслятся как речь, уместная и органичная в лирических стихотворениях, то есть в литературе. Диалект сам по себе не оценивается как «низкая» речь.

Следует отметить, что существует и термин *loquela* [Schad 2007, С. 242], который иногда позиционируют как один из вариантов перевода для греческого заимствования *dialectus*. Однако этот термин не употребляется в связи с итальянскими примерами ни разу.

3.4. *consuetudo, mos, usus, usurpatio*

Для обозначения специфической нормы, устоявшейся в рамках определенной языковой среды, например, у носителей определенного языка, его территориальной или социальной разновидности, грамматики пользуются терминами *consuetudo* [Schad 2007, С. 93-94], *mos* [Schad 2007, С. 253] и *usus*

⁷⁴ «умолчу об этрусках, сабинянах и пренестинцах также, потому что, как Луцилий порицал Веттия, использовавшего их *sermo* (речь)...».

⁷⁵ «Лирический поэт Алкей пользовался эолийским диалектом».

[Schad 2007, С. 429-430]. Провести четкую границу между значениями каждого из этих терминов непросто.

Термин *consuetudo* Авл Геллий приводит в определении греческого термина ἀνωμαλία: «ἀνωμαλία est inaequalitas declinationum consuetudinem sequens»⁷⁶ (Gell. II 25, 3). Таким образом, термин *consuetudo* оказывается в оппозиции к термину *ratio*, на котором основана аналогия (греч. ἀναλογία).

Можно отметить, что, хотя греч. λόγος принято было переводить как лат. *ratio*, а ἀνωμαλία как, например, упомянутое лат. *inaequalitas*, тем не менее в тех случаях, когда речь идет об аномалии, грамматики скорее используют термин *consuetudo* (ср. Fest. 313, 43 L), сразу обращаясь к причине, которая стоит за ее появлением.

В сочинениях, касающихся италийских примеров, термин *consuetudo* нередко употребляется с каким-либо определением. Можно выделить сочетания *consuetudo communis*, *c. nostra*, *c. antiqua*, *c. uetus*, *c. uolgi*. При этом не встречается примеров, где слово *consuetudo* имело бы при себе италийскую атрибуцию⁷⁷.

Словоупотребление Варрона, помимо словосочетания *consuetudo communis*, которое учла в своей работе исследовательница Н.В. Драчева [Драчева 2013, С. 32], по всей видимости, предполагало противопоставление еще двух определений для *consuetudo*: *consuetudo nostra* и *consuetudo uetus*: «sic, inquam, consuetudo nostra multa declinauit a uetere, ut ab solu solum, ab Loebeso Liberum, ab Lasibus Lares» (Varr. l.L. VI 2).

При этом ассоциации с низкой речью, судя по всему, у античных грамматиков имело только словосочетание *consuetudo uolgi*, употребленное Фестом (Fest. 352, 61 L).

⁷⁶ «ἀνωμαλία – это несовпадение форм при словоизменении, опирающееся на *consuetudo* (привычку)».

⁷⁷ утверждение, что *consuetudo* – это некая «обыденная речь» [Драчева 2013, С. 31-32] не имеет достаточной мотивации с точки зрения объяснения значения термина; словосочетание «обыденная речь», как и «обычная речь», нуждается в определении уже при попытке употребления его как термина на русском языке; поэтому корректнее было бы найти для *consuetudo* в русском языке более терминологизированный аналог, с более ясным и четким значением. Таким аналогом может быть термин «речевая практика». Ср. употребления в научной и научно-популярной литературе, например, в статье Л. П. Крысина «Языковая норма и речевая практика» (Отечественные записки. М., 2005, № 2(23)) и др.

Близким по значению к термину *consuetudo* является термин *usus*. Впрочем, есть и достаточно существенные нюансы. В грамматическом контексте значение этого термина по существу совпадает с нетерминологическим 'обиход, повседневный опыт'. В определенном смысле именно *usus* отсылает к понятию 'языковая норма'.

Терминологическое значение *usus* раскрывается в части сочинения Варрона, посвященной аналогии и аномалии: «quibus idem responderi potest, in quibus (casibus) usus aut natura non subsit, ibi non esse analogiam»⁷⁸ (Varr. IX 70-71). В данном случае основой аналогии мыслится либо *usus*, то есть 'повседневный опыт, норма', либо *natura*.

Термин *natura* используется грамматиками в различных контекстах, иногда это основа аналогии, наряду с повседневным опытом, иногда это – одна из составляющих речи [Schad 2007, С. 429]. В зависимости от этих оттенков употребления этот термин можно переводить по-разному.

В данном случае, когда *natura* мыслится как составляющая аналогии, можно считать, что это 'природное устройство языка'. Перефразируя упомянутое высказывание Варрона, можно сказать, что аналогия опирается на повседневный опыт и природное устройство языка.

Именно здесь можно усмотреть различие в употреблении терминов *consuetudo* и *usus*. Если *consuetudo* может содержать то, что идет против аналогии, то *usus*, напротив, является основой аналогии. То, что называется 'речевая практика', по природе не совпадает с тем, что является закрепленной в языке нормой употребления.

Существует и грамматический термин *usurpatio* [Schad 2007, С. 429], однако в связи с итальянскими примерами он не употребляется и вообще встречается у грамматиков не ранее эпохи Антонинов (первый раз – у Авла Геллия).

3.5. *uocabulum, uerbum, nomen, appellatio*

⁷⁸ «...им можно ответить то же самое: в тех падежах, где *usus* или *natura* не налицо, нет и аналогии».

Для передачи значения 'слово' грамматики используют четыре основных термина, каждый из которых имеет свои особенности употребления и сочетаемости: *uocabulum* [Schad 2007, С. 425-426], *uerbum* [Schad 2007, С. 417-419], *nomen* [Schad 2007, С. 266-268] и *appellatio* [Schad 2007, С. 36-37]. Кроме того, в значении 'звучащее слово' может употребляться термин *uox*, который одновременно обозначает и 'звук речи' (см. ниже, §3.8).

Все упомянутые термины в равной мере употребляются по отношению к итальянским языкам, причем выявить предпочтительные термины у кого-либо из грамматиков не представляется возможным. Все эти термины являются, по сути, переводом слова 'пример', особенно в тех случаях, когда имеют при себе определения, отсылающие к итальянским племенам.

3.6. *gens, populus, genus*

С точки зрения исследования атрибуций итальянских примеров особую важность имеет определение того, как грамматики выражали на латинском языке понятие *носитель языка* и какое видовое обозначение существовало у них для общности носителей определенного языка или диалекта.

По всей видимости, устоявшегося термина *носитель языка* в обороте грамматиков не было, а для указания на носителя всегда использовалось либо его собственное имя, либо конкретный этноним. Что же касается общностей носителей, в латинском языке существовали термины *gens* [Schad 2007, С. 183-184] и *genus* [Schad 2007, С. 184-186], учтенные С. Шад.

Кроме того, грамматики нередко пользуются термином *populus*, который мог бы попасть в словарь С. Шад на стр. [Schad 2007, С. 305], но отсутствует. Показательный контекст находится у Присциана: «*u quoque multis Italiae populis in usu non erat, sed e contrario o[...] colpam pro culpam dicentes et Hercolem pro Herculem*»⁷⁹ (Prisc. inst. II 27, 9 K, ср. также 26, 16; 25 K).

⁷⁹ «у многих народов Италии гласный u не использовался, а использовался, наоборот, o[...] говорящие colpra вместо culpa и Hercoles вместо Hercules».

Цицерон предпочитает по отношению к итальяским племенам употреблять термин *gens* (Cic. Balb. 31, 15; r.p. II 36, 11; III 7, 14), Варрон же, напротив, этого термина в рамках грамматической дискуссии избегает, либо использует его в смысле 'род', рассуждая о когноменах (Varr. r.r. I 2, 9). Предпочтительным для Варрона является термин *populus*, как и для Сервия, ср. *populi Hernici* (Serv. VII 684, 4).

Что касается термина *genus* [Schad 2007, С. 184-186], он редко используется по отношению к племенам по причине его многозначности: в грамматическом контексте *genus* чаще отсылает к грамматическим категориям, роду или залогу. Впрочем, стоит отметить «genus unde Latinum» в начале «Энеиды» Вергилия, отсылающее именно к племени (Verg. Aen. I 6).

3.7. *origo, radix, cognatio*

Для обозначения происхождения слов римские грамматики пользуются терминами *origo* [Schad 2007, С. 281-282] и *radix* [Schad 2007, С. 339]. Кроме того, существует любопытный грамматический термин *cognatio* [Schad 2007, С. 63], который может употребляться и по отношению к отдельным звукам, и по отношению к словам.

Подробное рассуждение о *cognatio litterarum* сохранилось во фрагменте сочинения «О правописании» Теренция Скавра (Scaur. orth. 13-23 K). Грамматик предлагал видеть в этом 'родстве букв' причину для появления орфографических ошибок. Близость звуков, которые обозначаются разными буквами, он объяснял через их артикуляцию – *origo litterarum*.

К примеру, Скавр замечает: «b cum p et m consentit, quoniam origo earum non sine labore coniuncto ore respondet»⁸⁰ (ibid. 14, 3 K). Это одно из наиболее ранних описаний артикуляции звуков, засвидетельствованное у грамматиков.

⁸⁰ «b созвучно с p, потому что их *origo* (происхождение, т.е. артикуляция) в высшей степени предполагает работу сомкнутых уст».

Таким образом, *origo* обуславливает *cognatio*. И не только применительно к звукам, но и по отношению к словам. Однако разные грамматики предпочитают разные термины для передачи значения 'слово', когда речь заходит о происхождении слов.

Чаще всего используется словосочетание *origo uerborum*, калькирующее греческий термин ἐτυμολογία. Именно так выражались Цицерон (Cic. Brut. 253, 4) и Квинтилиан (Quint. inst. I 6, 28). Более десяти раз на протяжении всего сочинение «О латинском языке» этим словосочетанием пользуется Варрон.

У Авла Геллия это выражение получает расширение: «de origine uerborum et uocabulorum» (Gell. III 19, 2). Геллий использует словосочетание *origo uocabulorum* / *o. uocabuli* достаточно часто, в отличие от других грамматиков. Это словосочетание всего один раз встречается у Феста (Fest. 273, 33 L) и один раз у Варрона (Varr. l.L. V 92, 7).

Еще более интересно употребление античными авторами сочетания *origo nominum* / *o. nominis*. Оно встречается даже в поэтическом тексте Овидия: «dicta sit unde dies, quae nominis exstet origo»⁸¹ (Ouid. fast. V 445) и позднее – у Теренциана Мавра (Maur. 439 K).

Варрон использует это словосочетание лишь однажды и неявно: «piscium nomina sunt eorumque in Graecia origo»⁸² (Varr. l.L. VII 47). Кроме того, таким выражением пользуется Квинтилиана, но всего дважды (Quint. I 4, 25; III 6, 4). Прочие грамматики словно избегают сочетания *origo nominum* / *o. nominis*.

Наконец, в связи с этимологией грамматики используют кальку соответствующего греческого слова, учитывающую метафору, а именно термин *radix*. Варрон даже говорит, что *radices* в языке могут быть трех видов: «hoc fere triplices habet radices, quod et a uocabulo oritur, ut a uenatore uenabulum, et a nomine, ut a Tibure Tiburs, et a uerbo, ut a currendo cursor»⁸³ (Varr. l.L. VIII 53).

⁸¹ «отсюда был назван день, и эта этимология сохранилась».

⁸² «это – имена рыб, и их корни – в Греции».

⁸³ «в этом случае возможно три разных корня: когда слово происходит от существительного, например, от uenator происходит uenabulum, от имени собственного, например, от Tibur происходит Tiburs, и от глагола, например, от curreo – cursor».

Можно сказать, что термин *radix* является указанием на конкретное слово, тогда как термин *origo* отсылает к рассуждению, которое связывает разбираемый пример и его *radix*.

3.8. *uox, littera*

В связи с итальяскими примерами, для указания на произношение, употребляются термины *uox* [Schad 2007, С. 428-429] и *littera* [Schad 2007, С. 237-238].

Варрон употребляет *a uoce* в составе некоторых этимологических формул: «Possunt in Latio quoque ut in Graecia ab suis uocibus haec eadem ficta»⁸⁴ (Varr. l.l. V 96, 5). Иногда *uox* участвует в составе этимологических формул в значении ‘звуки, издаваемые кем-либо’: «Quaxare ranae dicuntur, cum uocem mittunt»⁸⁵ (Fest. 258, 62 L).

Ср. *uox* собственно в качестве источника для производного слова, т.е. в роли *radix*: «Vrsi Lucana origo uel, unde illi, nostri ab ipsius uoce»⁸⁶ (Varr. l.l. V 100, 6).

Что касается слова *littera*, оно, как известно, могло указывать и на букву в виде определенного начертания, и на то, что называется в современной лингвистике фонемой, или, точнее, звукотипом. Грамматики часто используют термин *littera* в связи с проблемами правописания, то есть передачи звукового облика слов на письме.

Подробно контексты с *littera* разбираются в разделе настоящей работы, посвященном итальянским языкам в сочинениях римских грамматиков по орфографии (см. Главу 3).

⁸⁴ «те же самые слова могут быть образованы от слов собственного языка в Лации, как и в Греции».

⁸⁵ «квахаре (квакать) говорится про лягушек, когда они издают звуки».

⁸⁶ «у слова Vrsus (медведь) либо луканское происхождение, либо наши, как и они, <назвали его> по звукам, которые издает он сам».

§4. Вывод: применение стилистического анализа к материалу грамматиков в противовес анализу истории идей

Редким примером работы, посвященной анализу текстов античных грамматиков как источника для современных языковедов, является книга А.М. Белова⁸⁷ о латинском ударении. Подход А.М. Белова, как можно убедиться, отличался от принятого в нашей работе.

В главе, посвященной степени достоверности античных свидетельств о латинском ударении, А.М. Белов сосредоточился на истории идей и дал подробный очерк теории стоиков. Далее в нескольких местах исследователь замечает: «не выясняя точного значения терминов...»⁸⁸, «весьма запутано соотношение понятий...»⁸⁹, всякий раз переходя к анализу идей без внимательного анализа формы.

Научная новизна нашего исследования заключается, таким образом, не столько в попытке дать оценку данным грамматиков с точки зрения их достоверности, сколько в стремлении составить внятное представление о форме, в которую римские грамматика облекали суждения об италийских языках, до перехода к оценке содержания.

Типология контекстов, содержащих примеры из италийских языков, также не может быть построена вне исследования формальных особенностей языка и стиля грамматиков.

Как можно видеть на материале, представленном в Главе 2 и Приложении, контексты, содержащие примеры с италийскими атрибутами можно разделить на два формальных класса: контексты, относящиеся к орфографии и контексты, относящиеся к этимологии. При этом контексты и одного, и другого типа могут содержать указания на заимствованное слово.

⁸⁷ Белов А.М. Латинское ударение (проблемы реконструкции). М. 2009.

⁸⁸ там же, С. 196.

⁸⁹ там же, С. 208.

Кроме того, были выявлены несовершенства в методиках составления специальных словарей грамматической терминологии, особенно заметные на примере словаря С. Шад (см. Указатель дополнений в Приложении).

При кумулятивном подходе, взятом за основу в Главе 2 нашей работы, неизбежно увеличение числа примеров по отношению к тем, которые приводятся в словарных статьях, и не всегда такое увеличение может серьезно влиять на качество словаря.

Однако в ряде случаев словарные статьи С. Шад не просто упускают частности, но и не дают целостного представления о способах выражения идей, которые можно наблюдать при корпусном анализе грамматических текстов.

В частности, ситуация с глаголами *appellari a(b)*, *dici a(b)*, *uocari a(b)* в пассивной форме и в сочетании с предлогом *a(b)*, никак не комментируется С. Шад, хотя имеет значение для корректного понимания грамматических текстов. Ни один из этих глаголов, как было установлено, не является основным термином, указывающим на ситуацию производности одного слова от другого.

Предпочтения грамматиков при выборе глаголов и конструкций с различными предлогами или придаточными предложениями достаточно индивидуальны и затрудняют однозначное выделение какой-то одной формулы как доминирующей.

С другой стороны, в словаре С. Шад есть и упущения, касающиеся латинских эквивалентов для греческих терминов. Центральное для нашего исследования понятие италийского примера имеет установленное латинское обозначение *lingua secretior*, о котором ничего не сообщается в словаре С. Шад.

ГЛАВА 3. ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ В РИМСКОЙ ШКОЛЕ: ОРФОГРАФИЯ

§1. Орфография Веррия Флакка: материалы для реконструкции

1.1. Проблема сохранности античных сочинений о правописании

О фонетических различиях, характеризующих итальяйские языки и говоры латинского языка, грамматики рассуждают в контекстах, где устанавливается правописание слов. Трудность в изучении античных сочинений об орфографии заключается в том, что, помимо дошедшей фрагментарно сатиры Луцилия, наиболее ранним текстом является сочинение Квинта Теренция Скавра и несколько более позднее сочинение Велія Лонга (оба текста – не ранее нач. II в.н.э.).

Степень сохранности текстов, содержащих примеры *фонетических особенностей*, свойственных итальяйским языкам, такова, что в ряде случаев возникает необходимость *исправления и реконструкции*. Проблемы, сопровождающие как принятие соответствующих *конъектур*, так и предлагаемых *реконструкций*, становятся очевидными при попытке их подтверждения. Однако эти попытки необходимы для лучшего понимания *методов работы грамматиков* с материалом итальяйских языков.

Считается, что источником для Теренция Скавра и Велія Лонга могло быть сочинение Веррия Флакка, которое упоминает Светоний (Suet. gramm. 19). Ни одна книга Веррия Флакка в полном виде не сохранилась, существуют лишь эпитомы Феста и Павла Диакона для «De uerborum significato».

Комментируя ранние сочинения об орфографии, Генри Неттльшип выделяет пять случаев, когда в эпитоме Феста и Павла обсуждаются орфографические казусы: *amecus* – *amicus*, *consiptum* – *conseptum*, *distisum* –

distaesum, *pertisum* – *pertaesum*, а также о написании *heluo*, которое мыслится производным от *eluere* [Nettleship 1880, С. 259-260].

Один из этих примеров восходит к Луцилию: «О котором вспоминает Луцилий, когда говорит... pertisum hominem, а не pertaesum» (Fest. 273, 11 L). В эпитоме Павла он уже объединен с *distisum*: «*Distisum* и *pertisum* называли то, что сейчас – *distaesum* и *pertaesum*» (Paul. ex Fest. p. 72).

Чередование *amicus* – *amecus* засвидетельствовано и в эпитоме Павла: «Древние произносили ameci и amecae через е» (Paul. ex Fest. p. 15). Причем речь идет, в первую очередь, о произношении, на что указывает глагол *efferebantur*. Наконец, чередование *i/e* сохранилось в цитате из Энния: «Consiptum находится у Энния вместо conseptum» (Paul. ex Fest. p. 62).

Почти все случаи, рассмотренные Неттльшипом, фиксируют, на первый взгляд, один и тот же фонетический процесс: чередование звуков *i / e* (*amicus* – *amecus*, *consiptum* – *conseptum*), а также *i / ae* (*pertisum* – *pertaesum*, *distisum* – *distaesum*).

Однако в случае с *amecus*, имеющем атрибуцию *antiqui*, речь идет о том, что на месте древнего *e* ставится *i*, а в случае с *consiptum* – *conseptum*, засвидетельствованном у Энния, наоборот, на месте употребленного Эннием *i* ставится *e*. В одном ряду с *consiptum* Энния стоит *pertisum*, замеченное Луцилием, а также, по всей видимости, *distaesum*.

Однако описанными примерами орфографические наблюдения Веррия Флакка, очевидно, не ограничивались. Г. Неттльшип допускал возможность прямого заимствования замечаний о правописании Веррия из «*De orthographia*» в его же «*De uerborum significato*» [Nettleship 1880, С. 261].

Если исходить из предположения, что орфографические казусы, рассмотренные в «*De uerborum significato*», восходят к его сочинению об орфографии или, по крайней мере, отражают взгляды Веррия Флакка на проблемы правописания, небесполезной будет попытка реконструкции этих взглядов.

1.2. Тематическая классификация фрагментов: о чередованиях гласных

Рассмотрению следует подвергнуть те контексты, которые содержат слово *littera* и глагол *scribere*. Большинство таких контекстов содержат отсылки к «древним» (*antiqui*). Их можно условно разделить по тематическому признаку: в разных контекстах рассматриваются разные темы, связанные с правописанием звуков и их сочетаний.

Помимо упомянутых Неттлышипом случаев чередования *i / e*, *i / ae*, Веррий в трех случаях затрагивает также вопрос о чередовании *o / u*:

1. Того, кого мы называем Orcum, древние, по словам Веррия, называли Ur[al]gum, потому что и букву *V* они произносили как *O*, и с помощью начертания *C* обозначали равным образом и *G* (Fest. 202, 21 L).

2. Percunctatio, по всей видимости, употребляется вместо *interrogatio* в соответствии со словоупотреблением моряков, потому что они прошупыванием с помощью шеста (*contus*) узнают во время плавания глубину воды. Именно по этому, как говорит Веррий, второй слог обычно пишется через *O* (Fest. 214, 15 L).

3. Nonae некоторые возводят к *ноа* Luna, потому что на них приходится новолуние; другие говорят, что этот день всегда является девятым днем до Ид; таким образом, писать первый слог этого наименования следует, добавив букву *V* (Fest. 173, 28 L).

Кроме этого случая, тема правописания гласных затрагивается в связи с удвоенными буквами: «Когда Марк Катон употребил форму родительного падежа ресуи, образованную от того именительного падежа единственного числа, который использовали древние, т.е. от форм *ресу*, *testu*, *tonitru*, *genu*, *ueru*; родительный падеж множественного числа от этих форм образуется с удвоением *V*» (Fest. 246, 49 L).

Все остальные случаи касаются правописания согласных.

1.3. Тематическая классификация фрагментов: об изменениях согласных

1. Тема удвоения затрагивается уже в связи с сонорными r и l:

1. Poriga древние, по всей видимости, говорили вместо porriga с учетом традиции не удваивать буквы, потому что глагол был образован от сочетания porro regam (Fest. 218, 45 L).

2. Parret... следует и произносить, удлиняя первый слог, и писать, не удваивая r, чтобы получилось paret, означающее ‘появляться, явствовать’, ср. comparet, apparet (Fest. 233, 27 L).

3. Если название древнего обычая производно от sollo и tauris... не удивительно, что оно произносится через одно l, потому что тогда l ни в каком случае не удваивалась на письме. Говорят, что это обыкновение изменил Энний... (Fest. 293, 29 L).

4. Torum в значении torridum, aridum пишется через одно r, согласно древнему установлению; однако произносить его следует так, словно оно пишется через два r: дело в том, что древние не удваивали на письме ни взрывные, ни сонорные звуки, как это и происходит у Энния... (Fest. 355, 3 L).

2. В пяти контекстах обсуждается возникновение начального согласного s в латинских словах:

1. Древние называли suppum того, кого теперь мы называем punc supinum, очевидно, заимствовав слово из греческого языка с заменой густого придыхания на s, как в случае с тем, что греки называют ὕλας, а мы – siluas... это же слово упоминает и Луцилий...” (Fest. 290, 41 L).

2. Semis, semodi<us, semuncia – точно таким же образом

заимствуются из греческого языка и другие слова, в которых s ставится на месте греческого придыхания (Fest. 293, 45 L).

3. Strena... как бы trena, с добавлением s в начало слова (Fest. 313, 29 L).

4. То, что сейчас называют Segesta – город на Сицилии... который назван был Эгеста. Однако в начало слова была добавлена буква s, чтобы город не назывался неприятным именем, как было сделано в Малевенте, который назван Беневентом (Fest. 340, 40 L).

5. Serpsi>t древние говорили вместо serpserit. Отсюда были названы serp>ulae которых мы сейчас называем ser<pentes, заимствуя из греческого языка, потому что они говорят ἐρπετά, а мы вместо их густого придыхания ставим s... (Fest. 348, 21 L).

3. Замена одних переднеязычных согласных на другие фиксируется дважды:

1. Опилл Аврелий говорит, что nautea – это разновидность травы с черными семенами, которую используют кожевенники, а название ее произведено от nauis (потому что она вызывает морскую болезнь) с помощью подмены t на s в середине слова. (Fest. 165, 64 L).

2. Seliquastra называется древняя разновидность sedilia, причем d заменена на l; как произошло и со словом sella, и subsellio, и solio, которое точно так же производно от слова sedere (Fest. 340, 45 L).

4. Один из описанных в эпитоме Феста случаев демонстрирует замену с на b:

1. Веррий в другой книге говорит, что Subura названа от pagus Succusanus... и по сей день эта триба пишется с буквой C, а не B (Fest. 309, 10 L).

5. Пять контекстов из эпитомы Павла содержат примеры чередования согласных h и f:

1. faedus древние говорили вместо haedus, folus вместо holus, fostis вместо hostis, fostia вместо hostia (Paul. Fest. 74 9-10 L).
2. horreum древние называли farreum (Paul. Fest. 91, 6 L).
3. horctum и forctum говорили вместо bonus (Paul. Fest. 91, 14 L), а также forctes, frugi и bonus, или ualidus (Paul. Fest. 74, 14 L).
4. hanula – маленький храм, как fanula (Paul. Fest. 91, 25 L).
5. Во время Fordicidia приносятся в жертву коровы, которые являются fordae, то есть стельными (Paul. Fest. 74, 1-2 L), а также horda – стельная, отсюда и день, когда приносятся в жертву стельные, называется Hordicidia (Paul. Fest. 91, 17-8 L).

Следует отметить, что в эпитоме Феста примеров этого чередования нет.

6. В двух случаях обсуждается родство букв c и q:

1. Quando[...] в законах XII таблиц пишется с буквой C и обозначает то же самое (Fest. 258, 38 L)
2. Quirites[...] отцы, которые вызваны были в Курию (Curia)? (Fest. 254, 57 L).

7. Четыре контекста посвящены употреблению буквы g. При этом в трех случаях речь идет о правописании c на месте g, принятом у древних:

1. Древние употребляли quincenum (вместо quingenti), удлиняя первый слог и записывая с буквой C (Fest. 254, 52 L).
2. Prodigia – потому что prodicunt (предсказывают) будущее, с заменой буквы на G; дело в том, что букву, которую сейчас называют C,

древние называли G (Fest. 229, 16 L).

3. ...кого мы называем Orcum, древние, по словам Веррия, называли Ur[a]gum... потому что с помощью начертания C обозначали равным образом и G (Fest. 202, 21 L).

8. И в одном случае рассматривается появление g перед начальным n:

1. Древние употребляли nobilis вместо notus, причем некоторые – с буквой G в начале, как, например, Плавт в «Псевдоле»... (Fest. 174, 55 L).

1.4. Тематическая классификация фрагментов: о выпадении звуков

В завершение следует сказать, что в эпитоме Феста засвидетельствованы и случаи выпадения букв в середине и на конце слова:

1. Клоаций считает, что этим словом обозначали священное, так что и *leges sacratae* называются *obscatae*; и практически во всех античных записях пишется *Opicus* вместо *pro Obscus* (Fest. 189, 28 L).

2. Веррий говорит, что тех, кого мы называем Osci, прежде называли Opsci, как свидетельствует Энний, когда говорит: «De muris rem gerit Opscus» (Fest. 198, 34 L).

3. Marspedis без буквы r – maspedis... (Fest. 161, 27 L).

4. *Teretimates*, как предполагается, названы по называнию реки *Teredes* (или *Teres*), которое должно писаться Tera вследствие отпадения третьего слога (Fest. 363, 46 L).

§2. Фонетические процессы в итальянских языках и методы исправления текста грамматиков

2.1. К проблеме мотивации привлечения грамматиками итальянских примеров

Джон Норт приводит перечень цитируемых в эпитоме Феста поэтов и задается вопросом: «Почему он (Фест)... почти никогда не заимствует цитаты непосредственно из тех антикваров, мнения которых он упоминает и обсуждает?» [North 2007, С. 49]. Исследование Дж. Норта в целом посвящено прояснению значения термина *antiqui*, нередко встречающемуся у Феста, в том числе, в контекстах, касающихся орфографии.

Норт в большей степени сосредотачивается на попытке интерпретировать атрибуцию *antiqui* с историко-литературной позиции и рассуждает о времени появления «канона поэтов», своеобразного канонического корпуса текстов, из которого и происходят все цитаты, которые использовал Веррий Флакк.

Источники грамматических наблюдений и теоретических воззрений Веррия Флакка остаются при этом в стороне. Дж. Норт ограничивается перечислением цитируемых грамматиков с указанием отдельных контекстов, где они упоминаются Фестом.

Случаев, когда определенный *способ правописания* рассмотрен грамматиком как характерный для какой-либо группы итальянцев, Норт не приводит. Однако примеры, которые в эпитоме Феста комментируются с точки зрения орфографии, в ряду *аналогичных им случаев*, которые встречаются в языке, упоминаются у Феста и других грамматиков, но не получают развернутого орфографического комментария, представляют особый интерес.

Подобные примеры могут быть *свидетельством полемики о правописании*, которая имела место в не дошедших до нас сочинениях ранних грамматиков. В тех случаях, когда какой-либо итальянский пример, сохранившийся в цитате или даже цитате из цитаты, невозможно однозначно объяснить с точки зрения сравнительно-исторической фонетики, возникает повод для поиска допустимых методов исправления текста, или *конъектур*.

Для оправдания *конъектуры* необходимо строгое следование *методу суждения* античных грамматиков, который может быть реконструирован на основании сопоставления контекстов, содержащих *аналогичные друг другу примеры*, отражающие сходные фонетические переходы или то, что грамматикки стремились позиционировать как фонетические переходы, повлиявшие на правописание слов.

2.2. О методе поиска «аналогичных примеров»

Для установления аналогии можно использовать формальный критерий: в том случае, если в двух или более примерах фиксируется аналогичное написание какого-либо звука в определенной фонетической позиции, эти примеры предлагается рассматривать как относящиеся к одной теоретической проблеме, поставленной грамматиками. К рассмотрению могут привлекаться не только тексты, современные Веррию Флакку или предшествующие его эпохе, но и сочинения позднейших грамматиков.

Следующим шагом должно быть установление предполагаемых источников как для соответствующих примеров из эпитомы Феста, так и для аналогичных примеров из других грамматиков. Особую роль при этом играют ссылки на более ранних грамматиков, которые могут отсутствовать у Феста, но присутствовать в сочинении другого грамматика.

В качестве основы для поиска *аналогичных примеров* была выбрана приведенная в §1. классификация контекстов из эпитомы Феста, посвященных вопросам правописания, в основу которой положены отдельные вопросы, связанные с правописанием конкретных звуков или их сочетаний. В основе классификации лежит явление, называемое античными грамматиками *cognatio litterarum*, обсуждение которого находится в сочинении Теренция Скавра (Scaur. orth. IV 1-10 B).

В эпитоме Феста, помимо уже рассмотренной проблемы удвоения на письме сонорных и *u* (*porriga* – *poriga*, *parret* – *paret*, *sollitaria* – *solitaria* и др.),

содержится интересный фрагмент рассуждения о слове *stroppus* и названии праздника *Struppearia*: «*Stroppus* – это, как полагает Атей Филолог, то, что по-гречески называется στρόφιον... а у фалисков есть такой же праздник, когда они ходят в венках, который называется *Struppearia*. А у тускуланцев то, что помещается на подушку для Кастора называется *struppum*» (Fest. 313, 15L).

Стоит отметить, что по поводу губных *b* и *f* у Феста содержится замечание, отсылающее к пренестинскому и ланувинскому говорам: «*testiculi*, которые у ланувинцев называются *nebrundines* [...], а у пренестинцев – *nefrones*» (Fest. 162, 21 L).

М. Лёйманн перечисляет эти примеры, обсуждая развитие группы **g^wh-* в архаическом латинском, и ссылается на мнение В. Пизани, предлагавшего видеть в переходе лабиовелярного звука в губной влияние оскского языка [Leumann 1977, С. 166].

§3. Обсуждаемые грамматиками чередования звуков как мотивация для привлечения италийских примеров

3.1. Чередование *f/h* и единственный пример грамматиков из фалисского языка

Самой яркой и одновременно трудно объяснимой фонетической особенностью, объединяющей примеры фалисского и сабинского языка, приводимые античными грамматиками, является так называемое «чередование *f/h*».

Это чередование особенно заметно на примерах типа сабинск. *fircus*, соотв. лат. *hircus*, а также сабинск. *fedus*, соотв. лат. *haedus*, «древнее» *hebris*, соотв. лат. *febris*, фалиск. *haba*, соотв. лат. *faba* и др. Оно обсуждается как в связи с вопросом о реконструкции фонетической системы сабинского языка [Conway 1933, С. 359], так и в связи с известными особенностями фонетики фалисского языка.

В рамках данного исследования важно, что единственный пример с атрибуцией *Falisci*, сохранившийся в текстах античных грамматиков, известен благодаря сочинению Теренция Сква «О правописании» и демонстрирует именно это чередование: «*Quam Falisci habam, nos fabam*» (Scaur. orth. 13, 9 K).

Комментарий с точки зрения сравнительно-исторической грамматики должен учитывать эпиграфический материал. В надписях чередование f/h встречается нередко: фалиск. *hileo*, соотв. лат. *filius*, и фалиск. *foied*, соотв. лат. *hodie*, а также фалиск. *fe*, соотв. лат. *hic*.

С точки зрения Габриэллы Джакомелли слова, отражающие переход $f > h$, демонстрируют примеры этрусского влияния на язык фалисков [Giacomelli 1963, С. 126]. Рольф Гирше полагал, что чередование f и h, наблюдаемое в надписях с IV в. до н.э., можно объяснить так, что в фалисском языке этого периода f и h имели артикуляцию билабиального глухого согласного и глухого заднеязычного спيرانта соответственно.

Собственное объяснение предложили Рекс Уоллес и Брайан Джозеф. Не соглашаясь ни с одной из перечисленных гипотез, Уоллес и Джозеф пришли к выводу, что в среднефалисском языке имел место только переход $f > h$, тогда как случаи написания h на месте этимологического f объясняются гиперкоррекцией под влиянием более престижной произносительной нормы (в данном случае – римским городским произношением для латинских слов).

Уоллес и Джозеф отмечают отдельно, что свидетельства грамматиков, обращавших внимание на чередование f/h, конечно, могут привлекаться, причем и для этих случаев исследователи находят возможным относить случаи с заменой лат. h на f к гиперкоррекции [Wallace, Joseph 1991, С. 92].

Габриэль Баккум также обращает внимание на свидетельства античных грамматиков, но заявляет, что, коль скоро языковой контекст, из которого авторы черпали свои примеры, нам неизвестен, атрибуция этих примеров как сабинских, фалисских или относящихся к языку «древних» была произвольной [Bakkum 2009, С. 82].

3.2. Фалискский язык как источник примеров «сабинской фонетики» у Варрона

Наиболее древние свидетельства о чередовании f/h ⁹⁰, несомненно, принадлежат Варрону. Специфика языкового пространства западной части Центральной Италии в передаче Варрона оказалась такой, что, помимо собственно латинского языка, Варроном в принципе (не только в связи с примерами на чередование f/h) упоминается «сельская латынь» (ср. «in Latio rure *hedus*»), считанное число раз – оскский язык (*Oscorum lingua*), но чаще всего – язык сабинян (*Sabinorum lingua*).

Фалиски упоминаются Варроном лишь в связи с известным в его время сортом колбас: «*Faliscus uenter*» (Varro l. L. V 111), позже воспетый Марциалом (Mart. IV 46, 8), а также при рассуждении о богатых братьях (*fratres Veiani*), выходцах с территории фалисков (Varro r. r. III 16 10). Язык фалисков Варроном не упоминается, равно как и язык «древних». Варрон говорит о «*ueteres*», но не в контексте исследования их языка.

Свидетельства Павла Диакона, излагающего эпитому Феста, сделанную на основании работы Веррия Флакка, представляют определенную трудность для интерпретации, потому что примеры, приводимые у Павла, в основном не имеют такой четкой атрибуции, как в сочинениях других грамматиков.

Любопытным примером оказывается соответствие *forda* – *horda* и производное *Fordicidia* – *Hordicidia*: эти же примеры разбирал и Варрон, причем тоже без атрибуции; более того, из сочинений Варрона известны два места, в которых этот пример выступает в различном фонетическом облике:

1) В сельскохозяйственном трактате «*De re rustica*» Варрон упоминает слово *horda* в связи с классификацией видов коров (Varro r. R. II 5 5-7).

⁹⁰ полный список упоминаний в виде таблицы с подробным историко-грамматическим комментарием опубликован в [Новикова 2013].

2) В этимологической части сочинения «De lingua Latina»: *Fordicidia a fordis bubus; bos forda* – та, что несет во чреве; из-за того, что в этот день во многих куриях приносятся в жертву стельные коровы, то есть из-за зарезанных *forda*, празднество называется *Fordicidia* (Varro l. l. VI 13).

Варрон, судя по всему, вводит слово *horda/forda* в литературный оборот как сельскохозяйственный термин; по крайней мере, до Варрона в сохранившихся текстах это слово не встречается. Кроме того, в сочинении о латинском языке Варрон находит необходимым дать этимологию слова, производного от *horda/forda*.

Возможно, в «De re rustica» термин выступает в том фонетическом виде, в котором он был известен Варрону (т.е. *horda* является примером из сабинского языка), тогда как в «De lingua Latina» и у других авторов можно видеть «литературный» вариант этого слова. При этом сам Варрон не рассматривает чередование f/h для этого слова в качестве отдельной грамматической проблемы.

Не обсуждается чередование f/h и в связи с примером *forda* у Сервия (Seru. Aen. II 140). Вероятнее всего, источником Сервия, прямо или косвенно, был Варрон. На это указывают также частые упоминания у Сервия языка сабинян (Seru. Aen. I 292, VII 684, XI 785, XII 538); из этих примеров один (Seru. Aen. I 292) имеет параллель в «Римских древностях» Дионисия Галикарнасского с прямой отсылкой к Варрону: «κύρεις γὰρ οἱ Σαβῖνοι τὰς αἰχμὰς καλοῦσιν. ταῦτα μὲν οὖν Τερέντιος Οὐάρεων γράφει»⁹¹ (Dion. Hal. ant. Rom. II 48, 4).

Язык фалисков Сервий не упоминает вовсе. Однако примеры сабинского языка, приводимые грамматиками *при обсуждении различных фонетических изменений*, нередко демонстрируют фонетические процессы, характерные для языка фалисских надписей. Именно поэтому Р. Конвэй помещает примеры античных грамматиков в раздел «сабинский язык» [Conway 1933, C. I 359], а Р. Уоллес и Р.Джозеф те же примеры обсуждают в связи с особенностями фалисского языка.

⁹¹ «Сабиняне называют копья словом κύρεις. Так пишет Теренций Варрон».

Велий Лонг и Теренций Скавр используют атрибуцию «antiqui», Велий Лонг однажды отсылает к тем, кого он называет «Sabini», а Теренций Скавр – к фалискам («Falisci»). Вероятнее всего, установить более древний источник, чем сочинение Веррия Флакка «О правописании», не представляется возможным [Nettleship 1886, С. 194]. Можно также предполагать, что Варрон пользовался примерами из фалисского языка, когда рассуждал о сабинской фонетике.

3.3. Чередования заднеязычных и происхождение буквы g

Особенно интересным оказывается вопрос о написании буквы g и сочетаний, в которые входит буква g. Античные свидетельства о происхождении этой буквы сводятся к двум контекстам, содержание которых восходит, возможно, к одному источнику.

Одно из свидетельств принадлежит Плутарху: «‘διὰ τί τὰ κρεοπώλια ‘μάκελλα’ καὶ ‘μακέλλους’ καλοῦσι;’ πότερον ἀπὸ τῶν μαγείρων τοῦνομα διαφθαρέν, ὥσπερ ἄλλα πολλά, τῇ συνηθείᾳ κεκράτηκε καὶ γὰρ τὸ κάππα πρὸς τὸ γάμμα συγγένειαν ἔχει παρ’ αὐτοῖς ὅψε γὰρ ἐχρήσαντο τῷ γάμμα Καρβιλίου Σπορίου προσεξευρόντος...»⁹² (Plut. quaest. Rom. 54).

Второе свидетельство содержится в тексте Теренция Скавра: «...a Spurio Caruilio noue formam g litterae praepositam»⁹³ (Scaur. orth. IV 9.5 B). Оба свидетельства указывают изобретателя буквы G Спурия Карвилия, что дало исследователям основание для датировки появления этой буквы.

По всей видимости, к эпохе Веррий Флакка буква g рассматривалась грамматиками уже как целый комплекс орфографических казусов, и некоторые из них можно обнаружить в эпитоме Феста. Во-первых, в поле зрения грамматиков попадает *cognatio* букв g и c. Об этом свидетельствуют такие примеры как

⁹² Почему мясные ряды называют *macella* и *macellae*? Может быть, от греческого слова цегуирос; «повар», «мясник», которое римляне заимствовали и, как это часто бывает, исказили. Ведь буквы C и G у римлян родственны; и сама эта последняя буква появилась у них довольно поздно: ее изобрел Спурий Карвилий» [пер. Н.В. Брагинской].

⁹³ «Спурием Карвилием была впервые представлена форма буквы G».

prodigia – *prodicia* (Fest. 229, 16 L). Во-вторых, вопрос о правописании букв g и c рассматривается в связи с проблемой прочтения удвоенных заднеязычных согласных.

Известен фрагмент из сочинения Варрона, сохраненный Присцианом в контексте обсуждения судьбы звука p рядом с заднеязычным. Сперва Присциан демонстрирует примеры возникновения g перед n: «n[...] переходит в g, ср. ignosco, ignauus, ignotus, ignarus, ignominia, cognosco, cognatus; однако и при отнятии приставки в бесприставочных вариантах возможно появление g, ср. gnatus, gnarus» (Prisc. inst. II 30 K).

Далее Присциан обсуждает изменения звука p в позиции перед g: «перед G или C греки пишут G, как и некоторые древнейшие римские авторы, удачно использующие это для благозвучия, ср. Agchises, agceps, aggulus, aggens, на что указывает Варрон в первой книге «О происхождении латинского языка» (ibid.).

Этот фрагмент представляет особый интерес еще и потому, что проблема написания звука p перед заднеязычными согласными объединяется здесь с проблемой правописания чередования gn / n. При этом в цитате из Варрона упоминается вариант правописания, когда для сочетаний gg некоторые используют ng: «в тех же случаях греки и наш поэт Акций пишут две G, тогда как другие – N и G» (ibid.).

3.4. Чередование gn/n/ng

Интересно, что чередование ng / n упоминается и в эпитоме Феста, причем с отсылкой к одному из италийских языков: «Ungulus на языке осков anulus» (Fest. 375, 35 L). Стоит отметить и пример «Ningulus, nullus, как у Энния... (ibid. 177, 30 L).

Вероятно, за оппозицией *ningulus* – *nullus* стоит выстроенная грамматиком цепь фонетических преобразований, через которую *ningulus* может выводиться из *nullus*. Если предположить, что *ni-* здесь является отрицательной частицей,

усиливающей значение *nullus*, то *ningulus* каким-то образом может восходить к **ninullus*.

Теоретическим обоснованием для того, чтобы утверждать переход от **ninullus* к *ningullus*, для грамматиков могло быть наличие вариантов типа *natus* – *gnatus*: «in simplicibus quoque potest inueniri per adiectionem g, ut gnatus, gnarus»⁹⁴ (Prisc. inst. II 30 K), а также вполне нормативных в классическую эпоху приставочных вариантов *ignosco* и *cognosco* для бесприставочного *posco*.

При попытке добавить **ni* к *nullus* фонетическая позиция начального *n* меняется, создавая условия для появления *g*: **ni* + *nullus* = **nignullus*. Далее логически необходима стадия, на которой происходит метатеза **nignullus* – **ningullus*.

Опорой для возможности этой метатезы у грамматиков могло быть наличие в греческой орфографии способа написания *ng* как *γγ*, или, пользуясь латинскими буквами, *gg*. Тогда реконструкция изменений слова *ningulus* выглядит следующим образом:

1) *ningulus* < *niggulus* (потому что допустимо написание *gg* вместо *ng* на греческий манер);

2) *niggulus* < *ni-ggulus* (потому что подействовало *connexio*, см. §4.4. настоящей главы);

3) *ggulus* < *gnulus* (потому что подействовало *immutatio*);

4) *gnulus* < *nulus* (по аналогии с *gnatus* – *natus*);

5) *nulus* < *nullus* (потому что древние не удваивали согласные на письме).

Возвращаясь к соответствию *ungulus* – *anulus*, следует отметить, что у Феста не содержится обсуждения внешней фонетической близости *ungulus* ‘кольцо’ и

⁹⁴ «В бесприставочных вариантах тоже встречается сочетание gn, ср. gnatus, gnarus».

angulus ‘угол’⁹⁵ (или, как пишет Присциан, *aggulus*), хотя семантика глагола *angere* ‘сжимать, теснить’ может быть связана и со значением *ungulus* ‘кольцо’.

С другой стороны, известно лат. *uncus*, которое современные этимологи связывают и с *angulus*, и с *anus*, производным от которого является *anulus* [Walde-Hofmann 1938, С. 46]. Таким образом, несовпадение начального гласного в данном случае не могло служить существенным препятствием для этимолога. Однако античные источники не позволяют с уверенностью утверждать, что сближение *anulus* – *angulus* предлагалось кем-либо из грамматиков.

3.5. Чередование ng/g

Проблема упрощения сочетания ng до одиночного g оставила след в двух контекстах из эпитомы Феста. Первый из них относится к словарной статье *tagax*: «*Tagax furunculus a ta<n>gendo; cuius uocabuli Lucilius meminit*»⁹⁶ (Fest. 359, 14 L). Второй, вероятно, представлен в статье о слове *muger*: «*Muger dici solet a castrensibus hominibus, quasi muccosus, is, qui talis male ludit*»⁹⁷ (Fest. 158, 60 L).

Если в случае с *tagax* можно говорить о том, что грамматик явно намекает на промежуточную стадию **tangax* от *tangere*, то в случае с *muger* – *muccosus* эта связь может быть установлена только после определенных манипуляций.

Главную проблему для прочтения этого места представляет дефиниция, данная в эпитоме Феста: существует как минимум две гипотезы относительно того, что же означает «*qui talis male ludit*»: в зависимости от интерпретации значения *male* либо предполагается, что *muger* – это ‘неопытный игрок’, либо – что это ‘шулер’.

Параллель со словом *muccosus* наводит исследователей на мысль, что *muger* этимологически связано с глаголом *emungere*: ‘1. высморкать, утереть нос; 2. обмануть’. В слове *muger* при этом отчетливо вычленяется древний

⁹⁵ Варрон предлагает этимологию для *angulus*: «hinc *angulus*, quod in eo locus *angustissimus*, cuius loci is *angulus* – угол называется так потому, что в нем то место, углом которого он является, оказывается самым узким» (Varr. l.L. VI 41-42).

⁹⁶ «Tagax – это фурункул, от слова *tango* (прикасаться); это слово упоминает Луцилий...»

⁹⁷ «Muger на военном жаргоне называется как бы *muccosus*, то есть тот, кто плохо (дурно? нечестно?) играет в кости».

индоевропейский суффикс *-ro*, т.е. следует предполагать следующее развитие фонетического облика слова: **mug-ro-s > muger*, ср. **pig-ro-s > piger*; **scab-ro-s > scaber* [Leumann 1977, С. 315].

Этот суффикс чаще всего участвовал в образовании производных от глагольных корней, ср. *piger : piget*, *scaber : scabō* и т.д. «Как и в случаях типа *scaber* ‘шершавый’ : *scabō* ‘чесать’ (т.е. *scaber* – ‘то, что по своей природе приспособлено к чесанию’), в случае с *muger* угадывается привносимое суффиксом *-ro* значение субъекта, выполняющего действие, заключенное в соответствующем глаголе.

При этом особенно важна направленность действия, выраженного глаголом *ēmungō*, так как в зависимости от этой направленности *muger* – ‘тот, кто утирает нос’, или ‘тот, кому утирают нос’» [Новикова 2012, С. 99-100].

Следует сказать, что сам ход мыслей, согласно которому значение *muger* выводится из глагола *emungere*, подсказан аналогией с *tagax – tangere*, где сам грамматик устанавливает параллель, которую можно проследить и на других примерах из латинского словообразования: *dicaх – dicere*, *loquaх – loquere* и т. д. [Solopov 2000, С. 96-98].

Аналогия здесь основана на том, что в обоих случаях, как с *muger*, так и *tagax* речь идет о прилагательном, производном от глагола с помощью суффикса, которое впоследствии могло субстантивироваться. И хотя суффиксы разные, схема словообразовательной модели одна.

3.6. Чередование *ng/g/gg* и написание *ss* вместо *gg*

Если соглашаться, что *muger* мыслилось как производное от *emungere* самим грамматиком, мнение которого отражено у Феста, необходимо объяснить, почему промежуточной стадией между *muger* и *emungere* мыслилось *muccosus*. Само по себе слово *muccosus* достаточно редкое, встречается всего четыре раза у Цельса и один раз у Колумеллы (Cels. II 8, 38; IV 22, 1; V 28, 15; VI 18, 10; Col. r.r. VI 7, 2). Наиболее интересно позднее свидетельство, сохраненное в комментариях

Псевдо-Акрона к Горацию и содержащее расшифровку значения: «*Emunctae naris significat autem sapientem, quia e contrario muccosum stultum appellamus*»⁹⁸ (Acron. Hor. serm. I 4, 8).

Толкование '*muccosus* означает *stultus*', вероятно, опирается на метафору, связывающую остроумие с остротой обоняния. Эта метафора в развернутом виде обыгрывается у Марциала (Mart. I 40, 18-20). По всей видимости, именно она использовалась комментатором, предлагавшим *stultus* в качестве значения для *muccosus*: за субстантивированным прилагательным *muccosus* стояло, вероятнее всего, *nasus muccosus*.

Можно также предполагать, что *stultus* первоначально мыслилось как противоположность *sapiens* не только с точки зрения семантики, но и этимологически. Из античных этимологий для слова *stultus* известно только сохраненное Фестом *stolidus – stultus* (Fest. 317, 13 L). Но ни для одного из этих слов не засвидетельствовано какой-либо дальнейшей этимологии.

Тем не менее, контекст, в котором комментатор Горация помещает *muccosus*, подсказывает на месте *stultus* промежуточную стадию *stillatus*, противоположное по значению (e contrario) причастию *emunctus* и *sapiens*.

Невозможно сказать с достоверностью, работал ли с этой же метафорой Веррий Флакк или Фест. Если допускать, что еще Веррий Флакк привлекал этот пример, то, возможно, он рассматривал его именно в контексте орфографических изысканий. Слово *muccosus* появляется в текстах не ранее второй половины I в. до н.э., то есть достаточно поздно.

Впрочем, именно так оно могло попасть к Веррию Флакку, проникнув в его сочинение из специального лексикона врачей. Возможно, *muccosus*, будучи термином, имеющим внутреннюю форму, понятную любому носителю языка, и вовсе предлагалось кем-либо из грамматиков в качестве семантической кальки для слова *stultus*, этимология которого не является очевидной.

При этом фонетический облик слова *muccosus* подсказывал грамматику связь с *emungere*, а наличие прецедентов, зафиксированных в орфографических

⁹⁸ «А *emunctae naris* обозначает мудрого, потому что, наоборот, *muccosus* мы называем глупого».

контекстах у Феста, то есть, вероятно, и у самого Веррия Флакка (Fest. 254, 52; 229, 16; 202, 20 L), позволяло сделать допущение, что буква с в действительности означала g. В результате трансформации *muccosus* в **muggosus* грамматик получает возможность для нового прочтения слова, которое теперь может интерпретироваться как **mungosus*.

3.7. Метатеза gn/ng в «пренестинском языке»

Одним из маргинальных примеров, содержащих сочетание -ng- в середине слова, является глагол *tongere* и производное от него существительное *tongitio*: «*Tongere Aelius Stilo ait noscere esse, quod Praenestini tongitionem dicant pro notione[...]* Ennius: ...alii rhetorica tongent»⁹⁹ (Fest. 356, 10 L).

Глагол *tongere* нигде более не засвидетельствован. Исследователи находят для него индоевропейские параллели в германских языках, однако морфологическое оформление этого глагола, для которого приходится предполагать «каузативный аблаут», не соответствует его семантике: глагол *noscere* не каузативный.

В итальянских надписях засвидетельствована лексема *tanginom* (Acc. Sg.), соотв. лат. *sententiam*, однако и в этом случае заметно явное расхождение как морфологического облика, так и семантики оскского существительного *tanginom* и «пренестинского» глагола *tongere* [Новикова 2011, С. 426-433]. Необходимо обратить внимание на то, как вводится глосса и какое латинское соответствие предлагает грамматик: «Praenestini tongitionem dicant pro notione». Приведена и ссылка на Элия Стилона, который, как утверждается, и предложил для *tongere* лат. значение *noscere*.

Дошедшие до нас упоминания «пренестинского» говора сводятся к двум контекстам из Феста и одному контексту из Варрона. В двух случаях из трех речь идет о фонетико-морфологических вариантах слов: во-первых, уже упомянутый ранее пример «то, что ланувинцы называют *nebrundines* [...], пренестинцы –

⁹⁹ «Tongere, как говорит Элий Стилон, это noscere, потому что пренестинцы tongitio говорят вместо potio[...].»

nefrones» (Fest. 162, 21 L); во-вторых, «*meridies* – от *medius dies*. древние в этом слове говорили D, а не R, как я видел написанным в Пренесте, на солнечных часах» (Varr. l.L. VI 4).

Если предположить, что в случае с *tongere* Элий Стиллон указывал на фонетико-морфологический вариант именно глагола *noscere*, то необходимо признать, что *tongere* – результат порчи текста. Если же речь идет о порче, вызванной неверным прочтением, например, курсивной буквы, то наиболее вероятна путаница *t* и *c*. Сравнение *tongitio* и *notio* дает некоторые основания для реконструкции промежуточных стадий: *notio* > *cognitio* > **cognitio* > *tongitio*.

В этом случае **cognitio* и есть «пренестинский» вариант для лат. *cognitio*. Проблема чередования согласных *n/gn*, наблюдаемого в приставочных и бесприставочных вариантах глаголов, известна и обсуждалась, в частности, у Феста [Pieroni 2004, С. 88]. Так, в случае с глаголом *noscere* обычно приводятся в соответствие приставочные варианты *ignosco*, *agnosco* и т.д.

3.8. В защиту конъектуры *tongitio* – **cognitio*

Предложенная конъектура *tongitio* – **cognitio* вызывает несколько трудностей.

Во-первых, это глагол *tongere*, который в этом случае следует исправить на пренест. **congere* (соотв. лат. **cognere*), и соответственно форма *tongent* в цитате из Энния, которую необходимо восстановить как **cogent* (лат. **cognent*). Во-вторых, это место статьи, озаглавленной *tongere*, в словаре Феста: codex Festi Farnesinus ясно демонстрирует, что статья расположена между *Thomices* и *Tesca*.

Первая трудность помогает уточнить, в какой момент произошла порча текста с заменой *c* на *t*. Если предполагать, что алфавитный порядок в построении словаря был введен самим Веррием Флакком, то из этого следует, что уже Веррий Флакк не понимал, что речь идет не о глоссах *tongitio* и *tongere*, которые Элий Стиллон комментировал в тексте Энния, а о фонетико-морфологических вариантах лат. *cognitio* (**cognitio*) и *cognosco* (**congere*, **cogent*).

Таким образом, предлагаемая конъектура для фрагмента (Fest. 356, 10 L) заключается в замене начального согласного *t* на *c*: «Praenestini congitionem dicant pro notione[...] Ennius: ...alii rhetorica *congent*». Фест, если он воспроизводит именно текст Веррия Флакка, ссылается на Элия Стилону, рассуждение которого Веррий, вероятнее всего, почерпнул из комментария Элия Стилону к Эннию.

Исследования методов цитирования, свойственных Веррию Флакку, показывают, что он, судя по всему, располагал текстами Энния, которого он цитирует немногим реже Плавта [North 2007: 49]. Можно предполагать, что и комментарий Элия Стилону, попавший в распоряжение Веррия, следовал за текстом и не был организован в алфавитном порядке.

Вторая трудность может быть решена при обращении к истории глагольной морфологии латинского языка. Дело в том, что глагол *noscere* (более раннее, возможно, **gnoscerē*) – суффиксальный производный от более простого глагола, который не сохранился до нашего времени, однако неизбежно предполагается при обращении к таким формам как *notum* и *cognitio*. Показательным здесь будет и сравнение с такими глаголами как *posco* и *peto* и *consuesco* / *consueo*.

Глаголы *poscere* и *petere* и их производные представляют особый интерес потому, что для *petere* существует приставочный вариант *competere* и однокоренные существительное *compitum* ‘перекресток’ и *Compitalia* (празднество Компиталии). Наиболее убедительная этимология для *compitum* была предложена еще Варроном: «ubi uiae competunt...»¹⁰⁰ (Varr. l.L. VI 25). Затем она упоминается в комментарии Порфириона к сатирам Горация: «Item compita sunt loca, in quae multae uiae competunt»¹⁰¹ (Porphy. Hor. serm. II 3, 25-26). Эта же этимология принимается в словаре Вальде и Гофманна [Walde-Hofmann 1938, С. 258].

Словообразовательная модель, благодаря которой могло появиться *compitum*, вероятнее всего, предполагала, что это слово является субстантивированным причастием от приставочного глагола **compere* или

¹⁰⁰ «там, где сходятся (competunt) дороги»

¹⁰¹ «compita – это места, где сходится много дорог».

**composcere*. Аналогию этому случаю как раз представляет пара *cognitum – cognoscere*. Пара *consuesco / consueo* также вызывала интерес грамматиков.

Сохранилось замечание Флавия Капра: «*Consueo, не consuo; consueo – так же, как feruere*» (Capr. 109, 1 K). Это замечание наглядно свидетельствует, что глагола *consueo* в широком употреблении не было, хотя у Проперция один раз встречается форма 1 pl *suetus* (Prop. I 7, 5).

Рассмотренные морфологические аналогии могут если не подтвердить возможность существования формы **cognent* в цитате из Энния, приводимой у Феста, то, во всяком случае, повысить вероятность появления такой формы.

В случае принятия конъектуры *tongitio – *congitio* устраняется необходимость объяснения гапакса *tongent*, а «пренестинский язык» оказывается общим названием для фонетических и словообразовательных вариантов для существующих латинских слов.

§4. Место примеров, демонстрирующих особенности итальянской фонетики, в композиции сочинений ранних римских грамматиков

4.1. Мнемонический «метод мест» и композиция латинских грамматиков

Орфографические воззрения Веррия Флакка могут быть только реконструированы (см. §1. данной главы), а в сохранившейся части сочинения Варрона мнения о фонетике и орфографии находятся в контексте разбора фонетических вариантов для этимологизируемых латинских слов¹⁰².

Именно поэтому особенно важно уяснить место итальянских примеров, отражающих какие-либо фонетические особенности, в композиции сочинения Варрона «О латинском языке» и Теренция Скавра «О правописании».

Вопрос об образцах композиции сочинения Скавра, причем как сохранившейся части его текста, так и возможных реконструкций сочинения в

¹⁰² подробнее об этимологиях см. Главу 4.

целом, следует рассматривать через призму системы образования, основания которой представлены в сочинении Квинтилиана¹⁰³.

Квинт Реммий Палемон был учителем Квинтилиана, а наибольшие успехи в изучении *композиции* учебников по грамматике были достигнуты именно в результате попыток реконструкции текста Реммия Палемона.

Так, например, Карл Барвик в 1922 г. отмечал, что структура руководств по грамматике, которую наглядно демонстрирует «Ars grammatica» Харизия, в действительности была разработана Реммием Палемоном, автором первого сочинения такого типа. Кроме того, Вольфрам Экс полагал, что сочинения, написанные в форме *ars*¹⁰⁴, в отношении композиции и терминологического аппарата восходят к Реммию Палемону и Плинию Старшему [Ах 2011, С. 341].

В 1996 г. Вивьен Лоу предложила рассматривать структуру учебных грамматик как результат приложения мнемонической техники, называемой *методом мест*, к языковому материалу. Обрисовывая искусно разработанную структуру учебных грамматик [Law 1996, С. 41-42], Вивьен Лоу продемонстрировала, что материал в них подается именно таким образом, чтобы усваивать его было как можно проще.

Мнемонический *метод мест* нередко именовался *ars memoriae*. Во II книге «De oratore» Цицерон приписывает его изобретение Симониду Кеосскому: «...gratiamque habeo Simonidi illi Cio, quem primum ferunt artem memoriae

¹⁰³ О том, что Квинтилиан мог быть учителем Скавра, прямых свидетельств нет. Однако это можно предполагать, учитывая, что Теренций Скавр мог учиться с Плинием Младшим, упоминавшим Квинтилиана в числе учителей. Действительно, в корпусе писем Плиния Младшего содержится письмо, адресованное некому Скавру (Plin. ep. V 12, 2). Человек по имени Terentius Scaurus упоминается в указателе Эшбернхема к V книге писем Плиния Младшего [Tempesti 1977, С. 176-177]. В связи с этим Л. Аве [Havet 1883, С. 252] склонялся к тому, чтобы отождествить адресата письма с грамматиком Скавром эпохи Адриана, о котором пишет Авл Геллий и который упоминается в «Жизнеописаниях Августов». М.Е. Сергеенко в примечаниях к русскому переводу писем Плиния Младшего приводит две версии: по одной из них, адресат Плиния – отец или родственник двух консуляров: Теренция Генциана, консула 116 г., и Теренция Скавриана, первого правителя Дакии. По другой версии, адресат Плиния – «грамматик Теренций Скавр, комментировавший Горация» [Сergeenko 1982, С. 331]. О.Д. Никитинский в комментарии к русскому переводу биографии Луция Вера поддерживает версию, что адресат Плиния и грамматик из «Аттических ночей» – один человек [Никитинский 1992, С. 336]. А.-М. Темпести в качестве довода в пользу отождествления адресата Плиния с грамматиком эпохи Адриана приводит суждение о содержании самого письма, обращая внимание на *adnotatio*, *emendatio* и *auctoritas*, о которых пишет Плиний Младший [Tempesti 1977, С. 178].

¹⁰⁴ К. Барвик относил сочинения этого типа к разряду т.н. *учебных*, или *школьных грамматик* (нем. Schulgrammatik).

protulisse»¹⁰⁵. Далее Цицерон пересказывает анекдот о Симониде и фессалийском богаче.

Симонид, чудом оставшись в живых, опознал тех, кто погиб под обвалившейся крышей, потому что запомнил, кто где сидел: «Simonides dicitur ex eo, quod meminisset quo eorum loco quisque cubuisset, demonstrator unius cuiusque sepeliendi fuisse; hac tum re admonitus inuenisse fertur ordinem esse maxime, qui memoriae lumen adferret»¹⁰⁶ (Cic. de orat. II 86)¹⁰⁷.

Для корректного использования метода необходимо соблюдать то, что Цицерон называет *ordo*. Важна и классификация наблюдаемых предметов, которые можно будет правильно разместить в пространстве, то есть необходимо произвести *diuisio* и *compositio* (Quint. inst. IX 2, 36-39)¹⁰⁸. Причину, по которой грамматики стремились использовать *метод мест* в композиции учебных пособий, В. Лоу усматривает в том, что грамматика служила предварительным этапом при подготовке оратора к запоминанию больших объемов информации.

4.2. Об утраченной части сочинения Теренция Скавра

Классификации причин появления орфографических ошибок у Скавра и причин возникновения варваризмов у Квинтилиана практически идентичны. Можно предполагать, что в практике школ I – нач. II вв. н.э. могли использоваться *руководства*, продолжающие фундаментальные *artes grammaticae* и направленные на развитие способности к деятельности по исправлению – *emendatio*, одной из *officium grammaticae*.

Текст «О правописании» Скавра начинается словами: «Scribendi autem ratio quattuor modis uitiatur». То, что текст начинается с предложения, содержащего *autem*, побуждает исследователей предполагать, что сохранившийся текст имеет лакуну на месте первого параграфа [Biddau 2008, С. 5].

¹⁰⁵ «И я благодарен Симониду Кеосскому, который, говорят, был основоположником мнемоники (artis memoriae)».

¹⁰⁶ «Симонид, говорят, смог узнать останки каждого потому, что он помнил, кто на каком месте возлежал. Это вот и навело его на мысль, что для ясности памяти важнее всего распорядок» (пер. Ф.А. Петровского).

¹⁰⁷ Ср. также описание *метода мест* в «Риторике для Геренния» (rhet. ad Herenn. III 30-31).

¹⁰⁸ подробно об этом рассуждает В. Лоу, разбирая соответствующий фрагмент из сочинения Квинтилиана [Law 1996, С. 40].

Сочинение «О правописании» Теренция Скавра могло быть главой в более широком практическом руководстве, посвященном ошибкам (*uitiis*). Поэтому на месте утраченного первого параграфа можно предполагать целую главу, посвященную «варваризмам» и «солецизмам» [Новикова 2015].

Трудно установить, когда именно появились подобные практические руководства по исправлению ошибок и кто был зачинателем этой традиции. Карл Барвик считал Веррия Флакка источником раздела о правописании, представленного у Квинтилиана (Quint. inst. I 7), опираясь на упоминание *librorum de orthographia* у Светония [Barwick 1922, С. 267].

Попытки приложения *метода мест* к организации материала в учебных руководствах были достаточно широко распространены. Предшественником Теренция Скавра в этом отношении мог быть Веррий Флакк, который, по сообщению Светония, был наставником внуков Августа и славился своими методическими приемами (Suet. gramm. 17).

Есть мнение, что источником Теренция Скавра был Марк Теренций Варрон, иначе говоря, что Скавр «испытал варроновское влияние» [фон Альбрехт 2005, С. 1600]. Однако специальных сочинений о правописании, по-видимому, Варрон не писал.

Скавр, как заметил еще Генрих Кейль, упоминает Варрона трижды, причем один раз он с ним совершенно не соглашается: «Varro in eandem errorem diuersa uia delabatur...»¹⁰⁹. Поэтому трудно утверждать, что Теренций Скавр следовал Варрону в большей степени, чем прочие грамматики I-II века.

4.3. Метафорический язык Варрона и орфография

Следует обратить особое внимание на *метафорический язык* Варрона. В начале V книги сочинения «О латинском языке» содержится любопытная метафора, отождествляющая грамматика, разыскивающего этимологии, с

¹⁰⁹ «Варрон попадает в тоже заблуждение другим путем».

охотником в густом непроходимом лесу: «non mediocris enim tenebrae in silua ubi haec captanda neque eo quo peruenire uolumus semitae tritae»¹¹⁰ (Varr. l.L. V 6).

Интересно, как Варрон предлагает читателю понимать природу звучащего и письменного слова. То, что написано, является *следом* (лат. *uestigium*) слова звучащего, и его происхождение можно разыскать только там, куда не всегда просто найти дорогу. Как след от предмета не является рисунком этого предмета, так и буквы записанного слова не являются изображением какого-либо предмета, который стоит за этим словом.

Внешний вид следа, то есть буквы (лат. *litterae*), может запутать охотника, и для того, чтобы найти правильную дорогу, полезно уметь предугадывать изменения, которые претерпевают *litterae*: «quot modis litterarum commutatio sit facta qui animaduerterit, facilius scrutari origines patietur uerborum»¹¹¹.

Фонетические различия, наблюдаемые в рамках одного слова в разных итальянских языках и диалектах, специально упоминаются Варроном однажды, в связи с происхождением названий животных: «possunt in Latio quoque ut in Graecia ab suis uocibus haec eadem ficta [...] *uitulus*, quod graece antiquitus *ἰταλός*, aut quod plerique uegeti, uegitulus [...] *ircus*, quod Sabini *fircus*; quod illic *fedus*, in Latio rure *[h]edus*: qui in urbe ut in multis A addito *aedus*»¹¹² (Varr. l.L. V 96-97).

Характерно, что даже когда речь идет о фонетическом расхождении между словами, оказывается, что латинское слово объясняется либо через сабинское, либо через греческое: *uitulus* – от греческого *ἰταλός*, *aedus* – результат добавления А к сельскому латинскому *edus*, а оно, в свою очередь, результат отнятия начального f в *fedus*, но не наоборот. Таким образом, Варрона интересует не итальянский пример, а то, как через него можно выйти на этимологию латинского слова.

¹¹⁰ «Дело в том, что в лесу, где следует их отлавливать, густые потемки, и тропинки туда, куда мы хотим отправиться, не хожены».

¹¹¹ «Тот, кто обратит внимание на то, сколькими способами возникают изменения букв, легче добьется понимания происхождения слов».

¹¹² «В Лации то же самое может, как и в Греции, образовываться от звуковых комплексов своего языка. *uitulus* ‘бычок’ – из-за того, что по-гречески раньше он был *ἰταλός*, или из-за того, что большинство из них крепкие (uegeti) – uegitulus. *ircus* ‘козел’, потому что по-сабински – *fircus*. от того, что там – *fedus* ‘козлик’ – в сельском Лации *edus*, который в Риме, при добавлении, как и во многих других случаях, А, стал *aedus*».

Несмотря на то, что *cognatio litterarum* у Варрона является путеводной нитью для охотника за этимологиями, композиция сочинения «О латинском языке» основана на разделении категорий: «quod stat aut agitur, corpus, ubi agitur, locus, dum agitur, tempus, quod est in agitatu, actio»¹¹³.

4.4. Терминологические различия грамматиков в отношении орфографии

Терминология Варрона несколько отличается от терминологии Теренция Скавра и Веррия Флакка. Упоминаемые в сочинении Скавра термины *adiectio*, *detractio*, *immutatio* (*mutatio*), *annexio* (*connexio*) частично находят соответствие в эпитоме Феста:

- 1) «scribique ideo debere primam appellationis eius syllabam adiecta u littera» (Fest. 173, 29 L);
- 2) «nautea... quia nauseam fa<cit, permutatione t et> s litterarum interme» (Fest. 165, 63 L);
- 3) «Prodigia quod prodicunt futura, permutatione g litterae» (Fest. 229, 16 L);
- 4) «<tamquam AU in U mutatum est in> recludere» (Fest. 277, 61 L);
- 5) «syllaba eius tertia mutata, et pro Terede Teram scribi debuisse» (Fest. 363, 45 L).

В то время как в сочинении Варрона используется несколько иной набор терминов: *additio* (вместо *adiectio*), *demptio* (вместо *detractio*) и *commutatio* (Varr. l.l. V 6; V 97).

Вероятнее всего, итальяйские примеры, демонстрирующие фонетические отличия от латинских слов, помещены были в тех частях сочинения «О латинском

¹¹³ «То, что покоится или действует – тело, то, где происходит действие – место, то, когда происходит действие – время, то, в чем заключается действие – процесс».

языке», где речь шла о *cognatio litterarum*, то есть в утраченных начальных главах. Можно даже предполагать, что разработка учения о *родстве букв* принадлежала Варрону. Возможно, он использовал итальянские примеры как *следы*, помогающие выйти на верную этимологию.

Веррий Флакк, при условии, что ему было известно учение Варрона о *cognatio litterarum*, в свою очередь, мог использовать его для нужд школы, то есть для объяснения *ошибок*. Классификация причин возникновения *ошибок* у Теренция Савра, вероятно, восходит к Веррию Флакку. Итальянские примеры привлекаются только для демонстрации отклонений от нормы.

§5. Вывод: место итальянских примеров в практике обучения орфографии и возможности для конъектур в орфографических текстах

Глава 3 данной работы представляет результаты многоуровневого исследования контекстов, содержащих примеры из итальянских языков в перспективе античного обучения правописанию. Разбирались, главным образом, примеры, трудно интерпретируемые с точки зрения сравнительно-исторической грамматики, и атрибуции этих примеров.

Анализ проводился на уровне характеристики *метода суждения* грамматика в каждом отдельном контексте, на уровне установления *терминологии* и преемственности метода обучения правописанию и изложения материала.

Исследование специальной орфографической терминологии, характеризующей фонетические процессы и способы появления ошибок на письме, потребовало вдумчивого обращения к композиции грамматических сочинений.

Была предпринята попытка продемонстрировать, что системный анализ примеров, сгруппированных по наблюдаемым в них фонетическим процессам, переходам и чередованиям звуков, позволяет установить *мотивацию* для привлечения итальянского примера грамматиком.

При понимании *мотивации* появляется возможность для *реконструкции* отдельных фрагментов и для оправдания *конъектур*, помогающих устранить ряд гапаксов и единичных атрибуций.

Единичная атрибуция к языку фалисков, содержащаяся у Теренция Скавра в связи с чередованием f/h, получает объяснение при сопоставлении с сабинскими примерами у Варрона. Судя по всему, Варрон мог привлекать материал, который известен современной лингвистике в качестве фалисского, используя для него атрибуцию *Sabini*.

Гапакс *tongitio* может быть устранен с помощью конъектуры, построенной с учетом метода суждения Веррия Флакка и более поздних грамматиков о чередовании gn/ng. Устранение гапакса особенно важно при учете характера других немногочисленных примеров, имеющих атрибуцию *Praenestini*, которые отражают фонетические и словообразовательные варианты латинских слов.

ГЛАВА 4. ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ В РИМСКОЙ ШКОЛЕ: ЭТИМОЛОГИЯ

§1. К проблеме разнородности этимологического материала

В данной главе рассматривается наиболее трудный и обширный материал, не отличающийся однородностью. Речь идет о примерах из итальянских языков, становящихся основой для этимологий.

Исследованию подвергаются, в первую очередь, этимологические главы «О латинском языке» Варрона, комментарий Сервия к «Энеиде» Вергилия и материал самого Вергилия, который может отсылать к этимологиям, а также – сведения метриков о происхождении итальянских названий для стихотворных стоп.

Основой для анализа мотиваций, побудившей грамматиков использовать какие-либо итальянские слова, является представление о неразрывной связи античной *этимологии* с *этиологией*.

Особое внимание уделяется логической структуре этимологических высказываний и влияние мифологических *фабул* на выбор грамматика или поэта в пользу одной этимологии из многих.

Глава сопровождается указателем итальянских производящих слов, призванном дополнить словарь античных латинских этимологий Р. Молтби. Указатель помещен в Приложении.

§2. Специфика итальянских этимологий в «De lingua Latina» Варрона и этимологические замечания в эпитоме Феста

2.1. К проблеме «пансабинизма» Варрона

Одной из крупнейших работ, посвященных грамматическим сочинениям Марка Теренция Варрона, является диссертация Жана Коллара, защищенная в

Париже 26 апреля 1952 г. Диссертация была опубликована в 1954 г. в виде книги и до настоящего момента остается главным филологическим сочинением о Варроне. В 1952 г. вышла заметка Коллара «Le sabinisme de Varron» [Collart 1952, С. 69].

Именно Коллар акцентировал внимание филологов на «пансабинизме» Варрона: «Так не следует ли, в определенной мере, считать своеобразие Варрона, состоящее в слиянии истории и этимологии и в его «пансабинизме» ("pansabinisme") острумным, если не убедительным?» [Collart 1954, С. 301].

Многие исследователи склонны были искать корни «пансабинизма» в обстоятельствах жизни самого Варрона. Так, Б. Рипозати в статье «Varrone e la sua terra sabina» [83], касаясь отношения Варрона к сабинской территории, пишет о «его любви и привязанности к родной земле» [Riposati 1976, С. 232].

Рассмотрению сабинской темы у Варрона посвящено достаточно много работ не только итальянских, но и французских авторов, среди которых можно отметить статью Л. Дешамп «Le paysage sabin dans l'oeuvre de Varron», где затрагивается вопрос о влиянии происхождения Варрона на его сочинения [Deschamps 1985-86, С. 135].

Впрочем, и эпитет *Reatinus* применительно к Варрону нередко становился предметом полемики [Astbury 1977, С. 180-181]. Согласно известному высказыванию Августина, Варрон родился и воспитывался в Риме (*Aug. ciu. IV 1*). В то же время Симмах называет Варрона «*Terentius*, не комический поэт, а *Reatinus*, тот самый родитель римской учености» (*Symm. epist. I 2, 2*).

Известно и упоминание Варрона Сидонием: «*Varrones, uel Atacinus, uel Terentius*» (*Sidon. epist. IV 3, 1*). Рункен предложил к этому месту эмендацию: «*Reatinus*» вместо рукописного «*Terentius*». По убеждению Р. Эстбери, даже если Варрон и родился в Риме, это не означает, что он не мог получить прозвища *Reatinus* из-за того, что жил в сабинском городе Реате.

Однако факт проживания Варрона в Реате не может служить прямым свидетельством того, что у грамматика была возможность слышать носителей сабинского языка. Прямых указаний на это у самого Варрона нет. Даже

использование Варроном настоящего времени сказуемых на протяжении всего текста «De lingua Latina» оказывается неявным в случае с атрибуцией «Sabini».

Часто можно встретить выражения: «nam cipurum sabine bonum», «februm Sabini purgamentum» (Varr. l.L. V 159; VI 13), где глагол *esse* в форме какого-либо времени опущен. Есть пример употребления прошедшего времени: «uocabant lixulas et similixulas uocabulo Sabino» (ibid. V 107).

Настоящее время используется в случае с примером «cata – acuta»: «hoc enim uerbo dicunt Sabini» (ibid. VII 46). Впрочем, пример помещен в седьмую главу «De lingua Latina», посвященную поэтическим употреблением. Можно предполагать, что «Sabini dicunt» – атрибуция, основанная на книжных данных, а не на опыте общения с носителем.

В этой связи полезно вспомнить контекст из Авла Геллия: «А само слово *multa* тот же Марк Варрон в XI книге «*Rerum humanarum*» называет не латинским, а сабинский, и говорит, что оно же сохранилось на его памяти в языке самнитов, которые происходят от сабинян» (Gell. XI 1, 5).

Параллельное место сохранилось у Варрона, он упоминает самнитов, произошедших от сабинян (по выражению грамматика, «ab Sabinis orti Samnites»), как жителей города *Casinum*: «город, называемый *Casinum* (его занимали самниты, произошедшие от сабинян), у нас по сей день называется *Forum Vetus*» (Varr. l.L. VII 28).

Это место показательно в отношении хронологии, которую можно наблюдать у Варрона: «ab Sabinis orti Samnites» предполагает, что «Sabini» как минимум на поколение старше тех, кого грамматик именует «Samnites». Таким образом, можно сопоставить атрибуцию «Sabini» по отношению к «Samnites» с атрибуцией «antiqui» по отношению к «nostri».

На «книжную» природу атрибуции «Sabini» указывал еще Ж. Коллар [Collart 1954: 302]. Он упоминает Элия Стилону, которого, вероятно, и следует считать одним из первых исследователей итальянского материала, и Катона, обращавшегося к итальянской теме при написании «*Origines*».

Однако любые рассуждения об Элии Стилоне и Катоне неизбежно будут связаны, чаще всего, именно с текстом Варрона. Поэтому небесполезно было бы прибегнуть к анализу композиции сочинения Варрона «*De lingua Latina*» и попытке реконструкции мировоззрения, которое грамматик предлагал своему читателю (в первую очередь, надо полагать, Цицерону, которому и посвящено сочинение Варрона), а также – к месту «*De lingua Latina*» в творчестве грамматика.

Ж. Коллар предложил убедительную хронологию грамматических сочинений Варрона [Collart 1954, С. 30]:

86-84 гг. до н.э. – *De antiquitate litterarum ad Accium*.

56-47 гг. до н.э. – *De origine linguae Latinae; de similitudine uerborum; de utilitate sermonis; περὶ χαρακτήρων*.

46 г. до н.э. – *De sermone Latino ad Marcellum*.

45-44 гг. до н.э. – *De lingua Latina ad Ciceronem*.

45 г. до н.э. – *Quaestiones Plautinae*.

44 г. до н.э. – *Epitome de lingua Latina*.

35-32 гг. до н.э. – *Disciplinarum liber I, de grammatica*.

Судя по всему, в случае, когда в «*De lingua Latina*» речь идет о древностях и о том, что называется «*origines*», Варрон пользуется материалом, который разрабатывался для более раннего «*De origine linguae Latinae*». Именно поэтому в сохранившихся частях «*De lingua Latina*» картина мира, предлагаемая читателю, выглядит вполне устоявшейся и нуждается в детальном анализе с учетом специфики самого текста, посвященного, в первую очередь, непосредственно языку эпохи Варрона.

2.2. О композиции этимологических глав «*De lingua Latina*»

Наибольшее число атрибуций к итальянским языкам сосредоточено именно в этимологических главах сочинения Варрона «De lingua Latina», то есть главах V-VII. Для систематизации материала Варрон выбирает тематический метод. При этом V глава содержит то, что относится к месту (*locus*), VI – ко времени (*tempus*), а в VII приводится разбор поэтических употреблений с привлечением большого количества цитат из древних поэтов.

В пятой главе Варрон сообщает: «Incipiam de locis ab ipsius loci origine»¹¹⁴. Следует отметить, что «*locus*» берется за отправную точку рассуждений о языке не случайно: в VI книге можно встретить этимологию самого глагола *loqui* ‘говорить’, связывающую его со словом *locus*: «*is loquitur, qui suo loco quodque uerbum sciens ponit*»¹¹⁵ (Varr. l.L. VI 56).

Можно даже предполагать, что за соотношением «*locus* – *loqui*» стоит игра слов, основанная на известной грамматикам орфографии. Буква G была введена, как сообщает Теренций Скавр, Спурием Карвилием, до того же древние пользовались буквой C (Scaur. orth. 15, 12 K). Следовательно, *locus*, упомянутое грамматиком рядом с *loqui*, могло напоминать читателю, пусть и не вполне всерьез, об этой особенности древнего письма благодаря возникающему созвучию *locus* – λόγος.

Более серьезная ассоциация, которая неизбежно должна была возникнуть у читателя при первом обращении к V книге «De lingua Latina», относится более к ораторской деятельности и связана с практикой школьного обучения риторике: *locus* неизбежно должно было напомнить о «методе мест», популярном в эпоху Варрона. Цицерон, которому посвящено сочинение грамматика, нередко рассуждает об этом методе запоминания аргументов.

Обращает на себя внимание и то, что еще во вступлении красноречиво замечает: «Не казалось подабающим, чтобы я, разыскивая причину возникновения слова, созданного Эннием, не брал в расчет то, что прежде создал царь Латин, между тем как многими поэтическими словами я скорее

¹¹⁴ «Я начну говорить о местах с происхождения самого места (слова *locus*)».

¹¹⁵ «Говорит тот, кто, обладая знанием, расставляет вещи по своим местам».

наслаждаюсь, чем использую их, тогда как древними словами скорее пользуюсь, чем наслаждаюсь. И разве не верно, что я получил слова в качестве наследства от царя Ромула, а не в виде того, что осталось от поэта Ливия?» (Varr. I.L. V 1).

Таким образом, Варрон позиционирует свое рассуждение о латинском языке как рассуждение с позиции сторонника теории возникновения языка скорее $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$ (по установлению), чем $\phi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$ (по природе). Сопоставить позицию Варрона можно, например, с позицией Витрувия.

Сочинение Витрувия «Об архитектуре» содержит краткое изложение теории о происхождении языка (Vitr. II 1, 1), получившее вдумчивый комментарий А.Л. Верлинского, отрицающего возможность установить прямую зависимость между учением, представленным у Витрувия, и учением Посидония [Верлинский 2006, С. 88-91]¹¹⁶.

Если же вновь обратиться к композиции сочинения Варрона, можно объяснить мотивацию, которая могла способствовать появлению рассуждения о природе языка у Витрувия и, наоборот, ответить на вопрос, почему композиция V книги Варрона сложилась так, как она сложилась.

Дело в том, что в «De lingua Latina» часть, касающаяся «мест», начинаясь с рассуждения о происхождении слов для неба и земли, постепенно переходит в изложение микротопонимики Рима. Действительно, основной способ представления того, что Варрон называет «locus», на местности – это, собственно, микротопоним в городе: «locus sacellum <Ve>labrum»; «in eum locum qui uocatur C<a>eliolum»; «quem locum Ceroliensem appellatum apparet» и др.

Таким образом, и Витрувий, и Варрон говорят о языке как одном из наивысших проявлений цивилизации наряду с городом как ее центром. Проблема соотношения слов и вещей начинается в сочинении Варрона с соотношения слов и мест, в которые эти вещи помещаются. Метафора Ральфа Эмересона «Language is a City» («Язык – это город») может *mutatis mutandis* рассматриваться как основа композиции V книги Варрона.

¹¹⁶ Впрочем, речь именно о теории «договора». Добавить: о Посидонии и Витрувии; о Варроне (про мудрецов) про глагол *finjo* и глагол *disco*, про отсутствие упоминаний «договора» в рассказе о Латине и Ромуле

Характерно, что большая часть содержания этимологических глав «De lingua Latina» может быть представлена визуально в виде карты Рима (см. Иллюстрацию 1). Подобную карту можно составить уже на основании указателя к изданию Варрона Георга Гётца и Фрица Шолля¹¹⁷ и словаря Лоуренса Ричардсона¹¹⁸.

Среди новейших работ, посвященных античным описаниям республиканского Рима, следует отметить статьи из сборника «Roma Illustrata» 2005 г., особенно работу Г. Ценакера, где поднимается проблема сабинского субстрата в Риме [Zehnacker 2005, С. 426] и приводится перечень городских объектов, упоминаемых Варроном.

Следует отметить, что сочинение Варрона посвящено, прежде всего, языку. Несмотря на то, что метафора «Язык – это город» является организующей в композиции V книги, а композиция VI книги прочно связана с идеей римского календаря и хронологии раннего Рима, тем не менее, изложение римских древностей прочно связано с этимологией.

В сочинении Варрона можно условно выделить три типа этимологий (на основании логической структуры, лежащей в их основе):

- 1) Фабульные этимологии;
- 2) Инверсионные этимологии.

Фабульными в данном случае называются этимологии, которые помещают этимологизируемое слово в структуру какого-либо мифа и чаще всего содержат указание на момент присвоения имени (например, название какого-либо объекта городского ландшафта связывается с мифологическим событием, при этом излагается фабула соответствующего мифа, которая завершается фактом появления наименования).

¹¹⁷ Goetz G., Schöll F. M. Terenti Varronis de lingua latina quae supersunt. Lipsiae. 1910.

¹¹⁸ Richardson L. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore. 1992.

Инверсионные этимологии иначе можно называть *аллегорическими*, в основе таких этимологий лежит представление об именах (например, божеств) как отражениях неотъемлемых или актуальных на протяжении длительного промежутка времени свойств именуемых объектов (например, за именем божества стоит аллегория какого-либо явления природы, за которое это божество «ответственно»¹¹⁹).

Следует отметить, что *эпонимы* встречаются в структуре этимологий и того, и другого типа. Например, при этимологизации топонима Quirinalis Варрон поясняет, что на этом холме находится святилище Квирина: «Collis Quirinalis, quod ibi Quirini fanum»¹²⁰ (Varr. l.L. V 51). Это пример *инверсионной* этимологии: нахождение храма Квирина именно на этом холме является свойством холма, а не однократным событием, давшим название месту.

Примером *эпонима*, демонстрирующего фабульную этимологию, является, например, одна из версий происхождения слова Germalus: «Germalum a germanis Romulo et Remo»¹²¹ (ibid. 54). Братья Ромул и Рем были найдены на этом месте, по этому событию оно именуется словом, производным от слова germani ‘братья’.

Композиционное решение, использованное Варроном в «De lingua Latina», предполагает изложение этимологий как одного, так и другого типа. К примеру, для слова Palatium приводится несколько версий, одна – по свойству места, где, как предполагают некоторые, были быки: «eundem hunc locum a pecore dictum putant quidam; itaque N<a>euius 'Balatium' appellat» (ibid. 53), т.е. Palatium – «Balatium quasi Boualatium»; вторая – по имени Палланта, то ли матери, то ли жены царя Латина: «sed hoc alii a Palant[i]o uxore Latini putarunt» (ibid.).

2.3. О месте сабинян в «De lingua Latina» Варрона

Интересно, что упоминания сабинян и сабинского языка прочно связаны у Варрона с мифом об основании Рима, с его основными событиями, местами, где

¹¹⁹ об аллегориях такого типа в композиции сочинения грамматика Корнута см. [Торшилов 2008]. О разработке этимологий стойками также см. [Allen 2005, С. 14-15].

¹²⁰ «холм Quirinalis, потому что там святилище Квирина».

¹²¹ «Germalus от близнецов Ромула и Рема».

эти события происходили, или персонажами, имеющими к этим событиям какое-либо отношение. Lauretum – место погребения Тита Тация, mons Tarpeius – место гибели Тарпеи от сабинских щитов, lacus Curtius связывается Варроном с событиями сабинской войны: «Piso in annalibus scribit Sabino bello, quod fuit Romulo et Tatius, uirum fortissimum Mettium Curtium Sabinum...»¹²² (Varr. l.L. V 149), uicus Ciprius – район, где расселились сабиняне после заключения мира, и т.д.

Интересно, что район uicus Ciprius, название которого Варрон возводит к сабинскому слову *ciprum* ‘благо’ находится между, с одной стороны, Палатином и Капитолием, а с другой – Квириналом и Эсквилином. В исследованиях, посвященных участию сабинян в основании Рима, например, в работах Жака Пусэ, особое место занимает вопрос, действительно ли древним населением холмов Рима были, с одной стороны, первые римляне, населившие Палатин [Roucet 1985, С. 140-146], а с другой – древние сабиняне, располагавшиеся на Квиринале [Binder 1909; Piganiol 1917].

В рецензии на книгу Пусэ, посвященную сабинянам в Риме [Roucet 1967], Ж.-К. Ришар подвергает детальному рассмотрению аргументы Пусэ против варроновской этимологии «Quirites a Curibus». Как бы исследователи, историки, лингвисты или археологи, ни оценивали реальность этой этимологии, очевидно, что сам Варрон использовал ее намеренно, исходя из той картины мира, которую предполагал сообщить своему читателю.

Когда необходимо объяснить *мотивацию*, побудившую Варрона использовать именно такую этимологию, следует полагаться на максимально полную реконструкцию творческого замысла автора, а не на то, как этимология Варрона соотносится с современными методами исторической лингвистики или «объективной историей Рима».

Методы сравнительно-исторической лингвистики и глоттохронологии имеют особую важность в тех случаях, когда необходимо указать на возможность

¹²² «Пизон в анналах сообщает, что во время сабинской войны, которая была между Ромулом и Тацием, сильнейший сабинский муж Меттий Курций...».

или невозможность появления грамматической формы или фонетического облика какого-либо слова во времена исследуемого автора. Если исходить из того, что Варрон мог слышать речь самнитов и разнообразных кампанских племен, например, осков, такое предположение можно подтвердить благодаря оским надписям из Кампании, существующим независимо от Варрона и фиксирующим оскский язык вплоть до I в. н.э.

Что же касается сабинян, сам Варрон предлагает некоторую хронологическую дистанцию между его временем и эпохой основания Рима. При этом, когда Варрон говорит о языке древних (*antīqui*), он всегда указывает на то, что язык претерпевает изменения во времени. Если сабиняне – участники событий, связанных с основанием Рима, то и сабинский язык – язык, если не тождественный языку древних, то, по крайней мере, с ним соотносимый.

В этом случае следует говорить о «книжном» происхождении сабинских примеров или о знакомстве Варрона с итальяскими надписями. Так, например, слово *сіргит* встречается в южнопиценских надписях, сохранившихся и до наших дней. При этом часть южнопиценских надписей найдена именно на территории, где жили сабиняне, что побудило первых исследователей назвать их памятниками «сабинского языка». Однако с 1980-х гг., после работ Анны Маринетти, эти надписи признаны южнопиценскими.

2.4. Об оценке грамматиками «статуса» итальяских слов; о соотношении оскского и сабинского

Данные грамматиков очень часто оказываются в отношениях «дополнительной дистрибуции» с эпиграфическими данными, именно поэтому так важно изучение *мотивации*, продиктованной творческим замыслом автора, упоминающего какие-либо итальяские примеры. Не меньшую значимость имеет и *оценка статуса* итальяских примеров, которую можно наблюдать у грамматиков.

Квинтилиан, рассуждая об обучении оратора грамматике, уравнивал в правах сабинские, этрусские и пренестинские слова с собственно римскими: «Licet omnia Italica pro Romanis habeam» (Quint. I 5, 57). Любопытно, что это одно из первых собирательных наименований итальянских языков: Варрон не использует при атрибуции слов определение *Italicus*. Рассуждая о происхождении латинских слов, Варрон чаще всего прибегает к примерам из двух итальянских языков: сабинского и оскского.

Словарь античных латинских этимологий, составленный Робертом Молтби, к сожалению, имеет указатель только греческих производящих слов, упоминаемых грамматиками. Для итальянских слов указателя нет. Более того, не всегда понятен принцип, по которому составитель словаря выделяет или не выделяет отдельные статьи. С целью восполнения лакуны составлен Указатель итальянских производящих слов (см. Приложение).

Подобный указатель может быть полезен, в частности, при исследовании оценки грамматиками *статуса* слов, получающих атрибуцию к какому-либо итальянскому племени. Для этого можно проанализировать, к каким предметно-понятийным областям относятся этимологизируемые слова.

Необходимо обратить внимание не на исходное слово, которое находит грамматик, а на то слово в латинском языке, которое этимологизируется по итальянскому источнику. Именно то, к какой сфере относится этимологизируемое латинское обозначение предмета или явления, может продемонстрировать то, как автор оценивает статус языка, из которого взято производящее слово.

Чаще всего Варрон обращается к сабинским примерам, чуть реже – к оскским. В отдельных случаях встречаются другие итальянские атрибуции. При этом сабинские примеры связаны с:

- 1) мифом об основании Рима и других городов: *cascus*, *curis*, *ciprum*;
- 2) именами известных римлян: *catus*;

3) календарем и деятельностью жрецов: *februm*, *lixulae* (значение и сфера употребления этой лепешки, впрочем, точно не известна), а также *eloquium* и *reloquus*, не являющиеся производящими словами, но употреблявшиеся «in fanis Sabinis» (Varr. I.L. VI 57).

Оскские производящие слова упоминаются Варроном в связи с:

- 1) изготовлением текстиля: *asta*, *supparus*;
- 2) комедией ателланой: *casnar*¹²³.

При этом ни в каких событиях древности оски, по Варрону, не участвуют. Отношение Варрона к сабинскому языку в целом соответствует одной из античных этимологий слова *Sabini* (инверсионного типа): «*Sabini dicti, ut ait Varr<o>, quod ea gens praecipue colat de<os, id est ἀπὸ τοῦ > σέβεσθαι*» (Fest. 343, 54 L).

2.5. Об оценке «оскского» у античных авторов

Слово *Osci* традиционно возводится через стадию **orpsi* к лат. *oriscus* и греч. ὀπικός. Считается, что у римских авторов *oriscus* обычно обозначало неграмотного, необразованного человека. Вокруг точного значения этого слова разыгралась полемика, начавшаяся после статьи Мишеля Дюбюиссона. Он задавался вопросом, насколько *oriscus* могло отождествляться с варварами, осками или самим римлянами и в каком значении это слово употреблялось в одном пассаже у Катона Старшего [Dubuisson 1983, С. 522-545].

Очевидно, что *oriscus* ко времени Горация закрепилось в значении 'неученный, неграмотный' и связывалась с неумением говорить по-гречески и на литературном латинском языке. В этом значении *oriscus* позже употребляется у

¹²³ о нетрадиционной интерпретации контекста из Варрона, содержащего *casnar*, см. статью Дж. Адамса [Adams 2004, С. 352].

Авла Геллия (Gell. XI 16, 7) и Теренция Скавра (Scaur. 23, 2 K). Существовала и античная этимология для слова *orici*. Опираясь на произносительный вариант *orphici* (Ὀφικοί: οἱ νῦν Ὀπικοί у Гесихия), авторы возводят это слово к греческому ὄφις ‘змея’: «οἱ δὲ ὅτι Ὀφικοί ἀπὸ τῶν ὄφεων» (Steph. Byz. Ethn. 494, 7; Herodian. Orth. III 560, 21 L). О том же говорит и Сервий: «Capuenses dicit, qui ante Ophici appellati sunt, quod illic plurimi abundauere serpentes»¹²⁴ (Seru. Aen. VII 730).

Можно ли предполагать, что между этимологией, возводящей название *orici* к змеям, и значением ‘невежественный, неграмотный’ для слова *oriscus* мыслилась какая-либо связь? На первый взгляд такой связи нет вовсе, но если проанализировать контексты, в которых обычно встречаются упоминания змей, можно увидеть некоторые основания для соотнесения *orici* ‘неграмотные’, в первую очередь жители сельской Кампании, ср. у Титиния «Qui Obsce et Volsce fabulantur: nam Latine nesciunt»¹²⁵ (Fest. 189, 29 M), и Ὀφικοί ἀπὸ τῶν ὄφεων.

Змеи традиционно мыслились как существа хтонические, связанные с землей, ср. у Горация: *pec humus intumescit uiperis*¹²⁶ (Hor. ep. XVI 52). В латинском языке значение производного от *humus* ‘земля’ прилагательного *humilis* ‘низкий, низменный’ применительно к речи раскрывается в контекстах типа: «*iambus frequentissimus est in iis, quae demisso atque humili sermone dicuntur*»¹²⁷ (Cic. or. LVIII 196; LVII 192); «*humilia et uulgaria uerba*»¹²⁸ (Quint. X 1, 9), и т.п.

Можно предположить, что «*humilis sermo*» – это то, что свойственно человеку, который является «*oriscus*». Гораций во второй книге «Посланий» даже говорит о том, что он не хотел бы, чтобы его слог «полз по земле»: «*pec sermones ego mallet repentis per humum*» (Hor. epist. II 250-251). С этой точки зрения знаменитая формула Горация «*ex humili potens*» приобретает новый контекст:

¹²⁴ «Капуанцами он называет тех, кто раньше назывались *Ophici*, потому что там в большом количестве обитали змеи».

¹²⁵ «Те, кто говорит по-оскски (*Obsce*) и по-вольски (*Volsce*), потому что по-латински они не говорят»

¹²⁶ «И земля не вздуется от змей».

¹²⁷ «Ямб особенно часто используется там, где говорят на простом и низком языке».

¹²⁸ «Низкие и простонародные слова».

humilis оказывается тесно связано не только с социальным, но и, возможно, с географическим происхождением.

Здесь стоит вспомнить об одном из участников перебранки в пятой сатире Горация, то есть о персонаже по имени Мессий. Основываясь на свидетельствах античных грамматиков и антикваров о кампанских осках, мы попытаемся объяснить, почему словосочетание «*clarum genus Osci*», отнесенное к Мессию, могло звучать для современника Горация как оксюморон, вероятно, сознательно введенный им в сатиру.

То, что Мессий прямо назван оском, возможно, должно было служить еще одним намеком на ателлану, ведь именно ателлана считалась комедией, заимствованной от осков¹²⁹. Что же касается загадочного «*clarum genus*», здесь можно видеть оппозицию *clarus* – *obscurus*. Слово *obscurus* часто употребляется применительно к *genus* именно как противоположность *clarus*, но в данном случае у *obscurus* возникают дополнительные коннотации.

Во-первых, слово *obscurus* могло связываться с речью осков. Эдвард Мунк, вслед за Карлом Шобером, настаивал на том, что ателлана никогда не ставилась по-оскски в Риме [Munk 1826, С. 21], однако это не означает, что народные фарсовые сценки, послужившие прототипом для литературной формы ателланы, не могли идти по-оскски на территории Кампании, в Капуе или той же Ателле. Оскский язык, по всей видимости, носители латинского языка понимали, но с очень большим трудом и не всегда правильно.

Здесь уместно вспомнить также этимологию слова *obscenus*, предлагавшуюся античными грамматиками и засвидетельствованную в эпитоме Феста сразу в двух статьях, на слово *Obscus* и слово *Oscus*. Этимология,

¹²⁹ Прочтение пятой сатиры Горация как источника сведений об ателлане предлагалось исследователями еще в XIX в., в основном в контексте поиска самих упоминаний древнейших итальянских комических жанров. Так, у Вильгельма Корссена в одной из глав его книги «*Origines poesis Romanae*», специально посвященной ателлане, находится указание на то, что Гораций упоминал народные фарсы [Corssen 1846, С. 152]. О том же рассуждал еще Эдвард Мунк, признавая «Дорогу в Брундизий» одним из источников сведений об итальянских фарсовых сценках [Munk 1826, С. 15].

Паоло Фрассинетти говорил об этом эпизоде как о «наиболее древней форме драматических состязаний, бытовавших у осков» [Frassinetti 1953, С. 35].

возводящая *obscenus* к *Obscus* (> *Oscus*), могла принадлежать Клоацию Веру или Элию Стилону¹³⁰.

Веррий Флакк опирался, по-видимому, на Клоация: «*Nam Cloatius putat eo uocabulo significari sacrum, quo etiam leges sacratae obscatae dicantur*» – «Дело в том, что Клоаций считает, что это этим словом обозначается то, что является *sacrum*, и от этого же слова *leges sacratae* называются *obscatae*» (Fest. 189, 25 M).

Далее следует рассуждение, авторство которого неясно: «*et in omnibus fere antiquis commentariis scribitur Opicum pro Obsco... a quo etiam uerba impudentia elata appellantur obscena, quia frequentissimus fuit usus Oscis libidinum spurcarum*» – «И практически во всех древних комментариях пишется *Opicus* вместо *Obscus*... именно от этого слова, имеющие непристойный смысл, называются *obscena*, так как у осков очень распространен грязный разврат».

В другом месте у Феста дается следующее: «*Oscos quos dicimus, ait Verrius, Opscos antea dictos, teste Ennio, cum dicat: "De muris rem gerit Opscus."* Adicit etiam, quod stupra inconcessae libidinis obscena dicantur, ab eius gentis consuetudine inducta. Quod uerum esse non satis adducor, cum apud antiquos omnis fere obscena dicta sint, quae mali ominis habebantur» (Fest. 198, 35 M).

Здесь трудно сказать, кто является действующим лицом глагола *adducor*. Если эта фраза непосредственно переписана из словаря Веррия Флакка, в отличие от первой части словарной статьи, где Фест дает ссылку на Веррия, то мы имеем дело с опровержением этимологии Клоация.

Именно на основании этих этимологий, приводимых у Феста, многими издателями чтение *obscenus* вместо *obscurus* в контексте, связанном с ателланой, предлагалось для одного места у Квинтилиана: «*in primis ex amphibolia, neque illa obscura (или obscena) quae Atellanio more captant*» (Quint. VI 3, 47). С этим чтением не соглашался Вильям Беар, пытаясь увидеть в *obscura* связь с *amphibolia* [Beare 1937, С. 214].

Таким образом, рекомендация оратору, которую дает Квинтилиан, заключается в том, чтобы избегать того, что является *obscura* (или *obscena*), то

¹³⁰ Интерпретация этого места у предыдущих исследователей см. в [Kuznetsov 2011, С. 43].

есть того, что используется в ателлане. Беар настаивал на том, что *obscura* таит под собой указание на двусмысленную шутку, являющуюся неотъемлемой частью ателланы. Эта двусмысленность часто имела именно непристойный смысл, поэтому эмендация *obsce* представляется возможной, но излишней.

2.6. Об оскских производящих словах у Феста

Особый интерес представляют рассуждения, приводимые Фестом по поводу этимологии слов *sollitaurilia* и *petorrirum*. Оба слова возводятся к оскским производящим основам, причем слово *sollitaurilia*, само по себе обозначающее разновидность жертвоприношений, становится, таким образом, в один ряд с варроновскими словами, этимологизируемыми с помощью примеров из сабинского языка. Тем не менее, у Феста *sollitaurilia* возводится к оскскому слову (Fest. 298, 41 L).

В известной оскской надписи *Tabula Bantina* засвидетельствовано слово *allo*, которое в латинском переводе выглядит как «*tota*»: «*esuf in(im) allo famelo*» (TB 22), соотв. лат. «*ipse et tota familia*». Со времен В.-П. Корссена в словарях дается соответствие *sollo* – греч. ὅλος; лат. *saluus* ‘целый, невредимый’. Однако и в оскском, и в умбском языке есть слово *salvus*, записанной как в оскском, так и в греческом алфавите: оск. σάλας, и более десяти раз засвидетельствованное в V и VI Игувинских таблицах [Untermann 2000, С. 653].

Вероятнее всего, мотивацией для привлечения «оскского» слова у Веррия Флакка, сочинением которого пользовался Фест, послужила вариативность орфографии. Само же слово *sollo* получает этимологию, отсылающую к лат. *solidum* в эпитоме Павла: «*totum et solidum significat*» (Paul. ex Fest. 292).

Таким образом, читателю предлагается цепочка: *sollum*, quasi **soldum*, quasi *solidum*. Вопрос о судьбе сочетаний *dil* и *dl* затрагивался и Варроном (Varr. I.L. VIII 55), и в иронической форме Цицероном (Cic. Att. IV 10, 1) применительно к слову *sella*, в связи с противопоставлением аналогии и аномалии, действующих в

языке. Происхождение же слова *sella* в этом отношении реконструируется в виде цепочки *sella, quasi *sedla, quasi *sedila, quasi sedicula*.

С другой стороны, очевидно, что Веррий Флакк или его источник не мог не уловить созвучия между *sollo* и греч. ὄλος. О родстве греческого густого придыхания и латинского начального звука *s* сохранилось рассуждение у Авла Геллия (Gell. XIII 9, 5).

Вероятно, рассуждение об упрощении двойного согласного *ll* было реакцией на утраченную ныне этимологию кого-то из грамматиков, пытавшихся доказать, что *sollo-* в *sollitaurilia* правильно было бы писать через одну *l* из-за родства с греч. ὄλος. У Феста сохранено возражение Веррия Флакка, считавшего, напротив, что *sollo-* – слово, которое свойственно было произносить и самим оскам (а может быть, и «опикам») и которое является деревенским произношением лат. *solidus*.

Интересно, что Квинтилиан или его грамматический источник и вовсе отказываются от привлечения непонятого слова: «*nam Solitaurilia iam persuasum est esse Suouetaurilia*» (Quint. inst. I 5, 67). Кто был источником Квинтилиана, а кто – Веррия Флакка, установить трудно.

Другой важный пример, сохраненный Фестом, в отличие от слова *sollo-*, действительно фиксирует особенность оскской фонетики. Этимология слова *petorritum* (одно из названий для повозки определенного вида, не вполне ясного происхождения), приводимая Фестом, возводит это слово к оскскому *pitōra* ‘четыре’, очевидно, по предполагаемому для этого транспортного средства числу колес.

Авл Геллий написал об этом слове целую главу в XV книге «Аттических ночей». По его уверениям, Варрон считал слово *petorritum* галльским (Gell. XV 30, 7). Помимо прочего, Геллий возражал против этимологии, которую предлагал некий его собеседник, сославшийся на Проба.

Геллий не стесняется в выражениях: «*de petorritis nuper argutissimas nugas dixit*»¹³¹ (Gell. XV 30, 3). Далее он говорит, что слово *petorritum* не имеет ничего общего с греческим *πέτορα*, вопреки утверждениям оппонента.

«Оскская» этимология, сохраненная у Феста, дает повод предполагать, что Авл Геллий мог знать и о ней, однако по каким-либо причинам не стал разбирать ее в своем остроумном диалоге с неудачливым оппонентом. Соотношение оскского слова *pitor* ‘четыре’ и колесницы *petorritum* сходно с соотношением «*septem terriones*» и греч. *ἑπτάροα* в рассуждении Авла Геллия о латинском названии созвездия Большой медведицы.

Композиция главы из II книги «Аттических ночей», посвященной слову *Septentriones* (Gell. II 21), позволяет разделить текст как минимум на две части: первая часть – вступление к диалогу, где говорится о том, как автор со спутниками плыли из Эгины в Пирей и любовались звездами (Gell. II 21, 1, 1 – 3, 5); вторая часть – диалогическая, начинается от слов «*hic ego...*» (ibid. 4, 1 – до конца).

В первой части упоминается, что Гомер называет Большую медведицу *ἑπτάροα* ‘воз’. Во второй следуют рассуждения о числе *septem* ‘семь’ и его связи с одним из латинских названий для созвездия. Упоминается и остроумная этимология Варрона, якобы предлагавшего видеть в *Septentriones* словосочетание «*septem trigones*», семь треугольников, которые словно бы образуют рисунок созвездия.

Характерно, что сам Варрон упоминает и другие названия для этого созвездия, например, *Temo* (Varr. l.L. VII 74), а Овидий использует слово *Plaustum* (Ouid. met. X 447). Учитывая, что и то, и другое – названия разновидностей для более общего *uehiculum*, теоретически допустимо, что еще одним итальянским названием для Большой медведицы было *Petorritum*. Рассуждение о внешнем виде этой повозки важно в контексте наблюдения за

¹³¹ «По поводу *petorritum* он сказал прелестнейшую глупость».

контуром созвездия, и именно такое рассуждение упоминает Геллий в разговоре о *Septentriones*.

§3. Итальянские этимологии Сервия и «Каталог итальянских героев» Вергилия

3.1. К проблеме итальянских этимологий в «Каталоге» Вергилия

Рассмотрение итальянских этимологий в комментарии Сервия неизбежно связано с необходимостью вдумчивого анализа «Каталога итальянских героев» (англ. *Catalogue of Heroes* или *of Italian forces*, нем. *Heldenkatalog* или *Italikerkatalog*). Композиция сочинения Сервия обусловлена главным образом его *жанровым своеобразием*: этимологии и другие сведения подаются в виде *компилятивного комментария*¹³².

Вильям Фаулер в своей книге «*Virgil's "Gathering of the Clans"*» [47], целиком посвященной Каталогу Вергилия, не находит объяснения порядку следования племен и героев [Fowler 1918, С. 42]. Вслед за Фаулером А. М. Кук предположил, что порядок героев мог быть алфавитным [Cook 1919, С. 103-104]¹³³.

Для объяснения композиции «Каталога» исследователи предлагают и разные классификации героев Вергилия [Rehm 1932, С. 92; Horsfall 2000, С. 419]. Опираясь на гипотезу об алфавитном порядке героев, Джеймс О'Хара предположил, что в распоряжении Вергилия была энциклопедия, наполненная сообщениями об итальянских древностях, такая, как «*Antiquitates*» Варрона. Схожую мысль высказывал уже Бернард Рем [Rehm 1932, С. 104-107].

Со второй половины XX в. особое внимание исследователей привлекает мастерство Вергилия как *поэта-этимолога*. Гергард Бартелинк считается основателем этого направления, однако, к сожалению, его работа, вышедшая в

¹³² в отличие от сочинения Варрона «О латинском языке», где внутренний диалог выглядит как основа композиции, в сочинении «диалогичность», судя по всему, порождена компилятивным характером жанра комментария.

¹³³ Краткий обзор истории вопроса дает Дж. О'Хара [O'Hara 1989, С. 35].

1965 г. в Амстердаме никогда не переводилась на английский [Bartelink 1965]. Затем в 1996 г. вышла книга «True Names: Vergil and the Alexandrian Tradition of Etymological Wordplay» Джеймса О'Хары.

Метод поиска этимологий Дж. О'Хары предполагает достаточно свободную интерпретацию текста Вергилия с опорой на этимологии, сохранившиеся у античных авторов, ср.: uocemque his auribus hausi (ср. aures а uocibus hauriendis у Лактанция); Hernica saxa colunt (ср. Sabinorum lingua saxa hernaе uocantur у Сервия). Именно для поиска этимологической игры слов у Вергилия был создан словарь античных латинских этимологий Роберта Молтби [Maltby 1991, С. VII].

Дж. О'Хара, как и сам Р. Молтби, не уделял достаточного внимания атрибуции италийских примеров из приводимых античных этимологий и не занимался проблемой грамматических источников самого Вергилия. Впрочем, то, что этимология, которую предположительно воспроизводит Вергилий, не попала в сохранившиеся фрагменты грамматических сочинений, не означает, что такой этимологии не было.

Наконец, О'Хара в своем исследовании не выходит за пределы игры слов (англ. wordplay). Однако следует учитывать, что, благодаря тесной связи античной этимологии с *этиологией*, именно то, *как* поэт излагает миф, может служить демонстрацией той этимологии, которую он подразумевает.

Иначе говоря, при попытке передать *фабулу* одним словом, нередко оказывается, что за поэтическим текстом можно увидеть грамматический источник, указывающий на ту этимологию, которая больше всего привлекала Вергилия.

Эпический поэт должен был передать *список* некоторых значимых имен, например, топонимов и этнонимов Италии¹³⁴. Окончив сбор материала, который должен был составить содержание «Каталога»¹³⁵, поэт обращался к этимологиям, которые предоставляют ему ученые сочинения грамматиков.

¹³⁴ Подробнейший анализ латинских и вообще италийских личных имен, многие из которых использовал Вергилий, можно обнаружить в книге Вильгельма Шульце [Schulze 1904].

¹³⁵ Неграмматические источники Вергилия подробно обсуждаются в работе Бернарда Рема [Rehm 1932, С. 92-97].

Обилие визуальных деталей может указывать на то, что Вергилий при разработке «Каталога» имел визуальный прототип. К. Сондерс упоминает цисту из Пренесте с изображением предполагаемого прототипом аназонки Камиллы из «Каталога» Вергилия [Saunders 1927, С. 93-95]¹³⁶.

Однако в рамках нашего исследования более актуально именно исследование этимологической ткани «Каталога» Вергилия и источников для итальянских сюжетов в этимологических замечаниях Сервия.

3.2. *Auentinus* и множественность этимологий

В комментарии Сервия запечатлено несколько этимологий для имени *Auentinus* (Seru. Aen. VII 657). Упомянутый Сервием Варрон подробно рассуждает о происхождении топонима *Auentinus* в V книге «De lingua Latina» и приводит свою собственную этимологию, предполагая, что *Auentinus* восходит к *aduentus* (Varr. l. L. V 43). Интересно, что по поводу слова *Auentinus* в комментарии Сервия Варрон оказывается не согласен сам с собой.

Еще более интересно то, что сам текст Сервия, при внимательном рассмотрении, оказывается неоднородным по происхождению. На основании комментария Сервия и сохранившимся фрагментам Варрона, мы можем частично восстановить полемику вокруг этимологии *Auentinus* [Новикова 2014].

В этой связи интересен фрагмент из сочинения самого Вергилия по поводу Авентина (Verg. Aen. VII 659-663). Если формулировать одним словом то, что происходит в эпизоде из «Каталога», то очевидно, что это слово *aduentum* ‘прибытие’, ведь именно благодаря прибытию Геркулеса в Италию появился Авентин. Следовательно, из текста Вергилия может быть реконструирована этимология:

«*Auentinus ab aduentu, quod Hercules eo aduentus erat*»¹³⁷.

¹³⁶ подробнее о визуальном образце для композиции «Каталога» Вергилия см. [Новикова 2014].

¹³⁷ «*Auentinus* от слова *aduentus* (приход), потому что Геракл туда прибыл».

Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что сам Вергилий возводит имя героя *Auentinus* к топониму. Хотя именно на эту этимологию, в числе прочих, указывает Сервий: «unde hunc Herculis filium constat nomen a monte accepisse»¹³⁸. Был ли Вергилий автором подобной этимологии или владел каким-либо грамматическим источником, неясно.

3.3. К этимологии топонимов *Italia*, *Abella*, *Aricia*, *Fescennia*

Io и *bos* во фрагменте, посвященном щиту Турна, расположены в ударной позиции на конце соседних стихов, точнее – «*sublatis cornibus Io*» и «*iam bos*», а весь сюжет изложен так, что внимание акцентируется на моменте превращения Ио в корову (Verg. Aen. VII 789-792). Возможно, *bos* отсылает к этимологии для слова *Italia*, предполагающей, что оно происходит от *uitulus* ‘бычок’.

Среди этимологий Варрона можно найти подспорье для этой интерпретации: «*uitulus, quod graece antiquitus ἰταλός, aut quod plerique uegeti, uegitulus*»¹³⁹ (Varr. I.L. V 96, 7). Однако Вергилий, вероятнее всего, имел в виду именно этимологию типа «*Italia a uitulo dicta quasi Vitalia*»¹⁴⁰.

В упоминаниях героев по имени *Oebalus* и *Virbius*, возможно, зашифрованы этимологии топонимов *Abella* и *Aricia*: «*Abella quasi Oebella*» и «*Aricia quasi Aurigia ab auriga*», т.к. в эпизоде с Вирбием фигурирует колесница (Verg. Aen. VII 781-782). Несколько этимологий для *Abella* дает Сервий: «*quae ab nucibus Abellanis Abella nomen accepit*»¹⁴¹ и «*quod inbelliores fuerint Abellanos dictos*»¹⁴² (Seru. Aen. VII 740).

Фалиски у Вергилия сравниваются со стаяй поющих лебедей (Verg. Aen. VII 699-702). Это описание, вероятно, вступает в переключку с *Fescenninae acies*.

¹³⁸ «Отсюда очевидно, что этот сын Геракла получил имя по названию холма».

¹³⁹ «*uitulus* (бычок), которого греки в древности называли ἰταλός, или из-за того, что они по большей части крепкие (*uegeti*), *uegitulus*».

¹⁴⁰ «*Italia* названа от слова *uitulus*, как бы *Vitalia*».

¹⁴¹ «Которая получила название *Abella* от *nucibus Abellanis* (от «Абелланских орехов», т.е. от фундука)».

¹⁴² «Из-за того, что они были совершенно не воинственные, их называли *Abellani*».

Указание на фесценнинцев, в свою очередь, вызывает ассоциацию с *carmina Fescennina*.

Если описать одним латинским словом события в эпизоде с лебедями, то этим словом может быть *canunt*. Таким образом, античная этимология слова *Fescenninus* могла иметь промежуточную стадию *fescen, которое, в свою очередь, может быть прочитано как относящееся к той же словообразовательной модели, что и лат. *tibicen* и *cornicen*.

3.4. *Angitia* как пример «марсийского» языка и античная этимология этнонима *Marrubii*

В. Фаулер отмечал, что, хотя Умброн и обозначен в поэме Вергилия как *felix*, т.е. счастливый, тем не менее, он не избежал гибели [Fowler 1918, С. 74]. Действительно, Умброн изображается как не как царь (лат. *rex*), а как жрец (лат. *sacerdos*): «*Marruua uenit de gente sacerdos*»¹⁴³.

Интересно, что из всех слов, обозначающих ‘исцелять’, Вергилий предпочитает использовать *medicari*: «*sed non Dardaniae medicari cuspidis ictum eualuit*»¹⁴⁴. Вообще глагол *medicari* в значении ‘исцелять, лечить’ встречается нечасто: 2 раза у Вергилия и у Плиния Старшего.

Наконец, в рукописях Вергилия имеется довольно любопытное, но не отраженное критическом аппарате Джан Биаджо Конте (2009 г.), расхождение с комментарием Сервия. Вместо *Marruua* (Aen. VII 750) цитате у Сервия можно видеть *Marrubia*. При этом, как свидетельствует критический аппарат в издании Г. Тило, только одна рукопись с комментарием Сервия демонстрирует вариант *Marruua*.

В рамках данной работы наибольший интерес представляет комментарий Сервия (Seru. Aen. VII 750). Текст комментария явно восходит как минимум к

¹⁴³ «Прибыл жрец из марсийского рода».

¹⁴⁴ «Но не сумел вылечить (*medicari*) рану от дарданского копья».

двум источникам и может быть разделен как минимум на две части (помечаются скобками <>):

Medea quando relictis Colchis Iasonem secuta est, dicitur ad Italiam peruenisse, et populos quosdam circa Fucinum ingentem lacum habitantes, <qui Marrubii appellabantur quasi circa mare habitantes, propter paludis magnitudinem>, docuit remedia contra serpentes <quamquam alii Marrubios a rege dictos uelint>. hi ergo populi Medeam Angitiam nominaverunt ab eo quod eius carminibus serpentes angerent. <ab his nunc Vmbronem uenisse dicit, non regem, sed ducem. sunt autem isti Marsorum populi>¹⁴⁵.

В качестве аргумента можно предложить указание на использование слова *palus* в одной части, и *lacus* – в другой (в разбираемом тексте выделены подчеркиванием).

Важно отметить и то, что в одном из реконструированных исходных фрагментов речь идет о происхождении слова *Angitia* (а не, например, *Medea*). Пребывание Медеи в Италии упоминается в контексте этимологии «*Angitia ab eo quod eius carminibus serpentes angerent*».

На то, что во втором фрагменте речь шла именно об этнониме *Marrubii*, указывает глагол *appellabantur* и отсылка к этимологии «*quasi circa mare habitantes*».

Этимологические источники Сервия можно реконструировать так:

1) Medea quando relictis Colchis Iasonem secuta est, dicitur ad Italiam peruenisse, et populos quosdam circa Fucinum ingentem lacum habitantes, docuit

¹⁴⁵ перевод текста-источника в реконструированном виде дается ниже.

remedia contra serpentes. hi ergo populi Medeam Angitiam nominauerunt ab eo quod eius carminibus serpentes angerent¹⁴⁶.

2) Marrubii appellabantur quasi circa mare habitantes, propter paludis magnitudinem, quamquam alii Marrubios a rege dictos uelint. ab his nunc Vmbronem uenisse dicit, non regem, sed ducem. sunt autem isti Marsorum populi¹⁴⁷.

Следует отметить, что не-латинские названия часто подвергались у грамматиков этимологизации с опорой на латинские производящие слова (ср. Varr. l.L. V 102-104).

Невозможно с точностью установить, восходят ли оба суждения в комментарии Сервия к сочинению Веррия Флакка или к сочинению Варрона. К сожалению, в эпитоме Феста часть, содержащая слова на А-, не сохранилась, а среди слов на Ма- имеется большая лакуна в той части, куда могли бы входить слова с начальным Mar-.

Во-первых, это переключка Marrubia (или Marruua) в первой строке и Marsis quaesitae montibus herbae в конце отрывка. Вероятнее всего, здесь обыгрывается омонимия (не получившая подробного рассмотрения у Дж. О'Хары) названия итальянского города Маррувий и растения, по-русски именуемого шандра.

«Marsis quaesitae montibus herbae» при этом должно намекать именно на это растение еще и потому, что шандра применяется в том числе при лечении ран, то есть как раз в той ситуации, в которой Умброну эти «травы с марсийских гор» помочь не успели. Форма с согласным b может отражать итальянский вариант развития исходного *g^w, который в латинском языке отразился как /ц/.

Впрочем, существует мнение, что *quaesitae herbae* – не pluralis poeticus, и в действительности имелись в виду именно разные виды трав. Это мнение в целом поддерживает Н. Хорсфолл, приводя ссылки на места из «Естественной истории» Плиния, где встречаются упоминания трав, использовавшихся в качестве

¹⁴⁶ «Медее, когда последовала за Ясоном, оставив Колхиду, говорят, прибыла в Италию и народы, жившие вокруг огромного Фуцинского озера, обучила средствам против змей. Так эти народы называли Медеею Angitia, потому что ее заклинаниями они angerent (душили) змей».

¹⁴⁷ «Marrubii называются те, кто живет как бы вокруг моря (mare), из-за величины озера, хотя другие предпочитают, что маррубии названы так по имени их царя. От них теперь явился Умброн, как говорит поэт, не гех, а дух; а сами маррубии – один из марсийских народов».

противоядия от змеиных укусов [Harsfall 2000, С. 493]. Список этих трав попытался составить Фабио Сток [Stok 1988, С. 136].

Однако трудно отрицать возможность переключки *Marrubia de gente* с *Marsis de montibus*, то есть привлекательно видеть в *Marrubia*, поставленном в начале, *pars pro toto*, и предполагать, что *Marrubii* в действительности упоминаются для указания на *Marsi*, а *herbae* могут вновь отсылать к *Marrubii*.

Во-вторых, Вергилий как будто сознательно избегает слова *serpentes*, прибегая к формулировке *uipereo generi et grauiter spirantibus hydriis*, на что Сервий отзывается комментарием, поясняющим, что речь идет о водоплавающих змеях и о змеях, обитающих на суше (*Seru. Aen. VII 753*).

О видах змей, которых заклинал Умброн, подробно рассуждал В. Фаулер [Fowler 1918, С. 75-76]. Н. Хорсфолл обращал внимание на места из Галена, где марсы представлены в качестве заклинателей змей, а также указывает на достаточно раннее, задолго до Вергилия, проникновение темы марсов-заклинателей в римскую поэзию [Harsfall 2000, С. 490].

Лат. *serpens* обычно упоминается авторами рядом с сюжетом о разрушении вольского города Амиклы (*Plin. nat. hist. III 59, 5*). Этторе Паи предложил видеть в разрушителях Амикл племя осков, а не змей, опираясь на сходство Ὀφικοί и ὄφις (ср. *Steph. Byz. Ethn. 494, 7*; *Herodian. Orth. III 560, 21 L*; *Seru. Aen. VII 730*) [Païs 1907, С. 5-6]. Любопытно, что племя марсов античные авторы, наоборот, наделяли особым умением общаться со змеями (или осками).

В комментарии Сервия приводится версия о Мее, прибывшей в Италию. При этом XIV книга «Метаморфоз» Овидия повествует о том, как Цирцея прибыла в Италию в поисках трав (*Ouid. met. XIV 346-348*).

Можно предполагать, что пребывание Цирцеи и Медеи в центральной Италии стало распространенным сюжетом, позволяющим грамматикам истолковать название *Angitia*. Имя *Angitia* сохранилось в оскских надписях, ср. *anagtiai* (*Ve. l40*) [Pisani 1953, С. 239; Untermann 2000, С. 96], которые также могли попадать в поле зрения грамматиков.

3.5. *Medea, meddix и medicus*

В отрывке, посвященном Умбруну, глагол *medicari* привлекает внимание читателя еще и потому, что стоит в середине стиха, а также на расстоянии четырех строк от конца эпизода и на расстоянии шести строк – от начала.

Попытка увидеть ровно посередине текста эпизода элемент фигурного стиха дает следующий результат: прямо над словом *medicari*, на расстоянии пяти строк от начала, находится слово *morsus*, а над *morsus* находим *cantu*. В стихах 754-756, таким образом, располагается «*cantu morsus medicari*», которую можно принять за некую *ars* (греч. τέχνη).

Если *medicari* следовало воспринимать как указание на слово, которое могло бы обозначать статус Умброна в племени марсов, завуалированный у Вергилия с помощью понятного *sacerdos*. Благодаря корню *med-* это слово, на основании созвучия, могло связываться и с *medicari*, и с *Medea*, и при этом иметь не вполне понятное для носителя латинского языка, лучше всего – итальянское происхождение.

Таким словом могло быть *meddix*, обозначение одной из должностей у итальянцев. Это слово один раз встречается в «Анналах» Энния: «*summus ibi capitur meddix*» и дважды – с эпитетом *tuticus* – у Тита Ливия: «Марий Алфий, *medix tuticus* – такова высшая должность у кампанцев» (Liv. XXIII 35, 13), «Стаций Меций, который в тот год был *medix tuticus*» (ibid. XXIV 19, 2), «*medix tuticus*, высшая должность у кампанцев» (ibid. XXVI 6, 13).

Важно отметить наличие варианта с одним *d*, засвидетельствованное у Тита Ливия. По всей видимости, именно в написании *medix*, оправданному, вероятно, так называемым «правилом *littera*», это слово могло встречаться у грамматиков и антикваров, которые послужили источником для Вергилия. Комментариями грамматиков к этому слову мы практически не располагаем, за исключением

одного фрагмента из Феста: *Sufes dict<us> Poenorum ma>gistratus, ut Oscan<um> meddix tuticus*¹⁴⁸ (Paul. ex Fest. p. 123 M).

При этом само слово достаточно часто встречается в надписях на италийских языках, в частности, на пелигнском: *medix* (Ve. 212), но главным образом – на оскском языке, причем в различных падежных формах: *meddiss* для Nom. Sg., *medikeís* для Gen. Sg., *medikeí* для Dat. Sg., *medikid* для Abl. Sg., и т.д.

Коль скоро тексты грамматиков не сохранили никаких античных этимологий для *medix*, можно предположить, что «*cantu morsus medicari*» у Вергилия отсылает к именно этимологии, не дошедшей до нас, но принятой среди грамматиков в эпоху Августа. Глагол *medicari* как будто отсылает к сопоставлению «*medix quasi medicus*».

Если учесть, что античные грамматики были осведомлены о современном для них значении этого слова у италийцев, можно предполагать, что связь *mēdix* и *medicus* относилась к некоторому мифологическому прошлому, где фигурировала и *Mēdea*, – слово, которое можно принять за производное женского рода от того же корня и которое оказалось также довольно удачно привязано к другой италийской реалии, обозначаемой словом *Angitia*.

В качестве же атрибуции на данном этапе можно разве что зачислить этимологию для слова *medix*, получившую такую интерпретацию у Вергилия, в разряд принадлежащих Элию Стилону, если по аналогии с примерами типа «*uolpes, ut Aelius dicebat, quod uolat pedibus*»¹⁴⁹ (Varr. L.L. V 101) выводить «*medix, quod medicatur*» или «*medix, quod medetur*»¹⁵⁰.

Некоторые сомнения вызывает разница в просодии *medicus* с одной стороны и *Mēdea* и *mēdix* с другой, коль скоро в *medicus* содержится краткий *e*. Проблема чередования долгот и краткостей в производных и производящих словах подробно рассматривалась, например, в связи с поиском этимологий Дж. О'Харой [Wills 1997].

¹⁴⁸ «*Sufes* – государственная должность у пунийцев, как у осков – *meddix tuticus*».

¹⁴⁹ «*Лиса* (*uolpes*), как говорит Элий Стилон, потому что *uolat* (мчится) *pedibus* (ногами)».

¹⁵⁰ «*medix* – потому что лечит (*medicatur, medetur*)».

Античные грамматики допускали при описании фонетических изменений слова даже тембральные чередования, ср. «Praeneste ἀπὸ τῶν πρίνων», из чего можно делать вывод, что чередования по долготе также были вполне допустимы.

Возможно и более тонкое объяснение, учитывающее сходство тембра латинского краткого гласного /ĕ/, имевшего более открытый характер по сравнению с долгим /ē/, и греческого долгого /ē/, отраженного в виде η слове Μήδεια.

3.6. *Praeneste, nuces Praenestini и iuglandes*

История Цекула из «Каталога» подробно пересказывается в комментарии Сервия (Serv. Aen. VII 678). В мифологическом разделе комментария сообщается, что Цекул родился от Вулкана и девицы.

В этимологической части обсуждается происхождение топонима *Praeneste*: «Пренесте – место недалеко от Рима, названное ἀπὸ τῶν πρίνων, то есть от дубов, которые находятся там в изобилии». Упоминается и другая этимология, приписанная Катону: «из-за того, что это место «montibus praestet», появилось название Пренесте» (ibid. 682). Эту этимологию подробно комментировал Дж. О’Хара [O’Hara 1996, С. 42].

Есть основания предполагать, что Вергилий оставил в тексте «Каталога» отсылку к этимологии «Praeneste... ἀπὸ τῶν πρίνων, id est ab ilicibus»¹⁵¹. В начале рассматриваемого фрагмента упоминается сам город *Praeneste*, а во второй половине – характерный образ «pars maxima glandes liuentis plumbi spargit»¹⁵² (Verg. Aen. VII 686-687).

Из-за внешнего сходства снаряд для пращи называется *glans* ‘желудь’. Следовательно, город, изобилующий дубами, отправил на сражение пращников, которые «мечут желуди».

¹⁵¹ «Пренесте – от греческого названия дубов».

¹⁵² «Большая часть бросает желуди из иссиня-черного свинца».

Интересно, что прашники идут, надев сапог только на одну ногу (ibid. 689-690). Можно считать, что внешнее сходство человека, идущего в одном сапоге, с хромым Вулканом – отдельный намек на миф о рождении Цекула.

Летающие снаряды из пращей можно сравнить с молниями. Кузнец Юпитера – упомянутый Вулкан, а дуб, с которого падают *glandes* ‘желуди’, как известно, является деревом Юпитера. Это сравнение интересно и с точки зрения этимологии лат. *iuglandes* ‘грецкие орехи’. Слово *iuglans* возводится к *Iouis glans*, дословно – ‘желудь Юпитера’.

Вергилию, вне сомнения, еще известно было древнее название грецких орехов *nuces Praenestini*, ср. у Феста: «Nucu<las Praenestinos antiqui appellabant,> quod inclusi a <Poenis Casilini famem nucibus sustenta>uerunt: uel quod in e<orum regione plurima nux minu>ta nascitur»¹⁵³ (Fest. 173, 38 M).

§4. Итальяские примеры в этимологиях названий стихотворных стоп и размеров

4.1. К проблеме итальяских названий для метрических единиц

Для каждого названия метра, или стихотворной стопы, грамматики часто указывают латинское название, включающее в себя слово *pes* ‘стопа’ или *uersus* ‘стих’. Р. Молтби учитывает, помимо античных этимологий, простое толкование семантики *uersus*: «linea scripturae, praecipue de carmine». Этимологии, представленные у Сервия, Исидора Севильского и в других источниках сходны по содержанию и возводят *uersus* к глаголам *uerro* и *uerto* [Maultby 1991, С. 638].

Интересно, что такие этимологии *uersus* опираются именно на сельскохозяйственную метафору, а для итальяских территорий, как сообщает Фронтин, было характерно использование слова *uorsus* вместо лат. *iugerum* (Front. lim. 13, 16).

¹⁵³ «Древние называли грецкие орехи «пренестинскими орешками», потому что жители Казилина, окруженные пунийцами, уголяли голод орехами; или из-за того, что на их территории по большей части растут мелкие орехи».

Есть основания видеть в форме *uorsus* итальяскую глоссу, которая могла использоваться и для названия собственно стиха, как, например, в одном из фрагментов Энния: «scripsere alii rem / uorsibus quos olim Faunei uatesque canebant»¹⁵⁴ (Enn. ann. VII, 206-207 Sk).

Единственным текстом, сохранившим итальяские названия для стихотворных стоп, является сочинение грамматика Диомеда, датируемое второй половиной IV в. н.э. и явно заимствующее учение о происхождении стоп из какого-то более раннего источника или, вернее, нескольких источников.

Как писал Р. Кастер, «Диомед создал мозаику из выписок, в которой стыки между деталями остаются видимыми, а части при этом куски объединяются в целостную картину»¹⁵⁵ [Kaster 1997, С. 148].

Следующие названия стоп могут быть реконструированы по свидетельствам Диомеда:

- 1) Pes Pontificius;
- 2) Pes Inuius (?);
- 3) Pes Daunius, или Gradalis;
- 4) Pes Rutilus (?).

Среди этих названий только два имеют атрибуцию к какому-либо итальяскому языку для приводимой глоссы, данную самим Диомедом: *Rutilus* и *Daunius*. Глосса *Rutilus* отсылает к аврункам: «Aurunci... nuncupauerunt», глосса *Daunius* – к апулийцам. Глосса *Pontificius* связывается с Нумой Помпилием и гимном Салиев. Далее приводятся соответствующие контексты.

4.2. Этимология итальяских названий для спондея и пиррихия

¹⁵⁴ «Другие излагали историю теми стихами, которые некогда сочиняли Фавны и пророки».

¹⁵⁵ «Диомед создал из своих выписок мозаику, в которой места соединения отдельных кусков остаются заметны, в то время как эти куски образуют единую картину».

1) Упомянутый *Pes Pontificius*, итальяское название спондея, наиболее определенно охарактеризован с точки зрения происхождения названия: «Numam Pompilium diuina re praeditum hunc pedem pontificium appellasse memorant»¹⁵⁶ (Dion. I 476 K). Далее Диомед упоминает метрику гимна Салиев, излюбленного предмета изысканий еще для Варрона.

2) Рассуждая об этимологии названия пиррихия («pyrricham a Pyrrho repertam»), Диомед называет божество по имени *Inuus*: «apud Italos uero eius gradus... et Bellonae, id est Ἐνυοῦς, filio, quem caprino pede Inuum poetae fingunt quod summa montium et difficilia collium concitato cursu caprae more superaret, quotiens praedatoria uice grassaretur, citipodem hunc cursum sibi repperisse testificantur. quo nomine bibreuem pedem nuncupant»¹⁵⁷ (ibid.).

Трудность для интерпретаторов представляет здесь, собственно, упоминание стопы из двух кратких слогов: «quo nomine bibreuem pedem nuncupant». Судя по всему, нет особых оснований считать, что *bibreuis* – это итальяское название пиррихия. Скорее всего, как указывал А.Е. Кузнецов, это – характеристика стопы. Хотя текст испорчен, не исключено, что фраза «quo nomine bibreuem pedem nuncupant» изначально не содержала никакого нового названия. Кузнецов предлагает видеть здесь лакуну: «по его (Инуа) имени двукратную стопу называют ***» [Кузнецов 2006, С. 330]. Однако в этом нет особой необходимости: стопа могла называться непосредственно *Inuus*, на что указывает то, что ямбическая стопа, названная по имени Давния, именовалась *Daunius*.

4.3. Этимология итальяских названий для ямба и трохея

3) Словосочетание *Versus* (или *Pes*) *Daunius* может быть восстановлено из контекста: «hunc pedem uel iambicum gressum prisci Apuli Daunium a duce suo

¹⁵⁶ «Есть предание, что эту стопу Нума Помпилий, выдающийся благодаря божественности, назвал *Pontificius*».

¹⁵⁷ «А у итальяцев его поступь... и сыну Беллоны, то есть Энью, которого поэты изображают козлоногим Инуем, потому что он стремительным движением, словно козел, всякий раз, как подвергается нападению, преодолевал горные вершины и труднопроходимые холмы, и утверждают, что им известен этот бег быстрых ног. И этим именем они называют стопу из двух кратких слогов».

Daunio prodiderunt»¹⁵⁸ (ibid. 477 K). Далее Диомед приводит и другое название, *Gradalis*: «*melum hunc iambicum Gradalem quidam nuncupant Gradiuoque Marti augurant*»¹⁵⁹ (ibid.). Неясно, были ли в действительности об этих названиях характеристиками стопы, или *melos* указывает на какую-то комбинацию ямбических стоп; в этом случае *Gradalis* оказывается итальянским названием для некоторого стихотворного размера.

4) Наименее понятный контекст посвящен итальянскому названию трохея: «*aiunt hunc trochaeum Auruncos Rutilum nuncupauisse*»¹⁶⁰. Аналогия с другими названиями стоп подсказывает, что *Rutilum* – форма Acc. sg. от слова мужского рода, видимо, *Rutilus*.

4.4. Проблема «аврунского языка» и сатурнов стих

Отсылка к аврункам требует отдельного комментария. Нигде, кроме как в этом контексте из грамматики Диомеда, упоминаний «аврунского языка» нет. Поэтому «*Auruncos... nuncupauisse*» может быть истолковано не только и не столько как «в языке аврунков», отличном от латинского, но и собственно как «аврунки называли», подразумевающее, что они говорили по-латински.

Об отождествлении грамматиками авзонийцев и аврунков свидетельствует, например, эпитома Павла Диакона из Феста (Paul. Fest. p. 18). Племя аврунков, населявшее территории к югу от Лация, упоминается в «Георгиках» Вергилия под именем авзонийцев, причем в связи со стихами (Verg. georg. II 385-386).

Известен комментарий Сервия к этому месту: «*'uersibus incomptis ludunt', id est carminibus Saturnio metro compositis, quod ad rhythmum solum uulgares componere consuerunt...*»¹⁶¹ (Seru. georg. II 385). Этот фрагмент не раз обсуждался исследователями.

¹⁵⁸ «Эту стопу, то есть ямбический шаг, древние апулийцы называли *Daunius* в честь своего предводителя Давния».

¹⁵⁹ «Этот ямбический размер некоторые называют *Gradalis* и посвящают Марсу Градиву».

¹⁶⁰ «Говорят, что этот трохей аврунки называли *Rutilus*».

¹⁶¹ «Они выступают с «непричесанными» стихами, то есть со стихами, написанными сатурновым метром, которым сочиняют стихи только простолюдины».

О значении слова *rhythmus* у Сервия рассуждал Л. Аве, опровергая распространенное мнение, что речь идет об ударе [Havet 1880, С. 358]. О. Тодд делает обзор свидетельств, раскрывающий, что понималось грамматиками в разное время под названием *Versus Saturnius* [Todd 1940, С. 135-136].

Часть этих свидетельств наглядно демонстрирует стремление грамматиков описать *Versus Saturnius* как комбинацию некоторых стоп, чаще всего – ямбических. Сам Диомед утверждал, что этот стих представляет собой *senarius hypercatalectus*, то есть ямбический сенарий, к которому прибавлен один слог: «*Saturnium in honorem dei Naeuius inuenit addita una syllaba ad iambicum uersum*»¹⁶² (Diom. I 512 K). Другое упоминание у того же Диомеда выглядит так: «*palinbacchius, Latius, qui et Saturnius*» (ibid. 479 K).

Если взять за основу утверждение, что *Saturnius* был, по мнению грамматиков, излюбленным стихом у авзонийцев и, уже позднее, аврунков, далее в комментарии нуждаются другие итальяйские названия размеров, особенно с точки зрения их предполагаемого происхождения.

4.5. Эпонимическая теория происхождения итальяйских названий стоп

Обращает на себя внимание тот факт, что названия *Daunius* и *Inius* имеют определенную связь с племенем рутулов, соседей аврунков. Турн, легендарный предводитель рутулов, у Вергилия, а вслед за ним и у Сервия, называется сыном Давна (Verg. Aen. XII 723-724).

Таким образом, в данном случае *Daunius* – не вождь апулийцев, который обычно зовется *Daunus*, а его сын, ставший вождем. Недаром в начале XII песни «Энеиды» царь Латин, обращаясь к Турну, говорит: «*sunt tibi regna patris Dauni*»¹⁶³ (ibid. 12). Имя *Daunus* и его связь с *Faunus* обсуждалась Дж. Нуненом, он же приводит полный список упоминаний Давна [Noonan 1993, С. 111].

¹⁶² «Стих *Saturnius* в честь божества изобрел Невий, добавив один слог к ямбическому стиху».

¹⁶³ «Для тебя – царства отца Давна».

Едва ли можно точно установить, в какой момент возникло смешение имен *Daunius* и *Daunus*. Неоднократно обсуждался исследователями и тот факт, что сам Давн переносится в Ардею только у Вергилия, тогда как, например, у Горация Давн – исключительно вождь апулийцев. Л. Голланд указывает и на тот факт, что в поэме Вергилия Давн перемещается из Апулии в Ардею так же, как Мессап – из Мессапии к фалискам [Holland 1935, С. 202].

Если предположить, что Вергилий сделал это не случайно и, более того, заимствовал историю переселения Давна и его племени в Ардею из более раннего источника, а также учесть более далекую генеалогию Турна, которую предлагает Вергилий, контекст из грамматики Диомеда может быть истолкован достаточно просто. Как утверждает Амата, жена царя Латина, Турн может быть претендентом на роль жениха Лавинии в той же степени, что и Эней, потому что его род происходит из Микен (Verg. Aen. VII 371-372).

Таким образом, *prima domus* Турна, а значит, и его отца Давна, находится в Микенах, то есть в Греции. Примерно понятен и путь, по которому будущие предводители рутулов, позже названных *Daunia gens*, прибыли в Ардею, оказавшись в результате соседями авзонийцев, а позже – аврунков: сперва они попали в Апулию, потом отправились на северо-запад.

Картина, изображенная Вергилием в «Энеиде», застает выходцев из Микен хозяевами древней Ардеи, последний из которых – *Daunius*, погибший в споре за невесту и, таким образом, не успевший продолжить род по мужской линии (помимо самого Турна, в «Энеиде» упоминается только его сестра Ютурна, называемая также *Daunia*).

Возможно, греческое происхождение предводителя рутулов по имени *Daunius*, которое использовал Вергилий, было удобно и для автора теории возникновения ямба на территории Италии. В этом случае контекст из Диомеда «*prisci Apuli Daunium a duce suo Daunio prodiderunt*» отражает ту часть путешествия легендарных выходцев из Микен, когда и ямб, как будто бы вместе с ними, впервые попал на территорию Италии.

В дальнейшем, в результате переселения Давна на северо-запад, вместе с его спутниками попал на приграничную для Лация территорию и ямб. В любом случае, как видно из контекста, ни Давн, ни Давний как *изобретатели* ямба не называются, следовательно, ничто не указывает на теорию итальянского происхождения этой стопы.

Более темное место, касающееся итальянского названия пиррихия, тоже имеет связь с историей рутулов, а значит, в более далекой перспективе может отсылать и к греческому происхождению этой стопы, если, опираясь на генеалогические изыскания, след которых остается в «Энеиде», считать, что все рутулийское могло мыслиться как привитое на итальянскую почву греческое. *Inuus* упоминается Вергилием в связи с рутулийской крепостью неподалеку от Ардеи, названной *Castrum Inui* (Verg. Aen. VI 775).

Сервий называет Пана в числе прототипов Инуя: «*Inuus autem Latine appellatur, Graece Πάν*»¹⁶⁴ (Seru. Aen. VI 775). Как и *Daunus* и *Faunus*, *Inuus*, на основании свидетельства Тита Ливия (Liv. u.c. I 5, 2), часто рассматривается комментаторами с точки зрения его связи с Луперкалиями [Wiseman 1995, С. 10].

Вопрос о том, насколько грамматик, рассуждавший об итальянских названиях стихотворных стоп, связывал их происхождение с Луперкалиями, заслуживает отдельного и подробного обсуждения. Можно указать в связи с этим на упоминание Нумы Помпилия, легендарного создателя названия *Pontificius* и первого сабинского царя в Риме.

4.6. Был ли «рутулийский стих»?

Происхождение названия *Rutilus* становится понятным, если рассматривать его в том же ряду, что и другие итальянские названия стихотворных стоп. Если все они так или иначе связаны с рутулами, можно предположить, что загадочная и единственная в своем роде «гlossа из языка аврунков» *Rutilus* – латинское название стихотворной стопы.

¹⁶⁴ «А Инуус называется по-латински тот, кто по-гречески – Пан».

Это название аврунки-авзонийцы, согласно грамматике, послужившему источником для Диомеда, дали разновидности стиха, которую сами изначально не использовали, но переняли от своих соседей рутулов. Авзонийцы же, как уже было сказано, по мнению ряда античных грамматиков, пользовались стихом под названием *Saturnius*.

Можно также предполагать порчу текста и видеть в *Rutilus* испорченное *Rutulus*. Долгота звука *i* в этом слове нам неизвестна. Более нигде *Rutilus* как название стопы не встречается, а его связь с омонимичным латинским обозначением цвета *rutilus* и производным от него именем *Rutilus*, очевидная благодаря созвучию, никак не комментируется грамматиком. Этимология, предложенная в тексте Диомеда, характерна своей неполнотой, в ней отсутствует вспомогательное слово, связывающее производное слово с производящим: «*aiunt hunc trochaeum Auruncos Rutilum nuncupauisse, nimirum simili ratione qua Graeci a rota inuitati*»¹⁶⁵.

Полная словарная статья, которая могла бы послужить основой для такого рассуждения, предполагала бы восстановление вспомогательного слова: «*Rutilum quasi Rotilum a rota*», или даже «*Rutulum quasi Rotulum a rota*». Стоит заметить, что античная этимология для этнонима *Rutuli* тоже не дошла до нас в сколько-нибудь ясном виде. Сохранились лишь сопоставления, которые грамматик проводил между именами *Rufulus* и *Rutilius*, однако соответствующая статья у Феста сильно повреждена.

Определенную трудность представляет установление источника италийских названий стоп в грамматике Диомеда. По всей видимости, сохранившийся текст содержит достаточно пеструю компиляцию из нескольких источников.

В частности, рассуждение о стопе *Rutilus* выглядит загадочным и сбивает с толку именно потому, что содержит, с одной стороны, отсылку к аврункам, которую часто принимают за глоссу из их языка, а с другой, пространное

¹⁶⁵ «Говорят, что этот трохей аврунки называли *Rutilus*, без сомнения, так же, как греки, производя это названия от слова *rota* 'колесо'».

рассуждение об этимологии слова *Rutilus*, которое связывается с лат. *rota* ‘колесо’.

Сам факт появления этимологии, возводящей название стопы к имени нарицательному, выглядит неожиданно: рассуждения о словах *Daunius*, *Inuus* и *Pontificius* совершенно не касаются этимологий, но ссылаются, и то не везде, на эпоним.

Вероятнее всего, к одному источнику восходят рассуждения о стопах *Daunius* и *Rutilus* в той части, где речь идет о племенах, у которых и были заимствованы эти названия. Рассуждение о колесе, а также не имеющее аналогов указание на то, что при образовании названия *Rutilus* была использована калька с греческого названия трохея, может быть вторично по отношению к теории итальянских названий стоп как таковых. Возможно, Диомед заимствовал его из грамматического сочинения, в котором содержались уточнения и опровержения к первоначальному учению об итальянских стопах.

Если верно предположение о том, что Вергилий и Сервий имели в виду те же генеалогические изыскания, на которые опирался автор теории итальянских названий для стоп, то и предполагаемые источники Диомеда можно сопоставлять с источниками Сервия. Вероятно, наиболее древний, «эпонимический» пласт теории итальянских названий для стихотворных стоп мог принадлежать Варрону или его предшественникам, например, Элию Стилону. Основным источником цитат для более поздних грамматиков был при этом именно текст Варрона.

4.7. Фалискский стих

Интересно, что об итальянских названиях стихотворных размеров и стоп Сервий подробно рассуждает в двух известных местах: о названии *Saturnius* в комментариях к «Георгикам» Вергилия и о названии *Versus Faliscus* в сочинении «De centrum metris».

5) Название *Versus Faliscus* по отношению к стихотворному размеру упоминается грамматиками достаточно часто. Метрическая структура этого размера описана у Сервия и Автония (Seru. cent. metr. 34, 5; Aphth. 122, 12; 123, 8 К), а Теренциан Мавр даже приводит его образец: (Maur. metr. 1816-1831 К). В тексте Автония изобретение названия *Faliscus* приписывается поэту Анниану. У Авла Геллия засвидетельствованы скудные биографические свидетельства об Анниане (Gell. VI 7, 1). По всей видимости, он жил в эпоху первых Антонинов, и именно тогда в поэзии укрепились мода на «италийские» стихи.

4.8. Реммий Палемон как автор «италийских» метрических теорий

Опираясь на косвенные свидетельства Светония, можно предполагать, что непосредственными предшественником метриков эпохи Антонинов был Реммий Палемон. Как сообщает Светоний, Палемон «scripsit uero uariis nec uulgaribus metris»¹⁶⁶ (Suet. gramm. 23, 4).

Формулировка «nec uulgaribus metris» созвучна с характеристикой, которую Сервий присваивал стиху под названием *Saturnius*, которым, предположительно, пользовались авзонийцы: «solum uulgares componere consuerunt...» (Seru. georg. II 385).

Если сочетание *uulgaribus metris* относится к *Saturnius*, то *uariis nec uulgaribus*, вероятно, отсылало к экспериментам с мелическими размерами и стихотворными стопами, ориентированными на греческие образцы.

Интерес Реммия Палемона к творчеству Вергилия, отмеченный Светонием, а также его полемика с Варроном (Suet. gramm. 23, 4, 2) может быть истолкован в пользу того, что Палемон не просто был знаком с теорией происхождения италийских названий для стихотворных стоп, сохранившейся позднее лишь у Диомеда, но и сам теоретизировал на эту тему, дополняя Варрона или не соглашаясь с ним.

¹⁶⁶ «Писал разнообразными и не простонародными метрами».

В этом случае источником рассуждения о греческой кальке в названии *Rutilus* можно считать именно текст Реммия Палемона, который, возможно, даже Диомеду был известен уже только в виде сокращения или пересказа.

§5. Вывод: карты итальянских ассоциаций на основании данных грамматиков

На материале, подробно разбиравшемся в Главе 4 нашей работы, можно построить своеобразные карты итальянских ассоциаций, предлагаемых римскими грамматиками.

Все ассоциации, использованные античными этимологами при объяснении итальянских названий, делятся на пять групп:

1) Нравы племен (см. Рисунок 4).

К числу названий, этимологизированных грамматиками по обозначениям особенностей поведения племени, относятся топонимы *Ardea* (от *arduus* ‘трудный, тяжелый’) и *nemus Angitia* (от *angere* ‘душить’ в связи со змеями). Кроме того, этнонимы *Sabini* (от греческого глагола, переводящегося лат. *colere* ‘почитать’ в случае с богами), *Aequiculi* (*aequus* ‘спокойный’) и *Opici* (ср. лат. *opici* в смысле ‘невежды, не говорящие на греческом языке’).

2) Животные (см. Рисунок 5).

Alba Longa (ассоциировалось с белой (*alba*) свиньей, которую увидели спутники Энея), *nemus Angitia* (*anguis* ‘змея’), *Hirpi* (возводилось к сабинскому слову, обозначавшему ‘волки’), *Opici* (с привязкой к греческому слову, означавшему ‘змеи’).

3) Характер местности (см. Рисунок 6).

Praeneste (из-за того, что высоко стоит (*praestet*) в горах), *Hernici* (от сабинского слова *hernae*, означающего ‘скалы, горы’; т.е. *Hernici* букв. ‘горцы’), *Marruuium* (от слова *mare* ‘море’, как бы живущие вокруг моря, т.е. Фуцинского озера).

4) Орудия (см. Рисунок 7).

Cures (от сабинского слова, означающего ‘копья’), *Rutuli* (античная этимология этнонима выводится по косвенному свидетельству из Диомеда; возможно, связывалось с лат. *rota* ‘колесо’).

5) Растения (см. Рисунок 8).

В этой группе представлены названия, которые сами грамматики относили то к производным, то к производящим. Речь идет о растениях. Иногда предполагалось, что растения получили названия по племенам, населяющим территорию их произрастания, иногда наоборот.

herba Sabina ‘можжевельник’, букв. ‘сабинская трава’, *herba Falisca* трава не установленного вида, произраставшая на территории фалисков, идущая на корм лучших жертвенных коров, на что не раз указывал Овидий, *Marruuium* ‘шандра’, растение из семейства Яснотковых, применявшееся, в частности, для лечения, *nuces Praenestini* ‘грецкие орехи’, *Abella (nuces Abellani)* ‘фундук’. Кроме того, понятная и в классическую эпоху этимология *Laurentum* от *laurus* ‘лавр’.

В некоторых случаях античные этимологии расходятся с современными. Как указывал А.И. Солопов, «поразительно, но в латинской части, судя по атласу

Тальберта, нет не только производных от *suber* ‘пробковый дуб’, но и производных от основных фитонимов *quercus* и *robur*»¹⁶⁷.

В связи с этим особый интерес представляют названия, производные, по мнению римских грамматиков, от названий дуба: *Querquetulum* (от *quercus* ‘дуб’) и *Praeneste* (от греч. πρῖνος ‘каменный дуб’).

¹⁶⁷ Солопов А.И. Фитотопонимы в греко-римской географической номенклатуре // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. СПб. 2006. № 10. С. 265-266.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках диссертационного исследования были отобраны и проанализированы контексты из сочинений римских грамматиков, содержащие примеры из итальянских языков и атрибуции, указывающие на племя или жителей одного из городов, которые являются носителями языка, ставшего источником примера.

На первом этапе работы была предпринята попытка собрать все примеры, имеющие итальянские атрибуции. Подобную задачу уже пытались решать такие филологи как Р. Конвей и Э. Феттер, что нашло отражение в их компендиях по итальянским языкам.

Однако исследователи итальянских языков обычно игнорировали атрибуции, которые, по их мнению, относили пример не к числу итальянских, а к числу латинских.

Позиционирование итальянского как «не-латинского», хотя и оправданное в случае с материалом надписей и современными классификациями языков, тем не менее, нуждалось в более детальном обсуждении, когда речь заходит о мировоззрении римских грамматиков.

Именно поэтому для анализа были собраны не только примеры, где содержалось указание на какое-либо итальянское племя, но и примеры, отсылающие к «древним» (*antiqui*, *ueteres* и т.п.), нередко содержащие не меньше лингвистических особенностей, чем примеры «не-латинские».

Стадия сбора материала, предваряющее основное исследование, предполагала работу с электронными корпусами текстов PHI-5, CGL, TLG и Cetedoc, а также использование механизмов поиска, которыми снабжены указанные корпуса, в частности, программой Diogenes.

Во-первых, был осуществлен подбор примеров, имеющих атрибуции, собранные предыдущими исследователями, в частности, Р. Конвеем и Ф. Бивилем. Поиск контекстов велся на основании составленных ими списков.

Во-вторых, на основании контекстов, когда один и тот же итальянский пример имел разные атрибуции у разных грамматиков, как, например, атрибуция *Falisci* заменялась на *antiqui*, был произведен подбор контекстов, содержащих спорные или неясные атрибуции.

На втором этапе производился анализ терминологии античных грамматиков с целью выявить значения, которые свойственны терминам, употребляемым грамматиками именно в связи с итальяскими примерами. Подобный анализ позволил уточнить характер употребления ряда терминов, недостаточно подробно рассмотренных в словаре С. Шад.

Кроме того, при анализе формул ввода примеров, иначе говоря, повторяющихся конструкций, сопровождающих появление итальянского примера у разных грамматиков, было установлено, что подобные примеры используются грамматиками в двух случаях:

- 1) как примеры чуждой латинскому языку фонетики;
- 2) как редкие слова, вовлеченные в этимологические построения.

С учетом жанровых и композиционных особенностей текстов, в которых упоминаются итальянские примеры, дальнейший анализ разделился на две части.

Первая часть касалась тех случаев, когда итальянские примеры привлекались грамматиками при обсуждении орфографических ошибок, становясь, тем самым, материалом для школьных упражнений по орфографии.

Вторая часть целиком посвящена месту понятия итальянского в учении римских грамматиков об этимологиях, совершенно не учтенному Р. Молтби при разработке моделей словарных статей в его словаре античных латинских терминологий.

Результаты работы с контекстами, направленной на выявление нюансов в значении грамматических терминов и построении формул, изложены в Главе 2 и дополнены материалом из Приложения.

Анализ контекстов позволил уточнить значение ряда терминов и выявить предпочтения разных грамматиков при выборе терминологической базы.

В частности, было установлено, что Варрон предпочитает использовать для ввода этимологий термины *dicere* и *appellare*, а термин *fingerere* использует для окказиональных случаев. Вообще глагол *fingerere* грамматики предпочитали, по-видимому, использовать для описания возникших в языке неологизмов.

Фест нередко использует для указания на факт появления слова в языке глаголы *uocare* и *ducere*, тогда как Варрон и следующий за ним Сервий предпочитают избегать эти глаголы. Любопытно также, что глагол *puncipare* в связи с итальянскими примерами используется только в тексте Диомеда.

Существительные и прилагательные, уточняющие их значение, рассматривались в виде семантических групп: термины, характеризующие пример как заимствование из чужого языка или диалекта; термины, указывающие на происхождение слова, термины, обозначающие языки и диалекты, а также их носителей, и т.д.

В числе прочего, обсуждался термин *glossae* и связанные с ним *glossema*, *glossula*, в результате чего было установлено, что римские грамматики для указания на редкие итальянские слова предпочитали латинскую кальку с уточняющим определением *lingua secretior*.

Интересные результаты были получены при анализе использования грамматикам формул ввода примеров. Были выделены в качестве отдельных групп: формулы ввода примеров; формулы цитирования и формулы ввода этимологий, или объяснительные формулы.

Было отмечено, что Фест избегает объяснительной формулы «*dici* (реже *dicere*) и придаточное предложение с *quod*», которую нередко использует Варрон. Однако в случае с другими глаголами Фест вполне свободно применяет формулы с придаточными предложениями.

Контексты, содержащие формулы ввода примеров без этимологии, в большинстве случаев отсылали к замечаниям авторов о правописании слов, и

именно эти контексты послужили основным материалом для Главы 3 диссертации.

Оценка степени сохранности школьных грамматических текстов, посвященных вопросам правописания, показала необходимость анализа композиции доступных сочинений, а также ряда филологических реконструкций, предшествующих интерпретациям и попыткам внесения конъектур.

Во-первых, были подобраны и представлены материалы для реконструкции орфографических построений Веррия Флакка, сгруппированные по темам. Таким образом было найдено практическое подкрепление предположению Г. Неттльшипа о возможности реконструкции орфографии Веррия.

Во-вторых, был проанализирован метод суждения грамматиков, который может быть восстановлен по отношению к примерам фонетических чередований в латинском языке и итальянских языках и диалектах.

На основании составления каталога обсуждаемых чередований были предложены варианты интерпретаций примеров из итальянских языков, которые могли быть первоначально привлечены грамматиками в контексте полемики о правописании, однако до нашего времени сохранились лишь в цитатах и цитатах по цитатам.

В результате анализа контекстов было установлено, что самой обсуждаемой темой у авторов сочинений об орфографии были чередования и правописание заднеязычных. Детальное сопоставление привлекаемых примеров позволило предложить конъектуру к гапаксу *tongitio*, позволяющую приравнять его к словообразовательному варианту латинского слова, наравне с другими фонетическими и словообразовательными вариантами латинских слов, о которых грамматики рассуждают в связи с языком жителей Пренесте.

Сравнение примеров чередования f/h, в свою очередь, помогает прояснить отношение грамматиков к материалу фаликского языка и выдвинуть гипотезу, что Варрон, говоря о фонетических вариантах латинских слов как о «сабинизмах», мог опираться на материал фаликского языка.

Наконец, Глава 4 настоящей работы была целиком посвящена итальяским примерам, привлекаемым грамматиками при этимологизации латинских слов. Жанровая специфика сочинений Варрона, Феста и Сервия повлекла необходимость рассматривать этимологии, содержащиеся в этих текстах, в рамках отдельных небольших исследований.

В связи с проблемой «пансабинизма» Варрона, на которую обращал внимание Ж. Коллар, была предпринята попытка анализа композиции этимологической части (глав V-VIII) сочинения Варрона «О латинском языке». Была составлена карта Рима по версии Варрона (см. Иллюстрацию 1), позволяющая видеть, что значительная часть топонимов получает этимологии, так или иначе связанные с сабинянами.

Кроме того, было составлено дополнение к словарю античных латинских этимологий Р. Молтби, представляющее собой указатель итальянских производящих слов, упоминаемых грамматиками, в рамках данного этапа исследования – Варрона и Феста.

При попытке классифицировать итальянские производящие слова, имеющие атрибуции к оскскому и сабинскому языку, по понятийно-тематическим признакам было установлено, что для Варрона латинские слова, опирающиеся на сабинские производящие основы, обычно связаны со сферой культа.

В то же время латинские слова, этимология которых возводится Варроном к оскскому языку, обычно связаны либо с римской комедией ателланой, имевшей, по мнению Элия Стилона, оскское происхождение, либо – со специальной сферой производства текстиля.

Несколько иная картина наблюдается в эпитоме Феста. Здесь не наблюдается столь четкого противопоставления сабинского и оскского по характеру предполагаемого грамматиками применения этих языков в разных сферах культуры. Вероятно, жесткое противопоставление сабинского и оскского было свойственно именно учению Варрона, но не его учителей. Поэтому позднейшие грамматиканы не наследуют его учение в этой части.

Что касается этимологий Сервия, их невозможно рассматривать без учета текста самого Вергилия, к которому Сервий делал комментарий. В отличие от сочинения Варрона, имеющего четкую композицию, описанную в Главе 4 настоящей диссертации, и содержащего черты диалогичности в том, что касается представления этимологий разного типа, сочинение Сервия имеет компилятивный характер.

В ряде случаев, касающихся итальянских примеров, в частности, в случае с этимологией для *Anagnia* и *Marrubii*, могут быть реконструированы части грамматических текстов, на которые, вероятно, опирался Сервий.

Карта топонимов центральной и южной Италии, составленная на основании указателя Дж.Б. Конте к изданию Вергилия (см. Иллюстрацию 2), может быть соотнесена с картой топонимов, засвидетельствованной в итальянских надписях (см. Иллюстрацию 3).

Попытки таких сопоставлений демонстрируют ничтожно малое число пересечений, что говорит о том, что и Вергилий, и Сервий являются главными источниками о той части ономастики центральной и южной Италии, которая упоминается в «Энеиде». Следовательно, для Сервия и для самого Вергилия с необходимостью требуется установление применяемых ими методов этимологизирования итальянских названий.

Реконструкция метода суждения Вергилия как этимолога становится возможна с опорой на устоявшееся в научной литературе (Дж. О'Хара, Р. Молтби и др.) мнение, что Вергилий использовал в «Энеиде» игру слов, основанную на этимологии (англ. *etymological wordplay*). Подобная реконструкция была предпринята на материале «Каталога итальянских героев» из «Энеиды» Вергилия, то есть текста, наиболее насыщенного итальянским материалом.

В каких-то случаях исследователи опираются на Сервия как на комментатора, который обнаружил внимание на этимологию, которую имел в виду Вергилий. Но компилятивность сочинения Сервия допускает привлечение мнений разных грамматиков, а замысел Вергилия при этом, возможно, опирался на этимологические изыскания самого поэта или его предшественников

(грамматики нередко цитируют Нэвия в связи с этимологическими разысканиями).

Метод рассуждения, явно представленный в этимологиях, приводимых Сервием, как и в этимологиях, которые могли быть зашифрованы в «Каталоге» Вергилия», судя по всему, опирался на мифологическую картину, которую этимолог имел в виду, составляя свои этимологии.

Впрочем, установить, какая из версий мифа могла быть в распоряжении поэта или грамматика в связи с каждой конкретной этимологией трудно установить из-за фрагментарности дошедших свидетельств. Однако построение конструкций, восстанавливающих миф, с целью лучше понять замысел грамматика и восстановить его метод суждения, в любом случае бесполезно.

Завершает Главу 4 диссертационной работы обзор свидетельств римских грамматиков об итальянской теории происхождения стихотворных стоп. В этой части исследования анализу были подвергнуты фрагментарно сохранившиеся свидетельства, главным образом, из сочинения Диомеда.

Свидетельство Диомеда известно единственным в своем роде примером из «аврунского языка». В результате реконструкции мифологической картины, которую мог иметь грамматик, ставший источником Диомеда, выяснилось, что компиляция Диомеда содержит следы полемики двух школ, одна из которых настаивала на эпонимическом происхождении итальянских стоп, а другая при этимологизировании опиралась на ассоциации с греческими названиями метров.

Изучение итальянских языков как материала римских грамматиков требует внимательного отношения к мировоззрению, которое каждый из грамматиков стремится привнести в свое сочинение, а также к методам суждения, которые демонстрируют школу грамматика.

Дальнейшие перспективы работы можно видеть в разработке метода построения статей в словарях античных этимологий, учитывающих нюансы работы грамматиков с их материалом. При обращении к специфическому материалу из контекстов, содержащих примеры с итальянскими атрибутами,

были выявлены многие пробелы, заполнение которых требует отдельного исследования.

Кроме того, описание терминологии античных грамматиков, представленное в работе, ни в коем случае не является исчерпывающим, потому что охватывает лишь специальную область применения терминов. Впрочем, можно надеяться, что представленное исследование наглядно демонстрирует, что тенденция к описанию латинской грамматической терминологии исключительно как источника европейской терминологии не может и не должна быть преобладающей.

Исследование латинского языка как инструмента для передачи разнообразных теоретических нюансов и ученых концепций, как языка грамматической школы, на материале текстов античных авторов должно выполняться с самым пристальным вниманием к словоупотреблению и другим особенностям языка каждого отдельного грамматика.

Только такое исследование языка античных грамматиков может быть оценено как соответствующее природе материала, которое направлено на анализ метода суждения самих античных грамматиков и того мировоззрения, которое они стремятся предложить читателю. В этом отношении данная работа демонстрирует не столько результаты, сколько основания для дальнейшего развития: *nihil dotis praeter ardentem latinitatis amorem...*¹⁶⁸

¹⁶⁸ in memoriam Helgi illius Nikitinski [Nikitinski 2000, С. 14].

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке:

1. фон Альбрехт М. История римской литературы (в 3 тт.). М. 2002-2005. (пер. А.И. Любжина).
2. Верлинский А.Л. Античные учения о возникновении языка. СПб. 2006.
3. Драчева Н.В. Лингвистическая терминология Марка Теренция Варрона (на материале VIII – X книг трактата «De Lingua Latina»). М. 2013. (дисс.)
4. Кузнецов А.Е. Семантическая концепция М. Теренция Варрона // Индоевропейское языкознание и классическая филология. VI. Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского. СПб. 2002. С. 90-95.
5. Кузнецов А.Е. Латинская метрика. Тула. 2006.
6. Никитинский О.Д. Властелины Рима. М. 1992. (прим.)
7. Новикова Е.П. Загадка лат. *tuger* // XV международная научная конференция студентов – филологов. СПб. 2012. С. 99-100.
8. Новикова Е.П. Вокруг Соракта: *Sabini*, *Falisci* и *antiqui* глазами римских грамматиков (на примере чередования *f/h*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVII. СПб. 2013. С. 654-668.
9. Новикова Е.П. Вергилий и грамматические источники "Каталога италийских героев" // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. X. Ч. 1. 2014. С. 123-144.
10. Новикова Е.П. Место италийских примеров, отражающих фонетические явления, в сочинениях ранних римских грамматиков (Теренций Сквавр, Веррий Флакк, Варрон) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. Т. 19. С. 714-726.
11. Сергеенко М.Е. Письма Плиния Младшего. М. 1982. (пер. и прим.)

12. *Солопов А.И.* Начала латинской стилистики. М. 2008.
13. *Торшилов Д.О.* Композиция трактата Корнута и соотношение аллегории с этимологией // Труды РАН. Вып. 5. М. 2008. С. 522-535.
14. *Тронский И.М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л. 1973.
15. *Тронский И.М.* Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние: вопросы реконструкции. М. 2001.
16. *Цымбурский В.Л.* Латинский трилистник: 1. Причина и чудо: индоевропейские связи лат. causa. 2. Форма и дхарма. 3. Дело о Пренестинской фибуле // Colloquia Classica et Indo-Germanica-IV / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. 2008. С. 169-220 (= Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. IV. Ч. 1).

Переводы:

17. *Гаспаров М.Л., Брагинская Н.В.* (пер.) Римские вопросы в кн. Плутарх. Моралии: Сочинения. М. 1999.
18. *Петровский Ф.А.* (пер.) Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве (под редакцией М.Л. Гаспарова) М. 1972.

На иностранных языках:

19. *Adams J.* A Passage of Varro, "De Lingva Latina" and an Oscan Fragment of Atellan Farce // Mnemosyne. Vol. 57, 3. 2004. P. 352-358.
20. *Adams J.* The Regional Diversification of Latin 200 BC – AD 600. Cambridge-New York. 2007.
21. *Allen J.* The Stoics on the origin of language and the foundations of etymology // Language and Learning: Philosophy of Language in the Hellenistic Age. 2005. P. 14-35.

22. *Amsler M.* Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages. Amsterdam-Philadelphia. 1989.
23. *Astbury R.* Varro's birthplace // *Latomus*, 36-1. 1977. P. 180-181.
24. *Ax W.* Quintilian's 'Grammar' (Inst.1.4-8) and its Importance for the History of Roman Grammar // *Ancient Scholarship and Grammar: Archetypes, Concepts and Contexts. Trends in classics.* 2011. P. 331-346.
25. *Bakkum G.* The Latin dialect of the Ager Faliscus: 150 years of scholarship. Amsterdam. 2009.
26. *Baldi Ph.* The Foundations of Latin. Berlin. 1998.
27. *Bartelink G.* Etymologisering bij Vergilius. Amsterdam. 1965.
28. *Barwick K.* Remmius Palaemon und die romische Ars Grammatica. Leipzig. 1922.
29. *Beare W.* Quintilian VI. III. 47 and the Fabula Atellana // *The Classical Review*, Vol. 51, No. 6. 1937. P. 213-215.
30. *Binder J.* Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Leipzig. 1909.
31. *Biville F.* Le latin et les langues italiques // *Linguarum varietas*. №2. Pisa-Roma. P. 23-44.
32. *van Buren E.* Archaeologists in Antiquity // *Folklore*. Vol. 36. No. 1. 1925. P. 69-81.
33. *Bücheler F.* Altes Latein (Fortsetzung) // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1882. S. 516-530.
34. *Bücheler F.* Iugmentum. offimentum. detramen // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1905. S. 317-320.
35. *Coleman R.* The central Italic languages in the period of Roman expansion // *Transactions of the Philological Society*. 1986. P. 100-131.
36. *Collart J.* Le sabinisme de Varron // *Rev. Et. Lat.* XXX. 1952. P. 69-70.
37. *Collart J.* Varron, Grammairien latin. Paris. 1954.
38. *Conway R.* The Italic Dialects. Cambridge. 1897.

39. Conway R., Whatmough J., Johnson S. *Prae-Italic dialects of Italy*. London. 1933.
40. Cook A.M. Virgil, Aen. VII 641 ff. // *The Classical Review*. №33. 1919. P. 103-104.
41. Corssen W. *Origines poesis Romanae*. Berolini. 1846.
42. Deschamps L. Le paysage sabin dans l'oeuvre de Varron // *Humanitas* 37/38. 1985-86. P. 123-137.
43. Dickey E. *Ancient Greek Scholarship*. Oxford. 2007.
44. Dubuisson M. Les "opici": Osques, Occidentaux ou Barbares? // *Latomus*, 42, 3. 1983. P. 522-545.
45. Ernout A. *Les éléments dialectaux du vocabulaire latin*. Paris. 1909.
46. Fabretti A. *Corpus inscriptionum Italicarum antiquioris aevi ordine geographico digestum, et Glossarium Italicum in quo omnia vocabula continentur ex Umbricis Sabinis Oscis Volscis Etruscis aliisque monumentis quae supersunt collecta et cum interpretationibus variorum explicantur, Augustae Taurinorum*, 1867; *Primo supplemento alla raccolta delle antichissime iscrizioni italiane, con l'aggiunta di alcune osservazioni paleografiche e grammaticali*. Torino. 1872.
47. Fowler W. *Virgil's Gathering of the clans, being observations on Aeneid VII. 601-817*. London. 1918.
48. Fraenkel E. *Horace*. Oxford. 1957.
49. Frassinetti P. *Fabula atellana: Saggio sul teatro popolare latino*. Genova. 1953.
50. Gatti S. Nuovi dati sul santuario ernico di S. Cecilia // *Quaderni A.E.I.* №21. 1993. P. 301-310.
51. Grotefend G. *Rudimenta linguae Vmbricae*. Hannoverae. 1835.
52. Grotefend G. *Rudimenta linguae Oscae*. Hannoverae. 1839.
53. Gruter J. *Inscriptiones antiquae totius orbis romani, in absolutissimum corpus redactae*. Heidelberg. 1602.
54. Job L. *De grammaticis vocabulis apud latinos*. Paris. 1893. (diss.).

55. O'Hara J. True Names: Vergil and the Alexandrian Tradition of Etymological Wordplay. 1996.
56. Havet L. De Saturnio Latinorum Versu. Paris. 1880.
57. Keppie L. Understanding Roman Inscriptions. Routledge. 1991.
58. Kuznetsov A. Studies on Cato's *Ad filium* // Scripta Classica Israelica, XXX. 2011. P. 39-62.
59. Law V. The Mnemonic Structure of Ancient Grammatical Doctrine // Ancient Grammar: Content and Context Ancient grammar: Content and context. 1996. P. 37-52.
60. Lepsius R. Inscriptiones umbricae et oscae: quotquot adhuc repertae sunt omnes. Lipsiae. 1841.
61. Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. München. 1977.
62. Lhommé M.-K. Varron et Verrius au 2ème siècle après Jésus-Christ // Verrius, Festus, & Paul: Lexicography, Scholarship, & Society. 2007. P. 32-47.
63. Machajdíkóvá B. Lingua Tuscorum dicitur Festo feste. Les mots présentés comme étrusques chez Verrius Flaccus et ses abrégiateurs (Festus, Paul Diacre) // Graecolatina et Orientalia 33-34. Bratislava. 2012. S. 5-32.
64. Machajdíkóvá B. Sollum Osce totum et solidum significat. Úloha Festových glos v poznaní latinskej a italickej lexiky a jeho prínos k problematike "Saussurovho efektu" // Sambucus 9. Kraków. 2013. S. 26-42.
65. Machajdíkóvá B. Tvary pipatio (Paulus ex Festo), pipare (Lucilius) a ich derivačná báza /pip-/ // Auriga. Roč. 56, č. 2. 2014. S. 5-22.
66. Marinetti A. Il sudpiceno come italico (e sabino?) // Studi Etruschi 49. 1981. P. 114-158.
67. Marini L.G. Gli atti e monumenti de' fratelli Arvali. Roma. 1795.
68. Mommsen T. Römische Geschichte. Berlin. 1865.
69. Müller C.O. Die Etrusker. Breslau. 1828.
70. Munk E. De L. Pomponio Bononiensi Atellanarum poeta. Glogauiae. 1826.

71. *Nettleship H.* The Study of Latin Grammar among the Romans in the First Century A. D. // *Journal of Philology*. №15. 1886. P. 189-214.
72. *Nikitinski H.* Sergius, siue de eloquentia grammaticorum saec. XVII et XVIII libri duo. Neapoli. 2000.
73. *North J.A.* Why does Festus quote what he quotes? // *Verrius, Festus, & Paul. Lexicography, Scholarship, and Society*. 2007. P. 49-68.
74. *Païs E.* Amunclae a Serpentibus Deletae // *The American Historical Review*, 13, 1. 1907. P. 1-10.
75. *Palmer R.* The Archaic Community of the Romans. Cambridge. 1970.
76. *Pieroni P.* Marcus Verrius Flaccus' De significatu verborum in den Auszügen von Sextus Pompeius Festus und Paulus Diaconus: Einleitung und Teilkommentar (154,19 – 186,29 Lindsay). Frankfurt. 2004.
77. *Piganiol A.* Essai sur les origines de Rome. Paris. 1917.
78. *Pisani V.* Le lingue dell'Italia antica oltre il latino. Torino. 1953.
79. *von Planta R.* Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Strassburg. 1892-1897.
80. *Poccetti P.* Nuovi documenti italici a completamento del manuale di E. Vetter. Pisa. 1979. (= Pocc.).
81. *Poucet J.* Recherches sur la légende sabine des origines de Rome. Louvain. 1967.
82. *Rehm B.* Das geographische Bild des alten Italien in Vergils Aeneis. Leipzig. 1932.
83. *Riposati B.* Varrone e la sua terra sabina, dans Rieti e il suo territorio. Milano. 1976.
84. *Rix H.* Sabellische Texte. Die Texte des Oskischen, Umbrischen und Südpikenischen, Wiesbaden. 2002.
85. *Romanelli D.* Antica topografia istorica del regno di Napoli. Napoli. 1819.

86. *Saunders C.* The Volscians in Vergil's Aeneid // Transactions and Proceedings of the American Philological Association, 58. 1927. P. 92-99.
87. *Schulze W.* Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. Berlin. 1904.
88. *Smetius M., Lipsius J.* Liber Inscriptionum antiquarum quae passim per Europam. Leyden. 1588.
89. *Solopov A.* De adiectiuorum extremitatis -ax capacitate quantumque illa ad coniugationum Latinarum origines repetendas conferat // Индоевропейское языкознание и классическая филология. IV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 12-14 июня 2000 г. СПб. 2000. P. 96-98.
90. *Stok F.* Percorsi dell'esegesi virgiliana. Due ricerche sull'Eneide. Pisa. 1988.
91. *Tempesti A.M.* Quinto Terenzio Scauro, grammatico adrianeo // Studi e ricerche dell'Istituto di Latino. № 1. 1977. P. 175-220.
92. *Vetter E.* Handbuch der italischen Dialekte. Heidelberg. 1953. (= Ve.).
93. *Wallace R., Joseph B.* On the Problematic f/h Variation in Faliscan // Glotta. № 69. 1991. P. 84-93.
94. *Warren M.* On Meridie, Its Derivation and Early Use // The American Journal of Philology. Vol. 7. No. 2. 1886. P. 228-231.

Словари:

95. *Bécares Botas V.* Diccionario de terminología gramatical griega. Salamanca. 1985.
96. *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris. 1985.
97. *Glare P.* Oxford Latin Dictionary. Oxford. 1968. (2-е изд. – Oxford. 2012).
98. *Maltby R.* A Lexicon of Ancient Latin Etymologies. Leeds. 1991.

99. *Schad S.* A Lexicon of Latin Grammatical Terminology. Pisa-Rome. 2007.
100. *Untermann J.* Wörterbuch des Oskisch-Umbrischen. Heidelberg. 2000.
101. *de Vaan M.* Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden-Boston. 2008.
102. *Walde A.* Lateinische etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. 1910.
103. *Walde A., Hofmann J.B.* Lateinische etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. 1938.

Издания текстов¹⁶⁹:

104. *Biddau F. Q.* Terentii Scauri De orthographia. Bibliotheca Weidmanniana, 6, Pars. 5. Hildesheim. 2008.
105. *Conte G.B. P.* Vergilius Maro. Aeneis. Berlin-New York. 2009.
106. *Goetz G., Schöll F.* Marcus Terentius Varro. Lipsiae. 1810.
107. *Horsfall N.* Virgil, *Aeneid* 7: A Commentary. Leiden-Boston-Köln. 2000.
108. *Keil H.* Grammatici Latini. Lipsiae. 1855-1880.
109. *Thilo G., Hagen H.* Seruii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii. Lipsiae. 1881.
110. *Lindsay M.* Sexti Pompei Festi De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome. Leipzig. 1913.

¹⁶⁹ специфика исследования предполагает, что основными **источниками диссертации** являются издания используемых текстов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. О степени сохранности понятийных групп итальянской лексики в эпиграфических памятниках и в сочинениях грамматиков

Сравнение степеней сохранности различных понятийных групп итальянской лексики у грамматиков и в эпиграфических памятниках – задача, решение которой требует наличия специального словаря итальянской лексики, классифицированной по понятийному принципу. На сегодняшний день полного словаря, составленного таким образом, не существует.

Словари итальянской лексики ориентированы преимущественно на описание существующих памятников и на работу с новыми надписями: в случае, если появится новая итальянская надпись, исследователи имеют возможность сопоставить встречающиеся слова с лексикой из уже изученных памятников, собранной в словаре Ю. Унтерманна (2000 г.).

Однако знакомство со словарными статьями, раскрывающими по несколько взаимоисключающих гипотез, позволяет понять, что при столь затруднительной интерпретации достаточно большого количества итальянских текстов составление полноценного предметно-понятийного словаря не вполне возможно.

Для целей данной работы можно привести сопоставления степени сохранности лексики тех понятийных групп, которые фиксируются и в надписях, и в сочинениях грамматиков, и представлены в источниках обоих типов более чем одним словом. К числу таких групп относятся «Животные», «Части тела и туш» и «Готовые блюда».

Однако и такие группы на уровне точных совпадений лексем пересекаются очень редко, что само по себе уже подкрепляет утверждение о наличии своеобразной дополнительной дистрибуции между данными надписей и свидетельствами грамматиков.

Животные

Сведения грамматиков:

1. *lupus* – *hirpo-*, *ἵρπον* (Paul. ex Fest. 106 M; Strab. V 4, 2; Seru. Aen. XI 785)
2. *hircus* – *fircus*, *ircus* (Scaur. orth. 13, 9 K; Varr. l.L. V 97)
3. *haedus* – *edus*, *fedo* (Varr. l.L. V 97)
4. *horda* – *forda* (Varr. l.L. VI 15)

Эпиграфические данные:

1. *iuvenca* – *iuengar* (VIIb 2)
2. *bos* – **bum** (IIa 5)
3. *sus* – **sim** (IIb 1)
4. *aper* – **abrunu** (IIa 11)
5. *sus gravida* – **kumiaf**, *gomia* (Ia 7)
6. *porca* – **purka**, *porca* (Ib 27)
7. *taurus* – *toru*; **turuf** (VIb 43,45; Ib 1)
8. *catulus* – **katel** (IIa 43)
9. *caper* – **kaprum** (IIb 1)
10. *ovis* – **uvem** (III 8,10,12,26,31)
11. *vitulus* – **vitlu** (IIb 21,24)
12. *aries* – **erietu** (IIa 6)
13. *agnus* – **habina** (Ia 27)

Части тела и туш

Сведения грамматиков:

1. *testiculi* – *nefrones*, *nebrundines* (Paul. ex Fest. 163 M; Fest. 277 L.)
2. *coxendices* – *strebula* (Fest. 313 L)

Эпиграфические данные:

1. *prosecta* – **prusekatu** (IIa 28, III 33,35, IV 2)
2. *uterus* – **uze** (IIb 27,28)

3. *scapulae* – *scapla* (VIb 49)
4. *lingua* – *fangvam* (Ve 3/Cm 13)
5. *iecur* ? – **iepru** (IIa 32)
6. *inguen* – **amper[s]ia** (IIa 29)
7. *latus* – **vatuva** (Ia 4,13,22, Ib 3,5)

Готовые блюда

Сведения грамматиков:

1. *panis* – *caria* (Placid. 25, 19 D)
2. *panis* – *ceres* (Seru. Georg. I 7)
3. *circuli* – (*simi*-)*lixulae* (Varr. l.L. V 107)

Эпиграфические данные:

1. *farreum* – *farsio* (VI b 2, VI b 44)
2. *tuccetum* – *toco* (Vb 13)
3. *pulmentum* – *pelmner* (Vb 12, 17)
4. *fitilla* – *fikla* (VIa 56-VIIa 8 (10 paz), VIIa 54)
5. *fertum* – **fertu** (IIa 16)
6. *far* – *far* (Ve.6,8/Cp 37 (Capua); Vb 10,15; Vb 9,14)

2. Перечень контекстов, сохранивших терминологию грамматиков для работы с материалом итальянских языков

Контексты, содержащие латинские глаголы, используемые античными грамматиками при работе с итальянскими примерами, в рамках Приложения приводятся без перевода, т.к. перечень контекстов носит иллюстративный характер. В тех случаях, когда перевод важен для интерпретации значения, соответствующие контексты рассмотрены в основной части диссертации.

1) *appellare*

1. Для указания на итальянский пример:

- 1) Esquiliae duo montes habiti, quod pars Oppius pars Cespium mons suo antiquo nomine etiam nunc in sacris appellatur (Varr. l.L. V 50).
- 2) itaque Naeuius Balatium appellat (Varr. V 53).
- 3) Rex cum ferias menstruas Nonis Februariis edicit, hunc diem februatum appellat; februm Sabini purgamentum (Varr. l.L. VI 13).
- 4) Antiqui purum putum appellarunt (Varr. VI 63).
- 5) Item significat in Atellanis aliquot Pappum, senem quod Osci casnar appellant (Varr. l.L. VII 29).
- 6) Carere a carendo, quod eam tum purgant ac deducunt, ut careat spurcitia; ex quo carminari dicitur tum lana, cum ex ea carunt quod in ea haeret neque est lana, quae in Romulo Naeuius appellat asta ab Oscis (Varr. l.L. VII 54).
- 7) Mamercus praenomen Oscum est ab eo, quod hi Martem Mamertem appellant (Fest. 130, 2 L).
- 8) Optio qui nunc dicitur, antea appellabatur accensus (Fest. 198, 17 L).
- 9) Petimina in umeris iumentorum ulcera, et uulgu appellat, et Lucilius meminit (Fest. 209, 2 L).
- 10) <testicul>os, quos Lanu<uini appellant nebrundine>s, Graeci <ύς, Praenestini nefrones (Paul. ex F. 163 M; Fest. 277 L).
- 11) <Plotos appellant> Umbri pedibus planis <natos (Fest. 238, 31 L).
- 12) Sed feminas antiqui, quas †sciens† dicimus, uiras appellabant; unde adhuc permanent uirgines et uiragines (Fest. 261, 22 L).
- 13) <Su>cingulum ap<pellabant antiqui b>altheum. Plautus: <“Ab Hippolyta succingu>lum Herculis <aeque magno ne>utiquam abstu<lit periculo” (Fest. 302, 6 L).
- 14) Strebula Umbrico nomine Plautus appellat coxendices hostiarum (Fest. 313, 20 L).
- 15) Sti>patores appel<lantur corporis c>ustodes, quos <antiqui latrones

uoca>bant (Fest. 314, 4 L).

16) Sispitem Iunonem, quam uulgo sospitem appellant, antiqui usurpabant, cum ea uox ex Graeco uideatur sumpta, quod est σῶζειν (Fest. 343, 15 L).

17) quare quem antiqui fircum, nos hircum, et quam Falisci habam, nos fabam appellamus, et quem antiqui fariolum, nos hariolum (Scaur. orth. 13, 9 K).

18) Agri modus plerumque centenum pedum in utraque parte, quod Graeci πλέθρον appellant, Osci et Umbri uorsum (Frontin. lim. 30 Lachm.).

19) In eo scripsit 'sculnam' uulgo dici quasi 'seculnam'; 'quem, qui elegantius' inquit 'loquuntur, sequestrem appellant' (Gell. XX 11, 2).

20) M. autem Varro in libro de re rustica tertio: 'Melissonas' inquit 'ita facere oportet, quae quidam mellaria appellant' (Gell. II 20, 9).

21) quae sterilis autem est, taurea appellatur (Seru. Aen. II 140).

22) dira Sabini et Umbri quae nos mala, dira appellant (Seru. Aen. III 235).

23) uallis autem ipsa ubi circenses editi sunt, ideo Murcia dicta est, quia quidam uicinum montem Murcum appellatum uolunt (Seru. Aen. VIII 636).

2. Для указания на этимологию:

appellari с Abl.:

1) Irpini appellati nomine lupi quem irpum dicunt Samnites; eum enim ducem secuti agros occupauere (Paul. ex Fest. 106 L).

appellari (реже *appellare*) с предлогом *a* (*ab*):

1) Hunc antea montem Saturnium appellatum prodiderunt et ab eo Latium Saturniam terram ut etiam Ennius appellat (Varr. l.L. V 42).

2) uicus Ciprius a cipro, quod ibi Sabini ciues additi consederunt, qui a bono omine id appellarunt: nam ciprum sabine bonum (Varr. l.L. V 159).

3) Antiqui poetas uates appellabant a uersibus uiendis (Varr. l.L. VII 36). Orata genus piscis appellatur a colore auri, quod rustici orum dicebant, ut auriculas, oriculas (Fest. 182, 47 L; Cic. fin. II 70, 182).

4) Sublicium pon<tem> . . . appellatum esse <a sublicis . . . uo>cabulo Volsco... (Fest. 293, 50 L)

5) <Tudites mall>eos appellant antiqui a tunden<do> . . . is ali cruribus tudites. Inde Ateius <Philolog>us existimat Tuditano cognomen <fuisse, quod> caput malleoli simile habuerit (Fest. 352, 31 L).

6) Varro tamen dicit in gente populi Romani, Sabinos a Romulo susceptos istum accepisse montem, quem ab Auate, fluuio prouinciae suae, Auentinum appellauerunt (Seru. Aen. VII 657).

7) unde Romani a Curibus Quirites appellati sunt (Seru. Aen. VIII, 635).

8) quos celeres appellauit uel a celeritate, uel a duce Celere, qui dicitur Remum occidisse, in cuius gratiae uicem a Romulo fieri tribunus equitum meruit. alii hos celeres ideo appellatos dicunt, quod explorationes obirent et quae usus exigeret, uelocius facerent (Seru. Aen. XI 603).

appellari с предлогом *de*:

1) Italiam de Graeco uocabulo appellatam scripserunt (Gell. XI 1, 1).

appellari с предлогом *ex*:

1) alii hunc Capyn filium Capeti uolunt esse, Tiberini auum, ex quo fluuius Tiberis appellatus est, eumque Capuae conditorem produnt (Seru. Aen. X 145).

appellari в сочетании с *quasi*:

1) Sed ego quidem cum L. Aelio et M. Varrone sentio, qui triones rustico uocabulo boues appellatos scribunt quasi quosdam terriones, hoc est arandae colendaeque terrae idoneos (Gell. II 21, 8).

2) Marrubii appellabantur quasi circa mare habitantes (Seru. Aen. VII 750).

appellari и придаточное предложение с *quod*:

1) uicus Ciprius a cipro, quod ibi Sabini ciues additi consederunt, qui a bono omine id appellarunt: nam cipro sabine bonum (Varr. l.l. V 159). Naccae appellantur uulgo fullones, ut ait Curiatius, quod nauci non sint, id quod est nullius preti. Idem sentit et Cincius (Fest. 166, 36 L).

2) Nucul¹⁷⁰ Praenestinos antiqui appellabant, quod inclusi a <Poenis Casilini famem nucibus sustenta-uerunt: uel quod in eorum regione plurima nux minu> ta nascitur (Fest. 173, 38 L).

3) Pennas antiquos fertur appellasse †peenas† ex Graeco, quod illi πετηνὰ quae sunt uolucra, dicant. Item easdem pesnas, ut cesnas (Fest. 209, 8 L)¹⁷⁰.

4) Quartarios appellabant antiqui muliones mercennarios, quod quartam partem quaestuus capiebant (Fest. 258, 63 L).

¹⁷⁰ интересно употребление *appellare* с предлогом *ex* в значении «заимствовать из <какого-л. языка>»

5) Ruminalem ficum appel>latam ait Varro . . . ibus, quod sub ea ar<bore lupa mammam dederit> Remo et Romulo . . . (Fest. 270, 21 L).

6)

7) alii Suadam appellant, quod ipsa conciliatio Suada sit (Seru. Aen. I 720, 13).

8) ergo hunc fluuium ideo dicunt esse Nar appellatum, quod odore sulphureo nares contingat, siue quod in modum narium geminos habeat exitus (Seru. Aen. VII 517).

9) oscorumque manus Capuenses dicit, qui ante Ophici appellati sunt, quod illic plurimi abundauere serpentes (Seru. Aen. VII 730).

10) alii quod inbelle uulgus et otiosum ibi fuerit, ideo Abellam appellatam (Seru. Aen. VII 740).

11) alii Argiletanam portam appellari, quod eam Cassius Argillus siue fecerit siue refecerit: <uel> quod ibi Cassius Argillus bello Punico primo sit interfectus ob turbulentam et seditiosam naturam. alii quod Argillus senator post Cannense proelium suaserit a Poenis pacem postulari, ideo in senatu carptum domumque eius dirutam et locum Argiletum appellatum (Seru. Aen. VIII, 345).

appelari и придаточное предложение с *qui* (в любой форме):

1) Petulantes, et petulci etiam appellantur, qui proteruo impetu, et crebro petunt laedendi alterius gratia (Fest. 206, 10 L).

2) Solia appellantur sedilia, in quibus non plures singulis possint sedere (Fest. 298, 49 L).

3) Scorta appel<lantur meretrices ex cons>uetudine rusticorum, . . . quos solebant di<cere> . . . delicularum. Omnia <namque ex pellibus facta scorte>a appellantur. <Scortes, id est pelles testium ari>etinorum, ab isdem <pellibus . . . dicta>s esse ait (Fest. 330, 4 L).

4) Itaque ex Claudiis, quos a Sabinis oriundos accepimus, qui erat egregia atque praestanti fortitudine, 'Nero' appellatus est. Sed id Sabini accepisse a Graecis uidentur, qui uincula et firmamenta membrorum νεῦρα dicunt, unde nos quoque Latine 'neruos' appellamus (Gell. XIII 23, 9).

5) namque Samothraces horum penatium antistites Saos uocabant, qui postea a Romanis Salii appellati sunt (Seru. Aen. II 325).

appellare и придаточное предложение с *quia*:

1) Rienes quos nunc uocamus, antiqui nefrundines appellabant, quia Graeci νεφρονὲς eos uocant (Fest. 277, 14 L).

2) quia calida aqua lauandis uulneribus apta fuit, locus lautulus appellatus est (Seru. Aen. VIII 361).

3. При описании склонения или словообразования:

1) Multa ea pecunia quae a magistratu dicta, ut exigi posset ob peccatum; quod singulae dicuntur, appellatae eae multae, et quod olim uinum dicebant multam: itaque cum in dolium aut culleum uinum addunt rustici, prima urna addita dicunt etiam nunc (Varr. l.L. VII 177).

2) E quibus aequae cum item accidisset feminis, proportionem ita appellata declinarant praenomina mulierum antiqua, Mania, Lucia, Postuma: uidemus enim Maniam matrem Larum dici, Luciam Volumniam Saliorum Carminibus appellari, Postumam a multis post patris mortem etiam nunc appellari (Varr. l.L. IX, 61)

3) ab eadem ratione domi suae quisque ubi lauatur balneum dixerunt et, quod non erant duo, balnea dicere non consueverunt, cum hoc antiqui non balneum, sed lauatinam appellare consueverent (Varr. l.L. IX 68).

2) *cognominare*

1. Для указания на итальянский пример:

1) ...in Campania Neopolitani celebrant "Ἡβωνά cognominantes" (Macr. Sat. I 18).

2. Для указания на этимологию:

cognominari с предлогом *a* (*ab*):

1) Qua regnum fuit Latini, uniuersus ager dictus Latius, particulatim oppidis cognominatus, ut a Praeneste Praenestinus, ab Aricia Aricinus (Varr. l.L. V 32).

2) Ausones cognominatos ab Ausone, Vlixis et Circes filio, dicant. Sicani autem secundum non nullos populi sunt Hispaniae, a fluuio Sicori dicti: Lucanus "Hesperios inter Sicoris non ultimus amnis". hi duce Siculo uenerunt ad Italiam et eam tenuerunt exclusis Aboriginibus (Seru. Aen. VIII 328).

cognominare и придаточное предложение с *qui*:

3) Saufei Latium dictum ait, quod ibi latuerant incolae, qui quoniam in cauis montium uel occultis cauentes sibi a feris beluis uel a ualentioribus uel a tempestatibus habitauerint Cascei uocati sunt, quos posterius Aborigines cognominarunt, quoniam taliis ortos esse recognoscebant. ex quibus Latinos etiam dictos (Seru. Aen. I 6).

cognominari и придаточное предложение с *quod*:

Vmbria pars Tusciae est. sane Vmbros Gallorum ueterum propaginem esse Marcus Antonius refert: hos eosdem, quod tempore aquosae cladis imbris superfuerunt, Ὀμβρίους cognominatos (Seru. Aen. XII 747).

3) *declinare*

1. Для указания на этимологию:

1) E quibus aequae cum item accidisset feminis, proportionem ita appellata declinant praenomina mulierum antiqua, Mania, Lucia, Postuma: uidemus enim Maniam matrem Larum dici, Luciam Volumniam Saliorum Carminibus appellari, Postumam a multis post patris mortem etiam nunc appellari (Varr. l.l. IX, 61)

2) 'Musas quas memorant ἴnosce nos esse'. Camenarum priscum uocabulum ita natum ac scriptum est alibi; Carmenae¹⁷¹ ab eadem origine sunt declinatae (Varr. l.l. VII 23).

3) Europae loca multae incolunt nationes. Ea fere nominata aut translaticio nomine ab hominibus ut Sabini et Lucani, aut declinato ab hominibus, ut Apulia et Latium, aut utrumque, ut Etruria et Tusci (Varr. l.l. V 32).

4) Nuntius enim est a nouis rebus nominatus, quod a uerbo Graeco potest declinatum. ab eo itaque Neapolis illorum Nouapolis ab antiquis uocitata nostris (Varr. l.l. VI 58).

2. Для указания на специфическое формообразование:

1) Osi sunt, ab odi[o] declinasse antiquos testis est C. Gracchus in ea, quae est de lege Minucia, cum ait: "Mirum si quid his iniuriae fit; semper eos osi sunt (Fest. 201, 19 L).

4) *dicere*

1. Для указания на итальянский пример:

1) In Campania rura mediuntur uersibus... Versum dicunt C pedes quoquo uersum quadratum (Varr. r.r. I 10).

2) Cata acuta: hoc enim uerbo dicunt Sabini: quare Catus Aelius Sextus non, ut aiunt, sapiens, sed acutus, et quod est: Tunc coepit memorare simul cata dicta, accipienda acuta dicta (Varr. l.l. VII 46).

3) Capitium ab eo quod capit pectus, id est, ut antiqui dicebant, comprehendit (Varr. l.l. V 131).

4) Indutui alterum quod subtus, a quo subucula; alterum quod supra, a quo supparus, nisi id quod item dicunt Osce (Varr. l.l. V 131).

5) Fiber, ab extrema ora fluminis dextra et sinistra maxime quod solet

¹⁷¹ Встречается также чтение *Casmae.

uideri, et antiqui februm dicebant extremum, a quo in sagis fimbriae et in iecore extremum fibra, fiber dictus (Varr. l.L. V 79).

6) ex qua fructus maior, hi[n]c est qui Graecis usus: <sus>, quod ὕς, bos, quod βοῦς, taurus, quod <ταῦρος>, item ouis, quod ὄις: ita enim antiqui dicebant, non ut nunc πρόβατον (Varr. l.L. V 96).

7) Scortari est saepius meretriculam ducere, quae dicta a pelle: id enim non solum antiqui dicebant scortum, sed etiam nunc dicimus scortea ea quae e corio ac pellibus sunt facta; in aliquot sacris ac sacellis scriptum habemus: Ne quod scortum adhibeatur, ideo ne morticinum quid adsit. In Atellanis licet animaduertere rusticos dicere se adduxisse pro scorto pelliculam (Varr. l.L. VII 84).

8) Capitium ab eo quod capit pectus, id est, ut antiqui dicebant, comprehendit (Varr. l.L. V 131).

9) Diei principium mane, quod tum manat dies ab oriente, nisi potius quod bonum antiqui dicebant manum, ad cuiusmodi religionem Graeci quoque cum lumen affertur, solent dicere φῶς ἀγαθόν (Varr. l.L. VI 4).

10) Aes raudus dictum; ex eo ueteribus in Mancipiis scriptum: Raudusculo libram ferito (Varr. l.L. V 164).

11) Vasa in mensa escaria: ubi pultem aut iurulenti quid ponebant, a capiendo catinum nominarunt, nisi quod Siculi dicunt κάτινον ubi assa ponebant (Varr. l.L. V 120).

12) Iepus, quod Sicu<li, ut Aeolis quidam Graeci, dicunt λέπος. a Roma quod orti Siculi, ut annales ueteres nostri dicunt, fortasse hinc illuc tulerunt et hic reliquerunt id nomen (Varr. l.L. V 101).

13) ab eadem ratione domi suae quisque ubi lauatur balneum dixerunt et, quod non erant duo, balnea dicere non consuerunt, cum hoc antiqui non balneum, sed lauatinam appellare consuessent (Varr. l.L. IX 68).

14) Pro assibus nonnunquam aes dicebant antiqui, a quo dicimus assem tenentes "hoc aere aeneaque libra" et "mille aeris legasse" (Varr. l.L. IX 83).

15) Multam Osce dici putant poenam quidam. M. Varro ait poenam esse sed pecuniariam, de qua subtiliter in 1, 1 Quaestionum Epist. (Fest. 142 L).

16) Muscerdas prima syllaba producta dicebant antiqui stercus murum (Fest. 146, 15 L).

17) Quirinalis collis, qui nunc dicitur, olim Agonus appellabatur, ante quam in eum commigrarent fere Sabini Curibus uenientes post foedus inter Romulum et Tatium ictum (Fest. 254, 43 L)¹⁷².

18) Sollo Osce dicitur id quod nos totum uocamus. Lucilius: "[s]uasa quoque omnino dirimit, non sollo dupundi"; id est, non tota (Fest. 298, 41 L).

19) tongere nosse est, nam Praenestini tongitionem dicunt notionem. Ennius: Alii rhetorica tongent (Paul. ex Fest. 357 L).

¹⁷² В данном случае имеет место не только указание на итальянский пример, но и скрытая этимология: *Quirinalis* связывается с *Curibus*.

20) dicitur etiam “Obsequens Venus”, quam Fabius Gurges post peractum bellum Samniticum ideo hoc nomine consecrauit, quod sibi fuerit obsecuta: hanc Itali †“Postuotam” dicunt (Seru. Aen. I 720).

21) Narnia in montibus posita, quibus subest Nar fluuius, qui Tiberino coniungitur[...] Sabini lingua sua nar dicunt sulphur (Seru. Aen. VII 517).

22) iste quidem dicit a Capy dictam Campaniam. sed Liuius uult a locis campestribus dictam, in quibus sita est. sed constat eam a Tuscis conditam uiso falconis augurio, qui Tusca lingua capys dicitur, unde est Campania nominata (Seru. Aen. X 145).

23) Romulus autem ideo Quirinus dictus est, uel quod hasta utebatur, quae Sabinorum lingua curis dicitur: hasta enim, id est curis, telum longum est, unde et securis quasi semicuris: uel a κοίρανος qui Graece rex dicitur: constat autem Graecos fuisse Romanos: uel propter generis nobilitatem. Mars enim cum saeuit Gradus dicitur, cum tranquillus est Quirinus (Seru. Aen. I 292).

24) si grauida fuerat, forda dicitur; quae sterilis autem est, taurea appellatur (Seru. Aen. II 140).

25) Fabarim autem quem dicit etiam ipse per Sabinos transit et Farfarus dicitur: Plautus “dissipabo te tamquam folia Farfari”, Ouidius “et amoenae Farfarus umbrae” (Seru. Aen. VII 715).

26) 'manum' enim antiqui bonum dicebant, sicut supra dictum est, unde et 'mane' dicitur; quid enim melius? et per antiphrasin 'manes' inferi, quia non sint boni (Seru. Aen. I 139).

27) Vocabulum autem ipsum multae idem M. Varro in uno uicesimo rerum humanarum non Latinum, sed Sabinum esse dicit, idque ad suam memoriam mansisse ait in lingua Samnitium, qui sunt a Sabinis orti. Sed turba grammaticorum nouicia κατὰ ἀντίφρασιν, ut quaedam alia, hoc quoque dici tradiderunt (Gell. XI 1, 5).

28) Itaque ex Claudiis, quos a Sabinis oriundos accepimus, qui erat egregia atque praestanti fortitudine, 'Nero' appellatus est. Sed id Sabini accepisse a Graecis uidentur, qui uincula et firmamenta membrorum νεῦρα dicunt, unde nos quoque Latine 'neruos' appellamus (Gell. XIII 23, 8).

29) Opinati enim sunt plerique κυάμους legumentum dici, ut a uulgo dicitur (Gell. IV 11, 10).

30) ...nam et Lanuini mane pro bono dicunt (Macr. Sat. I 3, 13).

31) Irpini appellati nomine lupi quem irpum dicunt Samnites; eum enim ducem secuti agros occupauere (Paul. ex Fest. 106 L).

2. В значении ‘употреблять форму / словообразовательный вариант’:

1) Nequinont, pro nequeunt, ut solinunt, ferinunt, pro solent, et feriunt dicebant antiqui. Liuius in Odissia: “partim errant, nequinunt Graeciam redire.” Nequitum et nequitur pro non posse dicebant, ut Pacuuius cum ait: “Sed cum

contendi nequitum ut clam tendenda est plaga.” Plautus in Satyrione: “retrahi nequitur, quoquo progressa est semel”; et Cato Originum lib. I: “Fana in eo loco conpluria fuere: ea exauguravit, praeterquam quod Termino fanum fuit; id nequitum exaugurari” (Fest. 162, 58 L).

2) nam quod nos per genetivum singularem dicimus, antiqui per septimum dicebant, ut hoc loco 'parentem pulchra prole', id est pulchrae prolis (Seru. Aen. I 75).

3) duplices duas, secundum morem antiquum. nam duplices duos dicebant, ut hoc loco, et binos duos, et utrosque pro utrumque, ut Cicero “binos habebam, iubeo promi utrosque” (Seru. Aen. I 93).

4) adnexus antiquum est, ut 'conixus', quibus hodie non utimur; dicimus enim 'adnexus' et 'conexus' [...]. illi enim 'pars' dicebant, nos dicimus 'peperci'. item nos dicimus 'suscepi', illi dicebant 'succepi', ut “succeperatque ignem foliis” (Seru. Aen. I 144).

5) Perlabitur undas figura est. quod enim nos modo dicimus per praepositionem nomini copulatam sequente uerbo, antiqui uerso ordine praepositionem detractam nomini iungebant uerbo, ita tamen ut esset una pars orationis, et faciebant honestam elocutionem. nos dicimus 'per undas labitur', illi dicebant 'perlabitur undas'. item 'per forum curro' et 'percurro forum'. notandum plane quod plerumque suum regit casum, plerumque ad ablativum transit (Seru. Aen. I 147).

6) ob italiam multi 'iuxta Italiam' antiquo more dictum accipiunt, ut sit, pars orbis clauditur quae circa Italiam est (Seru. Aen. I 233).

7) compagibus ambages et compages antiqui tantum dicebant, posteritas admisit ut etiam compago dicatur: sed non quia uariis esse potest nominativus, debet etiam declinatio mutari, quemadmodum nec in istis nominibus arbor arboris, uomer uomeris; nam et uomeris et arboris tantum facit (Seru. Aen. I 293).

8) 'Deprecor' hoc in loco uir bonus ita esse dictum putabat, ut plerumque a uulgo dicitur, quod significat 'ualde precor' et 'oro' et 'supplico', in quo 'de' praepositio ad augendum et cumulandum ualet (Gell. VII 16, 3).

9) 'die pristini' quoque eodem modo dicebatur, quod significabat 'die pristino', id est priore, quod uulgo 'pridie' dicitur, conuerso compositionis ordine, quasi 'pristino die' (Gell. X 24, 8).

3. Для передачи значения ‘произносить’:

1) Meridies ab eo quod medius dies. D antiqui, non R in hoc dicebant, it Praeneste incisum in solario uidi (Varr. l.L. VI 4).

2) in pluribus uerbis A ante E alii ponunt, alii non, ut quod partim dicunt <scaeptrum, partim> sceptrum, alii Plauti Faeneratricem, alii Feneratricem; sic faenisicia ac f[o]enisicia, ac rustici pappum M[a]esium, non Maesium, a quo Lucilius scribit: 'Cecilius <pretor> ne rusticus fiat': quare turpe ideo obscaenum, quod nisi in scaena[m] palam dici non debet (Varr. l.L. VII 96).

3) Ubi cenabant cenaculum uocitabant, ut etiam nunc Lanuui apud aedem Iunonis et in cetero Latio ac Faleriis et Cordubae dicuntur (Varr. l.L. V 162).

4) 'Musas quas memorant †nosce nos esse'. Camenarum priscum uocabulum ita natum ac scriptum est alibi; Carmenae¹⁷³ ab eadem origine sunt declinatae. in multis uerbis in quo[d] antiqui dicebant S, postea dicunt R, ut in carmine Saliorum sunt haec: «cozeulodorieso» (Varr. l.L. VII 23).

5) Scensas <Sabini dicebant, quas> nunc cenas. Quae autem <nunc prandia, cenas> habebant (Fest. 339, 48 L).

6) Orata genus piscis appellatur a colore auri, quod rustici orum dicebant, ut auriculas, oriculas (Fest. 182, 48 L).

7) <Putum> . . . <pro puro dixisse> antiquos (Fest. 217, 50 L).

8) Fusios Furios dicimus et seddam sellam. ita cum h eiusdem sit facultatis, nimirum haec quoque littera est, quod cum f inuicem [ita] mutatur, ut quam nos fabam dicimus antiqui habam dixerunt et quod <nos> hordeum dicimus illi fordeum nominauerunt (Scaur. orth. 23, 19 K). nam et e contrario quam antiqui habam dicebant, nos fabam dicimus (Vel. Long. orth. 69, 11 K).

9) Faliscos Halesus condidit. hi autem, inmutato H in F, Falisci dicti sunt, sicut febris dicitur quae ante hebris dicebatur, Formiae quae Hormiae fuerunt, ἀπὸ τῆς ὀρμῆς (Seru. Aen. VII 695).

10) alii Italiam a bubus quibus est Italia fertilis, quia Graeci boues ἰταλοὺς, nos uitulos dicimus; alii a rege Ligurum Italo (Seru. Aen. I 533).

11) Faliscos Halesus condidit. hi autem, inmutato H in F, Falisci dicti sunt, sicut febris dicitur quae ante hebris dicebatur, Formiae quae Hormiae fuerunt, ἀπὸ τῆς ὀρμῆς (Seru. Aen. VII 695).

12) u quoque multis Italiae populis in usu non erat, sed e contrario o, unde Romanorum quoque uetustissimi in multis dictionibus loco eius o posuisse inueniuntur, poblicum pro publicum, quod testatur Papirianus de orthographia, polchrum pro pulchrum, colpam pro culpam dicentes et Hercolem pro Herculem (Prisc. inst. II 27, 9 K).

13) o aliquot Italiae ciuitates teste Plinio non habebant, sed loco eius ponebant u, et maxime Vmbri et Tusci. transit o in a, ut creo creauī; in e, tutor tutela, bonus bene, γόνυ genu, πός pes, antiqui compes pro compos, in quo Aeolis sequimur: illi enim ἐδόντα pro ὀδόντα dicunt (Prisc. inst. II 26, 16 K).

14) multa praeterea uetustissimi etiam in principalibus mutabant syllabis, gungrum pro gongrum, cunchin pro conchin, huminem pro hominem proferentes, funtes pro fontes, frundes pro frondes, unde Lucretius in libro primo: «angustoque fretu rapidum mare diuidit undis», pro freto; idem in tertio: «atque ea nimirum quaecumque Acherunte profundo», pro Acheronte; in eodem: «nec Tityon uolucres ineunt Acherunte iacentem», quae tamen a iunioribus repudiata sunt, quasi rustico more dicta (Prisc. inst. II 26, 25 K).

¹⁷³ Встречается также чтение *Casmaenae.

4. Для указания на этимологию:

dici (реже *dicere*) с предлогом *a* (*ab*)¹⁷⁴:

- 1) Qua regnum fuit Latini, uniuersus ager dictus Latius, particulatim oppidis cognominatus, ut a Praeneste Praenestinus, ab Aricia Aricinus (Varr. l.l. V 32).
- 2) Neptunus, quod mare terras obnubit ut nubes caelum, ab nuptu, id est opertione, ut antiqui, a quo nuptiae, nuptus dictus (Varr. l.l. V 72).
- 3) Fiber, ab extrema ora fluminis dextra et sinistra maxime quod solet uideri, et antiqui februm dicebant extremum, a quo in sagis fimbriae et in iecore extremum fibra, fiber dictus (Varr. l.l. V 79).
- 4) Lutra, quod succidere dicitur arborum radices in ripa atque eas dissoluere: ab luere lutra. Fiber, ab extrema ora fluminis dextra et sinistra maxime quod solet uideri, et antiqui februm dicebant extremum, a quo in sagis fimbriae et in iecore extremum fibra, fiber dictus (Varr. l.l. V 79).
- 5) seculae falces in Campania dictae a secundo (Varr. l.l. V 137).
- 6) dicitur crepusculum a crepero: id uocabulum sumpserunt a Sabinis, unde ueniunt Crepusci nominati Amiterno, qui eo tempore erant nati, ut Lucii prima luce in Reatino; crepusculum significat dubium; ab eo res dictae dubiae creperae, quod crepusculum dies etiam nunc sit an iam nox multis dubium (Varr. l.l. VI 5).
- 7) Consualia dicta a Conso, quod tum feriae publicae ei deo et in Circo ad aram eius ab sacerdotibus ludi illi, quibus uirgines Sabinae raptae (Varr. l.l. VI 20).
- 8) Idus ab eo quod Tusci Itus, uel potius quod Sabini Idus dicunt (Varr. l.l. VI 28).
- 9) Loqui ab loco dictum[...] is loquitur, qui suo loco quodque uerbum sciens ponit, et is tum prolocutus, quom in animo quod habuit extulit loquendo. Hinc dicuntur eloqui ac reloqui in fanis Sabinis, e cella dei qui loquuntur (Varr. l.l. VI 56).
- 10) Scortari est saepius meretriculam ducere, quae dicta a pelle: id enim non solum antiqui dicebant scortum, sed etiam nunc dicimus scortea ea quae e corio ac pellibus sunt facta (Varr. l.l. VII 84). Odefacit dicebant> antiqui ab odore, <pro olfacit> (Fest. 178, 30 L).
- 11) Obscum duas diuersas et contrarias significationes habet. Nam Cloatius putat eo uocabulo significari sacrum, quo etiam leges sacratae obscatae dicantur. Oscos quos dicimus, ait Verrius, Opscos antea dictos, teste Ennio, cum dicat: “De muris rem gerit Opscus.” Adicit etiam, quod stupra inconcessae libidinis obscena dicantur, ab eius gentis consuetudine inducta. Quod uerum esse non satis

¹⁷⁴ Конструкции, представляющие собой сочетание *dici* (реже *dicere*) с предлогом *a* (*ab*), иногда дополняются пояснениями в виде придаточных предложений с союзом *quod*. Примеры такого рода помещаются в разделе, посвященном сочетанию *dici* с предлогом *a* (*ab*).

adducor, cum apud antiquos omnis fere obscena dicta sint, quae mali ominis habebantur (Fest. 189, 24 L).

12) Petoriturum, et Gallicum uehiculum esse, et nomen eius dictum [esse] existimant a numero quattuor rotarum (Fest. 206, 37 L).

13) <Macci>us poeta, quia Umber Sarsinas erat, a pedum planitia initio Plotus, postea Plautus coeptus est dici (Fest. 238, 35 L).

14) et dicta scaena ἀπὸ τῆς σκιάς. apud antiquos enim theatralis scaena parietem non habuit, sed de frondibus umbracula quaerebant. postea tabulata componere coeperunt in modum parietis. scaena autem pars theatri aduersa spectantibus, in qua sunt regia (Seru. Aen. I 164).

15) a Lucumone Luceres dicti sunt (Seru. Aen. V 560).

16) unde etiam Numa dictus est ἀπὸ τῶν νόμων, ab inuentione et constitutione legis, nam proprium nomen Pompilius habuit (Seru. Aen. VI 808)¹⁷⁵.

17) dolones autem a fallendo dicti sunt, quod decipiant ferro, cum speciem praeferant ligni. et multi uolunt per teretes mucrones 'dolones' dici, per ueru Sabellum 'pila' significari (Seru. Aen. VII 664).

18) Faliscos Halesus condidit. hi autem, inmutato H in F, Falisci dicti sunt, sicut febris dicitur quae ante hebris dicebatur, Formiae quae Hormiae fuerunt, ἀπὸ τῆς ὀρμῆς (Seru. Aen. VII 695).

19) a principio Auentinus est dictus ab auibus uel a rege Aboriginum: unde hunc Herculis filium constat nomen a monte accepisse, non ei praestitisse (Seru. Aen. VII 657).

20) Marrubii appellabantur quasi circa mare habitantes, propter paludis magnitudinem, [...] quamquam alii Marrubios a rege dictos uelint (Seru. Aen. VII 750).

21) Sicani autem secundum non nullos populi sunt Hispaniae, a fluuio Sicori dicti: Lucanus "Hesperios inter Sicoris non ultimus amnis". hi duce Siculo uenerunt ad Italiam et eam tenuerunt exclusis Aboriginibus (Seru. Aen. VIII 328).

22) Thybrin uero alii a rege Aboriginum dictum uolunt, qui iuxta dimicans interemptus est; alii ab eo rege, quem Glaucus, Minois filius, in Italia interemit; alii, inter quos et Liuius, ab Albano rege, qui in eum cecidit (Seru. Aen. VIII 72).

23) sane lingua Osca Lucetius est Iuppiter, dictus a luce, quam praestare hominibus dicitur (Seru. Aen. IX 567).

24) iste quidem dicit a Capy dictam Campaniam. sed Liuius uult a locis campestribus dictam, in quibus sita est. sed constat eam a Tuscis conditam uiso falconis augurio, qui Tusca lingua capys dicitur, unde est Campania nominata (Seru. Aen. X 145).

25) Capuam uult Liuius a locis campestribus dictam, in quibus sita est. alii a Capy Atyis filio, Capeti patre, tradunt (Seru. Aen. X 145).

dici (реже *dicere*) и придаточное предложение с *quod*:

¹⁷⁵ конструкция «*dici* в сочетании с греч. предлогом ἀπὸ» объединена с конструкцией «*dici* с предлогом *a(b)*», т.к. эти конструкции являются калькой друг для друга.

- 1) Aelius Dium Fidium dicebat Diouis filium, ut Graeci Διόσκορον Castorem, et putabat hunc esse Sancum ab Sabina lingua et Herculem a Graeca. Idem hic Dis pater dicitur infimus, qui est coniunctus terrae, ubi omnia ut oriuntur ita aboriuntur; quorum quod finis ortuum, Orcus dictus (Varr. l.L. V 66).
- 2) Sol uel quod ita Sabini, uel quod solus ita lucet, ut ex eo deo dies sit. Luna, uel quod sola lucet noctu. Itaque ea dicta Noctiluca in Palatio: nam ibi noctu lucet templum (Varr. l.L. V 68).
- 3) Hircus, quod Sabini fircus; quod illic fedus, in Latio rure hedus, qui in urbe ut in multis A addito haedus. Porcus, quod Sabini dicunt aprunum porcum; proinde porcus, nisi si a Graecis, quod Athenis in libris sacrorum scripta est porke et porkos (Varr. l.L. V 97).
- 4) Lupercalia dicta, quod in Lupercali Luperci sacra faciunt (Varr. l.L. VI 13).
- 5) Vas uinarium grandius sinum ab sinu, quod sinum maiorem cauationem quam pocula habebant. Item dictae lepestaе, quae etiam nunc in diebus sacris Sabinis uasa uinaria in mensa deorum sunt posita; apud antiquos scriptores Graecos inueni appellari poculi genus depestan: quare uel inde radices in agrum Sabinum et Romanum sunt profectae (Varr. l.L. V 123).
- 6) hinc fines agrorum termini, quod eae partis propter limitare iter maxime teruntur; itaque hoc cum is * * * (in Latio aliquot locis dicitur, ut apud Accium, non terminus, sed termen¹⁷⁶). (Varr. l.L. V 21).
- 7) flamines, quod in Latio capite uelato erant semper ac caput cinctum habebant filo, filamines¹⁷⁷ dicti (Varr. l.L. V 84).
- 8) quae ideo quoque uidetur ab Latinis Iuno Lucina dicta uel quod est e<t> terra, ut physici dicunt, et lucet uel quod ab luce eius, qua quis conceptus est, usque ad eam, qua partus quis in lucem, <l>una iuuat, donec mensibus actis produxit in lucem, ficta ab iuuando et luce Iuno Lucina (Varr. l.L. V 69).
- 9) Sabini dicti, ut ait Varro . . . quod ea gens [propter] praecipue colat de<os, id est, ἀπὸ τοῦ> σέβεσθαι (Fest. 343, 66 L).
- 10) et nomen acceperunt unum, ut dicerentur Mamertini, quod coniectis in sortem duodecim deorum nominibus, Mamers forte exierat: qui lingua Oscanum Mars significatur (Fest. 158, 52 L).
- 11) Latium autem dictum est, quod illic Saturnus latuerit. Saufeius Latium dictum ait, quod ibi latuerant incolae, qui quoniam in cauis montium uel occultis cauentes sibi a feris beluis uel a ualentioribus uel a tempestatibus habitauerint Cascei uocati sunt, quos posterius Aborigines cognominarunt, quoniam taliis ortos esse recognoscebant. ex quibus Latinos etiam dictos (Seru. Aen. I 6).
- 12) dicti Salii ideo quod circa aras saliant et tripudiant (Seru. Aen. VIII 663).
- 13) huius ciues cum loca circa Capuam possiderent, tortu tumultu interisse, aliosque fugientes Moeranum abisse et eius incolis se iunxisse: et quod inbelliores fuerint Abellanos dictos (Seru. Aen. VII 740).

¹⁷⁶ Встречается также прочтение **terimen*.

¹⁷⁷ Встречается прочтение **filamines*.

dici и придаточное предложение с *qui*:

1) Vas uinarium grandius sinum ab sinu, quod sinum maiorem cauationem quam pocula habebant. Item dictae lepestae, quae etiam nunc in diebus sacris Sabinis uasa uinaria in mensa deorum sunt posita; apud antiquos scriptores Graecos inueni appellari poculi genus depestan: quare uel inde radices in agrum Sabinum et Romanum sunt profectae (Varr. l.L. V 123).

2) Quiritare dicitur is qui Quiritum fidem clamans inplorat. Quirites a Curenibus (Varr. l.L. VI 68).

3) antiqui purum putum appellarunt; ideo putator, quod arbores puras facit; ideo ratio putari dicitur, in qua summa fit pura: sic is sermo in quo pure disponuntur uerba, ne sit confusus atque ut diluceat, dicitur disputare (Varr. l.L. VI 63).

4) Nexum aes apud antiquos dicebatur pecunia, quae per nexum obligatur (Fest. 165, 27 L).

5) priscos latinos ita dicti sunt qui tenuerunt loca, ubi Alba est condita (Seru. Aen. V 598).

dici (реже *dicere*) после *unde*:

1) si grauida fuerat, forda dicitur; quae sterilis autem est, taurea appellatur: unde ludi Taurei dicti, qui ex libris fatalibus a rege Tarquinio Superbo instituti sunt propterea, quod omnis partus mulierum male cedebat. alii ludos Taureos a Sabinis propter pestilentiam institutos dicunt, ut lues publica in has hostias uerteretur (Seru. Aen. II 140).

2) hernica saxa colunt Sabinorum lingua saxa hernaе uocantur. quidam dux magnus Sabinos de suis locis elicuit et habitare secum fecit in saxosis montibus: unde dicta sunt Hernica loca et populi Hernici (Seru. Aen. VII 684).

3) priscique quirites id est Sabini. prisci autem ideo, quia post foedus Titi et Romuli placuit ut quasi unus de duobus fieret populus: unde et Romani Quirites dicti sunt, quod nomen Sabinorum fuerat a ciuitate Curibus, et Sabini a Romulo Romani dicti sunt (Seru. Aen. VII 684).

4) Tetricus mons in Sabinis asperrimus, unde tristes homines tetricos dicimus (Seru. Aen. VII 713).

5) 'manum' enim antiqui bonum dicebant, sicut supra dictum est, unde et 'mane' dicitur; quid enim melius? et per antiphrasin 'manes' inferi, quia non sint boni (Seru. Aen. I 139).

dici в сочетании с *quia*, *quod* и *a(b)* одновременно (вводятся несколько этимологий):

1) uallis autem ipsa ubi circenses editi sunt, ideo Murcia dicta est, quia quidam uicinum montem Murcum appellatum uolunt; alii, quod fanum Veneris

Verticordiae ibi fuerit, circa quod nemus e murtetis fuisset, inmutata littera Murciam appellatam; alii Murciam a Murcido, quod est marcidum, dictam uolunt; pars a dea Murcia, quae cum ibi Bacchanalia essent, furorem sacri ipsius murcidum faceret (Seru. Aen. VIII 636).

dici в сочетании с *quod* и *qui* одновременно (вводятся несколько этимологий):

1) possunt in Latio quoque ut in Graecia ab suis uocibus haec eadem ficta. armenta, quod boues ideo maxime parabant, ut inde eligerent ad arandum; inde arimenta dicta, postea I tertia littera extrita. uitulus, quod graece antiquitus ἰταλός, aut quod plerique uegeti, uegitulus. iuuencus, iuuare qui iam ad agrum colendum posset (Varr. l.L. V 96).

dici в сочетании с *quasi*:

1) P. Lauini liber est non incuriose factus. Is inscriptus est de uerbis sordidis. In eo scripsit 'sculnam' uulgo dici quasi 'seculnam' (Gell. XX 11, 2).

dici в сочетании с *post*:

1) Quirites autem dicti post foedus a Romulo et Tatius percussum, communionem et societatem populi factam indicant (Fest. 254, 34 L).

dici в сочетании с *propter*:

1) Petrones rustici fere dicuntur propter uetustatem, et quod deterrima quaeque ac praeruptus . . . iam agri petrae uocantur, ut rupices idem a rupibus (Fest. 206, 29 L).

dici и придаточное предложение с *nam*:

1) quod postquam factum est, dicti sunt ipsi populi Hirpi Sorani: nam lupi Sabinorum lingua uocantur hirpi (Seru. Aen. XI 785).

5. Для передачи значения 'заимствовать' с предлогом *a(b)*:

1) 1) Feronia, Minerua, Nouensides a Sabinis. Paulo aliter ab eisdem dicimus haec: Palem, Vestam, Salutem, Fortunam, Fontem, Fidem. Et arae

Sabinum linguam olent, quae Tati regis uoto sunt Romae dedicatae: nam, ut annales dicunt, uouit Opi, Florae, Vedioi Saturnoque, Soli, Lunae, Volcano et Summano, itemque Larundae, Termino, Quirino, Vortumno, Laribus, Dianae Lucinaeque; e quis nonnulla nomina in utraque lingua habent radices, ut arbores quae in confinio natae in utroque agro serpunt: potest enim Saturnus hic de alia causa esse dictus atque in Sabinis, et sic Diana, de quibus supra dictum est (Varr. l.L. V 74).

5) *ducere*

Для указания на этимологию:

- 1) Porigam dixisse antiqui uidentur pro porrigam, propter morem non geminandarum litterarum, ducto uerbo a porro regam (Fest. 218, 46 L).
- 2) Quintipor seruile nomen frequens apud antiquos erat, a praenomine domini ductum, ut Marcipor, Gaipor; quamuis sint, qui a numero natorum ex ancilla quinto loco dictum putent (Fest. 257, 19 L).
- 3) Quod si a sollo et tauris earum hostiarum ductum est nomen antiquae consuetudinis, per unum l enuntiari non est mirum, quia nulla tunc geminabatur littera in scribendo: quam consuetudinem Ennius mutauisse fertur, utpote Graecus Graeco more usus, quod illi aequae scribentes ac legentes duplicabant mutas, semi<uocales> (Fest. 293, 28 L).
- 4) Varro ait “sparum telum missile, a piscibus ducta similitudine, qui spari uocantur” (Seru. Aen. XI 682).

6) *ingere*

Для значения ‘создать производное слово’:

- 1) ex qua fructus maior, hi[n]c est qui Graecis usus: <sus>, quod ὕς, bos, quod βοῦς, taurus, quod <ταῦρος>, item ouis, quod ὄις: ita enim antiqui dicebant, non ut nunc πρόβατον. possunt in Latio quoque ut in Graecia ab suis uocibus haec eadem ficta. armenta, quod boues ideo maxime parabant, ut inde eligerent ad arandum; inde arimenta dicta, postea l tertia littera extrita. uitulus, quod graece antiquitus ἰταλός, aut quod plerique uegeti, uegitulus. iuuencus, iuuare qui iam ad agrum colendum posset (Varr. l.L. V 96).
- 2) Quae ideo quoque uidetur ab Latinis Iuno Lucina dicta uel quod est et Terra, ut physici dicunt, et lucet; uel quod ab luce eius qua quis conceptus est usque ad eam, qua partus quis in lucem, luna iuuat, donec mensibus actis produxit in lucem, ficta ab iuuando et luce Iuno Lucina (Varr. l.L. V 69).
- 3) Vasa in mensa escaria: ubi pultem aut iurulenti quid ponebant, a capiando catinum nominarunt, nisi quod Siculi dicunt κάτινον ubi assa ponebant; magidam aut langulam alterum a magnitudine alterum a latitudine finxerunt (Varr. l.L. V 120).

7) *nominare*

1. Для указания на произношение:

1) quam nos fabam dicimus antiqui habam dixerunt et quod <nos> hordeum dicimus illi fordeum nominauerunt (Scaur. orth. 23, 19 K).

2. Для указания на этимологию:

nominari (реже *nominare*) с предлогом *a* (*ab*):

1) Europae loca multae incolunt nationes. Ea fere nominata aut translaticio nomine ab hominibus ut Sabini et Lucani, aut declinato ab hominibus, ut Apulia et Latium, aut utrumque, ut Etruria et Tusci (Varr. l.L. V 32).

При таком оформлении этимологии отсылка к производящему слову нередко сопровождается пояснением в виде придаточного предложения с *quod*.

2) Ut Aegypti in flumine quadrupes sic in Latio, nominati lutra et fiber. Lutra, quod succidere dicitur arborum radices in ripa atque eas dissolvere: ab luere lutra. Fiber, ab extrema ora fluminis dextra et sinistra maxime quod solet uideri, et antiqui februm dicebant extremum, a quo in sagis fimbriae et in iecore extremum fibra, fiber dictus (Varr. l.L. V 79).

3) Nuntius enim est a nouis rebus nominatus, quod a uerbo Graeco potest declinatum. ab eo itaque Neapolis illorum Nouapolis ab antiquis uocitata nostris (Varr. l.L. VI 58).

4) Vasa in mensa escaria: ubi pultem aut iurulenti quid ponebant, a capiando catinum nominarunt, nisi quod Siculi dicunt κάτινον ubi assa ponebant; magidam aut langulam alterum a magnitudine alterum a latitudine finxerunt (Varr. l.L. V 120).

5) Secundum hoc dicitur crepusculum a crepero: id uocabulum sumpserunt a Sabinis, unde ueniunt Crepusci nominati Amiterno, qui eo tempore erant nati, ut Lucii prima luce in Reatino (Varr. l.L. VI 5).

6) pulcher auentinus Auentinus mons urbis Romae est, quem constat ab auibus esse nominatum, quae de Tiberi ascendentes illic sedebant, ut in octauo legimus “dirarum nidis domus opportuna uolucrum” (Seru. Aen. VII 657).

7) alii Marrubios a rege dictos uelint. hi ergo populi Medeam Angitiam nominauerunt ab eo quod eius carminibus serpentes angerent. ab his nunc Vmbronem uenisse dicit, non regem, sed ducem. sunt autem isti Marsorum populi (Seru. Aen. VII 750).

nominari (реже *nominare*) и придаточное предложение с *quod*

1) alii dicunt carinas montem nominatum, quod ager suburbanus ante portas carus erat (Seru. Aen. VIII 361).

nominari (реже *nominare*) в предложении с *unde*

1) sollum Osce totum et solidum significat. Unde tela quaedam solliferria uocantur tota ferrea, et homo bonarum artium sollers, et quae nulla parte laxata caucae sunt, solida nominantur (Fest. 293, 16 L).

2) et capys hinc nomen campanae ducitur urbi iste quidem dicit a Capys dictam Campaniam. sed Liuius uult a locis campestribus dictam, in quibus sita est. sed constat eam a Tuscis conditam uiso falconis augurio, qui Tusca lingua capys dicitur, unde est Campania nominata (Seru. Aen. X 145).

3) sic autem in tres partes diuisum fuisse populum Romanorum constat, ut etiam qui praeerant singulis partibus, tribuni dicerentur: unde etiam sumptus, quos dabant populo, tributa nominarunt (Seru. Aen. V 560).

nominari в предложении с *ex quo*

1) Clausus, Sabinorum dux, post exactos reges, ut quidam dicunt, cum quinque milibus clientum et amicorum Romam uenit, et susceptus habitandam partem urbis accepit: ex quo Claudia et tribus est et familia nominata (Seru. Aen. VII 706).

8) *nuncupare*

1) aiunt hunc trochaeum Auruncos rutilum nuncupauisse, nimirum simili ratione qua Graeci a rota inuitati (Dion. III 478 K).

9) *ponere*

1. В значении ‘произносить’:

1) Apud Matium: Obscaeni interpret funestique ominis auctor. Obscaenum dictum ab scaena; eam, ut Graeci, et Accius scribit scenam. In pluribus uerbis A ante E alii ponunt, alii non, ut quod partim dicunt scaeptrum, partim sceptrum, alii Plauti Faeneratricem, alii Feneratricem; sic faenisicia ac fenisicia, ac rustici pappum Mesium, non Maesium (Varr. l.L. VII 96).

2) Serpsi>t antiqui pro serpserit <usi sunt. Inde serp>ulae dictae, quas nunc ser<pentes dicimus ex Gr>aeco, quia illi ἐρπετά, nos <pro aspiratione eorum> s littera posita, ut <ἑξ sex, ἐπτά septem (Fest. 348, 21 L).

3) u quoque multis Italiae populis in usu non erat, sed e contrario o, unde Romanorum quoque uetustissimi in multis dictionibus loco eius o posuisse inueniuntur, poblicum pro publicum, quod testatur Papirianus de orthographia, polchrum pro pulchrum, colpam pro culpam dicentes et Hercolem pro Herculem (Prisc. inst. II 27, 9 K).

4) o aliquot Italiae ciuitates teste Plinio non habebant, sed loco eius ponebant u, et maxime Vmbri et Tusci. transit o in a, ut creo creauit; in e, tutor tutela, bonus bene, γόνυ genu, πός pes, antiqui compes pro compos, in quo Aeolis sequimur: illi enim ἐδόντα pro ὀδόντα dicunt (Prisc. inst. II 27, 9 K).

2. В значении ‘употреблять’:

1) Nec coniunctionem Grammatici fere dicunt esse disiunctiuam, ut nec legit, nec scribit, cum si diligentius inspicatur, ut fecit Sinnius Capito, intellegi possit, eam positam esse ab antiquis pro non, ut et in XII est: “ast ei custos nec escit” (Fest. 162, 48 L).

2) Pa pro parte, et po pro potissimum positum est in saluari carmine (Fest. 205, 11 L).

3) Quianam pro quare, et cur, positum e<s>t apud antiquos (Fest. 257, 26 L).

4) 'ob' enim ueteres pro 'iuxta' ponebant (Seru. Aen. I 233).

5) flectit quidam 'flectit' pro regit accipiunt, ut interdum 'torquet' in eodem significato ponit “qui numine torques”. curru non, ut quidam putant, pro 'curru' posuit, nec est apocope, sed ratio artis antiquae, quia omnis nominatiuus pluralis regit genetiuum singularem et isosyllabus esse debet, ut hae musae huius musae, hi docti huius docti. item a genetiuo singulari datiuus regitur singularis, ut isosyllabus sit, ut huius docti huic docto (Seru. Aen. I 156).

6) Legerat autem ille 'apludam' ueteres rusticos frumenti furfurem dixisse idque a Plauto in comoedia, si ea Plauti est, quae Astraba inscripta est, positum esse (Gell. XI 7, 5).

7) Laberius in mimis, quos scriptitauit, oppido quam uerba finxit praelicenter. Nam et 'mendicimonium' dicit et 'moechimonium' et 'adulterionem' 'adulteritatem'que pro 'adulterio' et 'depudicauit' pro 'stuprauit' et 'abluuium' pro 'diluuiio' et, quod in mimo ponit, quem Cophinum inscripsit, 'manuatus est' pro 'furatus est' et item in Fullone furem 'manuarium' appellat (Gell. XVI 7, 1).

Варрон почти не употребляет этот глагол, кроме как в значении ‘произносить’ и в этимологии для слова *loqui*:

1) Igitur is loquitur, qui suo loco quodque uerbum sciens ponit, et is tum prolocutus, quom in animo quod habuit extulit loquendo (Varr. l.L. VI 56).

10) *pronuntiare*

По отношению к итальяским примерам он употребляется в значении ‘произносить’ всего два раза в эпитоме Феста:

1) Quincentum et producta prima syllaba, et per c litteram usurpa<ba>nt antiqui; quod postea leuius uisum est, ita ut nunc dicimus, pronuntiari (Fest. 254, 54 L).

2) Torum, ut significet torridum, aridum, per unum quidem r antiqua consuetudine scribitur; sed quasi per duo r scribatur, pronuntiari oportet. Nam antiqui nec mutas, nec semiuocales litteras geminabant, ut fit in Ennio, Arrio, Annio (Fest. 355, 2 L).

И один раз – в значении ‘употреблять форму’:

1) Specus feminino genere pronuntiabant antiqui, ut metus et nepos. (Fest. 343, 29 L).

11) *significare*

для описания значений итальяских слов:

1) id uocabulum sumpserunt a Sabinis, unde ueniunt Crepusci nominati Amiterno, qui eo tempore erant nati, ut Lucii prima luce in Reatino; crepusculum significat dubium; ab eo res dictae dubiae creperae, quod crepusculum dies etiam nunc sit an iam nox multis dubium (Varr. l.L. VI 5).

2) primum cascum significat uetus; secundo eius origo Sabina, quae usque radices in Oscam linguam egit. Cascum uetus esse significat Ennius quod ait: «Quam Prisci casci populi tenuere Latini» (Varr. l.L. VI 28).

3) Idem ostendit quod oppidum uocatur Casinum (hoc enim ab Sabinis orti Samnites tenuerunt) et nostri etiam nunc Forum Vetus appellant. Item significat in Atellanis aliquot Pappum, senem quod Osci casnar appellant (Varr. l.L. VI 29).

4) Itaque Salii quod cantant: Mamuri Veturi, significant memoriam ueterem (Varr. l.L. VI 49).

5) et nomen acceperunt unum, ut dicerentur Mamertini, quod coniectis in sortem duodecim deorum nominibus, Mamers forte exierat: qui lingua Oscorum Mars significatur (Fest. 158, 52 L).

6) Obscum duas diuersas et contrarias significationes habet. Nam Cloatius putat eo uocabulo significari sacrum, quo etiam leges sacratae obscatae dicantur; et in omnibus fere antiquis commentariis scribitur Opicum pro Obsco, ut in Titi[n]ni fabula Quinto: “Qui Obsce et Volsce fabulantur, nam Latine nesciunt.” (Fest. 189, 25 L)

7) Solitaurilia hostiarum trium diuersi generis immolationem significant, tauri, arietis, uerris; quod omnes eae solidi integrique sint corporis;

contra †aci . . . † uerbices maialesque; quia sollum Osce totum et solidum significat (Fest. 293, 11 L).

8) Negumate in carmine Cn. Marci uatis significat, negate, cum ait: “quamuis mouentium duonum negumate.” Negritu in auguris significat aegritudo (Fest. 165, 29 L).

9) Petissere antiqui pro petere dicebant, ea quidem forma uerbi, qua sunt lacessere, et incessere; sed, ut mihi uidetur, cum significabant saepius petere; et petissant, saepius petant (Fest. 206, 26 L).

10) Quaeso, ut significat idem quod rogo, ita quaesere ponitur ab antiquis pro quaerere, ut est apud Ennium lib. II: “Ostia munita est; idem loca nauibus pulchris munda facit, nautisque mari quaesentibus uitam” (Fest. 258, 48 L).

11) Torum, ut significet torridum, aridum, per unum quidem r antiqua consuetudine scribitur; sed quasi per duo r scribatur, pronuntiari oportet. Nam antiqui nec mutas, nec semiuocales litteras geminabant, ut fit in Ennio, Arrio, Annio (Fest. 355, 2 L).

12) “Vapula Papiria” in prouerbio fuit antiquis, de quo Sinnius Capito sic refert: tum dici solitum est, cum uellent minantibus [ibi] significare se eos negligere et non curare, fretos iure libertatis (Fest. 372, 35 L).

13) Paludati in libris auguralibus significat, ut ait Veranius, armati, ornati. omnia enim militaria ornamenta paludamenta dici (Fest. 253, 3 L).

14) Manuos in carminibus Saliaribus Aelius Stilo significare ait bonos (Fest. 146, 10 L).

15) Tauri uerbenaque in commentario sacrorum significat ficta farinacea (Fest. 360, 24 L).

16) “Malluuuium latum” in commentario sacrorum significat manus qui lauet (Fest. 161, 16 L).

17) et multi uolunt per teretes mucrones 'dolones' dici, per ueru Sabellum 'pila' significari (Seru. Aen. VII 664).

18) berecynthia mater deum a monte Phrygiae Berecyntho, cuius ultima syllaba caret aspiratione, quam addimus quotiens montem Deli Cynthum dicimus. est autem tenuis ista discretio, quibus nominibus subtrahi debet aspiratio: nam ecce Ripaei, montes Arcadiae, non scribuntur cum aspiratione: quam addimus cum Riphaeos, montes Scythiae, significamus (Seru. Aen. IX 81).

19) apud antiquos enim 'sedet' considerat significabat, ut alio loco ait “Turnus sacrata ualle sedebat” (Seru. Aen. I 56).

20) qvis et quis et quibus significat: secundum artem enim sic dicimus (Seru. Aen. I 95).

21) Sed Nerio a ueteribus sic declinabatur quasi Anio: nam perinde ut 'Anienem', sic 'Nerienem' dixerunt tertia syllaba producta. Id autem, siue 'Nerio' siue 'Nerienes' est, Sabinum uerbum est, eoque significatur uirtus et fortitudo. Itaque ex Claudiiis, quos a Sabinis oriundos accepimus, qui erat egregia atque praestanti fortitudine, 'Nero' appellatus est. Sed id Sabini accepisse a Graecis uidentur, qui uincula et firmamenta membrorum νεῦρα dicunt, unde nos quoque Latine 'neruos' appellamus (Gell. XIII 23, 6).

22) Item 'flocces' audierat prisca uoce significare uini faecem e uinaceis

expressam, sicuti fraces oleis, idque apud Caecilium in Polumenis legerat, eaque sibi duo uerba ad orationum ornamenta seruauerat (Gell. XI 7, 6).

23) 'Deprecor' hoc in loco uir bonus ita esse dictum putabat, ut plerumque a uulgo dicitur, quod significat 'ualde precor' et 'oro' et 'supplico', in quo 'de' praepositio ad augendum et cumulandum ualet (Gell. VII 16, 3).

24) 'die pristini' quoque eodem modo dicebatur, quod significabat 'die pristino', id est priore, quod uulgo 'pridie' dicitur, conuerso compositionis ordine, quasi 'pristino die' (Gell. X 24, 8).

12) *sumere*

в значении 'заимствовать':

4. Secundum hoc dicitur crepusculum a crepero: id uocabulum sumpserunt a Sabinis (Varr. l.l. VI 5).

5. Sispitem Iunonem, quam uulgo sospitem appellant, antiqui usurpabant, cum ea uox ex Graeco uideatur sumpta, quod est σῶζειν (Fest. 343, 15 L).

13) *trahere*

в значении 'образовывать слово от заимствования', чаще всего употребляется с предлогом ex или его греческим переводом ἐκ:

1) Odefacit dicebant> antiqui ab odore, <pro olfacit> . . . consuetudine ut saepe alias, tum in hoc quoque libro contentae. Quae uox, ut quibusdam uidetur, ex Graeca ὀσμῇ tracta est (Fest. 178, 33 L).

2) Porigam dixisse antiqui uidentur pro porrigam, propter morem non geminandarum litterarum, ducto uerbo a porro regam. Aut si id friuolum uidetur, cum aperte ἐκ τοῦ ὀρεῖγειν tractum sit. Sed antiqui etiam porgam dixerunt pro porrigam (Fest. 218, 48 L).

14) *uocare*

1. Для указания на итальянский пример:

При характеристике произношения:

1) Petoriturum, et Gallicum uehiculum esse, et nomen eius dictum [esse] existimant a numero quattuor rotarum. alii Osce, quod i quoque pitora quattuor uocent, alii Graece, sed αἰολικῶς dictum (Fest. 206, 37 L).

2) Prodigia quod prodicunt futura, permutatione g litterae; nam quae nunc c appellatur, ab antiquis g uocabatur (Fest. 229, 16 L).

При переводе слова с одного языка на другой:

1) Hanc ut Solem Apollinem quidam Dianam uocant (Apollinis uocabulum Graecum alterum, alterum Latinum), et hinc quod luna in altitudinem et latitudinem simul it, Diuiana appellata (Varr. l.L. V 68).

2) Hos quidam qui magis incondite faciebant uocabant lixulas et similixulas uocabulo Sabino: quae frequentia Sabinis (Varr. l.L. V 107).

3) februm Sabini purgamentum, et id in sacris nostris uerbum non ignotum: nam pellem capri, cuius de loro caeduntur puellae Lupercalibus, ueteres februm uocabant, et Lupercalia Februatio, ut in Antiquitatum libris demonstraui (Varr. l.L. VI 13).

4) Item ostendit Papini epigrammation, quod in adolescentem fecerat Cascam:

Ridiculum est, cum te Cascam tua dicit amica,
Filia Potoni, sesquisenex puerum.
Dic tu illam pusam: sic fiet "mutua muli":
Nam uere pusus tu, tua amica senex.

Idem ostendit quod oppidum uocatur Casinum (hoc enim ab Sabinis orti Samnites tenuerunt) et nostri etiam nunc Forum Vetus appellant (Varr. l.L. VII 28).

5) Interesse medio temperamento inter binas uites oportet pedes quinos, minimum autem laeto solo pedes quaternos, tenui plurimum octonos – Umbri et Marsi ad uicenos intermittunt arationis gratia in his, quae uocant porculeta – , pluuiis et caliginosis tractibus rariores poni, sicco densiores (Plin. nat. hist. XVII 171).

6) Sollo Osce dicitur id quod nos totum uocamus. Lucilius: “[s]uasa quoque omnino dirimit, non sollo dupundi”; id est, non tota. Item Liuius sollicuria, in omni re curiosa; et solliferreum genus teli, totum ferreum. Sollers etiam in omni re prudens; et sollemne, quod omnibus annis praestari debet (Fest. 298, 41 L).

7) Nuptias dictas esse ait Santra ab eo, quod νυμφεῖα dixerunt Graeci antiqui γάμον, inde nouam nuptam νέαν νύμφην. Cornificius, quod noua petantur coniugia. Curiatius, quod noua ratio fiat. Aelius et Cincius, quia flammeo caput nubentis obuoluatur, quod antiqui obnubere uocarint: ob quam causam legem quoque †parens tam† iubere caput eius obnubere, qui parentem necauisset, quod est obuoluere (Fest. 170, 60 L).

8) Ocrem antiqui, ut Ateius Philologus in libro Glosematorum refert, montem confragosum uocabant, ut apud Liuium: “Sed qui sunt hi, qui ascendunt

altum ocrim?” et: “celsosque ocris aruaque putria, et mare magnum.” <et>: “Namque Taenari celsos ocris.” et: “haut ut quem Chiro in Pelio docuit ocri.” unde fortasse etiam ocreae sint dictae inaequaliter tuberatae (Fest. 181, 18 L).

9) Alias pro disertis et eloquentibus, ab eo quod antiqui orare dicebant pro agere: ob quam causam orationes quoque eorum uocantur (Fest. 182, 44 L).

10) Penem antiqui codam uocabant; a qua antiquitate[m] etiam nunc offa porcina cum cauda in cenis puris offa penita uocatur; et peniculi, quis calciamenta tergentur, quod e codis extremi<s> faciebant antiqui qui terge<re>nt ea. Dictus est forsitan a pendendo (Fest. 230, 55 L).

11) Penitam offam Naeuius appellat absegmen carnis cum coda: antiqui autem offam uocabant abscisum globi forma, ut manu glomeratam pultem (Fest. 242, 59 L).

12) Sti>patores appel<lantur corporis c>ustodes, quos <antiqui latrones uoca>bant, i mer. . . m ferro ue<lut stipati circumda>nt regum cor<pora (Fest. 314, 4 L).

13) Scribas proprio nomine antiqui et librarios et poetas uocabant; at nunc dicuntur scribae equidem librari, qui rationes publicas scribunt in tabulis (Fest. 333, 20 L).

14) Sedum, alii sadum appellant herbam, quam Opill[i]us Aurelius sesuium uocari ait, eamque in tegulis seri, nec quamobrem id fiat, indicat (Fest. 343, 25 L).

15) Pescia in saliori carmine Aelius Stilo dici ait capitia ex pellibus agnitis facta, quod Graeci pelles uocent πέσκη neutro genere pluraliter (Fest. 210, 10 L).

16) <Nanum Graeci uas aquarium dicunt> humile et <concauum, quod uulgo uocant situlum> barbatum (Fest. 177, 38 L).

17) Scaeuam, uolguis quidem et in bona, et in mala re uocat, cum aiunt bonam et malam . . . in mala pone . . . apud Graecos σ<κατὸν> . . . pro sinistro sca . . . <Hos->tius in belli Hi<strici libro> . . . sentit scaeu . . . (Fest. 325, 33 L).

18) Cascei uocati sunt, quos posterii Aborigines cognominarunt, quoniam †aliis ortos esse recognoscebant (Seru. Aen. I 6).

19) Sabinorum lingua saxa hernaie uocantur. quidam dux magnus Sabinos de suis locis elicit et habitare secum fecit in saxosis montibus: unde dicta sunt Hernica loca et populi Hernici (Seru. Aen. VII 684).

20) dicti sunt ipsi populi Hirpi Sorani: nam lupi Sabinorum lingua uocantur hirpi (Seru. Aen. XI 785).

21) Sorani uero a Dite: nam Ditis pater Soranus uocatur: quasi lupi Ditis patris. unde memor rei Vergilius Arruntem paulo post comparat lupo, quasi Hirpinum Soranum (Seru. Aen. XI 785).

22) sane sciendum cupencum Sabinorum lingua sacerdotem uocari, ut apud Romanos flaminem et pontificem, sacerdotem. sunt autem cupenci Herculis sacerdotes (Seru. Aen. XII 538).

23) qui ex Samothracia Troiam penates dicitur detulisse, quos post secum Aeneas ad Italiam uexit; namque Samothraces horum penatium antistites

Saos uocabant, qui postea a Romanis Salii appellati sunt; hi enim sacra penatium curabant: quos tamen penates alii Apollinem et Neptunum uolunt, alii hastatos esse et in regia positos tradunt. Tusci penates Cererem et Palem et Fortunam dicunt: aut certe secundum Sallustium "a rege Dardanorum Mida, qui Phrygiam tenuit" (Seru. Aen. II 325).

24) Varro ait "sparum telum missile, a piscibus ducta similitudine, qui spari uocantur". alii 'sparus' a spargendo dici putant (Seru. Aen. XI 682).

25) duces equorum scilicet, quos uulgo agasones uocamus, ut "effunditque ducem". alii duces itinerum accipiunt (Seru. Aen. III 470).

26) nam 'suffusi' equi dicuntur quos uulgo incespitatores uocant (Seru. Aen. XI 671).

27) Hic ego ad nostros iuuenes conuertor et 'quin' inquam 'uos opici dicitis mihi, quare, quod ἑπταπρόσθιοι Graeci uocant, nos "septentriones" uocamus? non enim satis est, quod septem stellas uidemus, sed quid hoc totum, quod "septentriones" dicimus, significet, scire' inquam 'id prolixius uolo' (Gell. II 21, 4).

2) Для указания на этимологию:

uocari / *uocare* в сочетании с предлогом *a(b)*:

1) Dictum mandier a mandendo, unde manducari, a quo et in Atellanis Dossenum uocant Manducum (Varr. I.L. VII 95).

2) Alias pro disertis et eloquentibus, ab eo quod antiqui orare dicebant pro agere: ob quam causam orationes quoque eorum uocantur (Fest. 182, 44 L).

3) Penem antiqui codam uocabant; a qua antiquitate[m] etiam nunc offa porcina cum cauda in cenis puris offa penita uocatur; et peniculi, quis calciamenta tergentur, quod e codis extremi<s> faciebant antiqui qui terge<re>nt ea. Dictus est forsitan a pendendo (Fest. 230, 55 L).

4) Strenam uocamus, quae datur die religioso ominis boni gratia, a numero, quo significatur alterum tertiumque uenturum similis commodi; ueluti trenam, praeposita s littera, [a]ut in loco et lite solebant antiqui (Fest. 313, 29 L).

5) Strutheum in mimis praecipue uocant obscenam partem uirilem, <a>salacitate uidelicet passeris, qui Graece στρουθὸς dicitur (Fest. 313, 25 L).

6) quidam hanc ciuitatem a rege Murano conditam Moeram nomine uocatam ferunt, sed Graecos primum eam incoluisse. quae ab nucibus Abellanis Abella nomen accepit (Seru. Aen. VII 740).

7) Sed si, ut quidam putant, tuba a sonitu lituus appellata est ex illo Homericō uerbo: λίγξε βίος, necesse est ita accipi, ut uirga auguralis a tubae similitudine lituus uocetur (Gell. V 8, 10).

uocari / *uocare* в предложении с *unde*:

1) *sollum* Osce totum et solidum significat. Unde tela quaedam *solliferria* uocantur tota ferrea, et homo bonarum artium *sollers*, et quae nulla parte laxata cauaque sunt, solida nominantur (Fest. 293, 16 L).

uocari / *uocare* и предложение с *quod*:

1) *Quadranta*<l> uocabant antiqui, quam ex Graeco amphoram dicunt, quod uas pedis quadrati octo et XL capit sextarios (Fest. 258, 56 L).

2) *Mola* etiam uocatur far tostum et sale sparsum, quod eo molito *hostiae* aspergantur (Fest. 141, 15 L).

3) *Tuscos* autem aliquando omnem Italiam subiugasse manifestum est. alii a *Tuscis* quidem retentam et prius *Vulturnum* uocatam: *Tuscos* a *Samnitibus* exactos *Capuam* uocasse ob hoc quod hanc quidam *Falco* condidisset, cui *pollices pedum* curui fuerunt quem ad modum *falcones* aues habent, quos *uiros Tusci* *capyas* uocarunt (Seru. Aen. X 145).

uocari / *uocare* и предложение с *quia*:

1) *Rienes* quos nunc uocamus, antiqui *nefrundines* appellabant, quia *Graeci* νεφρούς eos uocant (Fest. 277, 14 L).

2) *Stroppus* est, ut *Ateius Philologus* existimat, quod Graece στρόφιον uocatur, et quod *sacerdotes* pro insigni habent in capite. Quidam coronam esse dicunt, aut quod pro corona insigne in caput inponatur, quale sit *strophium*. Itaque apud *Faliscos* *tidem*† festum esse, qui uocetur *Struppearia*, quia coronati ambulent; et a *Tusculanis*, quod in puluinari inponatur *Castoris*, *struppum* uocari (Fest. 313, 15 L).

uocari в предложении с *propter*, *propterea*

1) *Venerem* uocari quidam *propter* promptam ueniam dicunt (Seru. Aen. I 720).

2) *torsi* quoque et *tortum* et *torsum* facit, itaque *tortores* et *torsores* dicuntur. *Cato* in IIII originum: «*Marsus* hostem occidit prius quam *Paelignus*, *propterea* *Marrucini* uocantur, de *Marso* detorsum nomen» (Prisc. II 487, 8 K).

15) *uocitare*

1. Для указания на итальянский пример:

1) *Picta* quae nunc *toga* dicitur, *purpurea* ante uocitata est, eaque erat

sine pictura. Eius rei argumentum est . . . pictum in aede Vertumni, et Consi, quarum in altera M. Fulvius Flaccus, in altera T. Papirius Cursor triumphantes ita picti sunt. Tunica autem palmata a latitudine clauorum dicebatur, quae nunc a genere picturae appellatur (Fest. 209, 18 L).

2) Timaeus in historiis, quas oratione Graeca de rebus populi Romani composuit, et M. Varro in antiquitatibus rerum humanarum terram Italiam de Graeco uocabulo appellatam scripserunt, quoniam boues Graeca uetere lingua ἰταλοί uocitati sint, quorum in Italia magna copia fuerit, bucetaque in ea terra gigni pascique solita sint complurima (Gell. XI 1, 1).

2. Для указания на этимологию:

1) Ubi cenabant cenaculum uocitabant, ut etiam nunc Lanuui apud aedem Iunonis et in cetero Latio ac Faleriis et Cordubae dicuntur (Varr. l.L. V 162).

2) ab eo itaque Neapolis illorum Nouapolis ab antiquis uocitata nostris (Varr. l.L. VI 58).

16) *usurpare*

Для указания на особое произношение и правописание:

1) Orcum quem dicimus, ait Verrius ab antiquis dictum Ur[a]gum, quod et u litterae sonum per o efferebant et per c litterae formam nihilominus g usurpabant (Fest. 202, 20 L).

2) Quincentum et producta prima syllaba, et per c litteram usurpa<ba>nt antiqui; quod postea leuius uisum est, ita ut nunc dicimus, pronuntiari (Fest. 254, 53 L).

3) Sispitem Iunonem, quam uulgo sospitem appellant, antiqui usurpabant, cum ea uox ex Graeco uideatur sumpta, quod est σώζειν (Fest. 343, 16 L).

Для указания на итальянский пример:

4) Pistum a pinsendo pro molitum antiqui frequentius usurpabant, quam nunc nos dicimus (Fest. 210, 32 L).

5) Spondere antea ponebatur pro dicere, unde et respondere adh<uc manet, sed postea> usurpari coeptum est d<e promissu ex interrogatio>ne alterius (Fest. 343, 34 L).

17) *uti*

Для указания на итальянский пример:

uti в сочетании с Abl. sg.:

1) Praetextum sermonem quidam putant dici, quod praetextatis nefas sit obsceno uerbo uti (Fest. 245, 10 L).

2) Pecuum, cum dixit M. Cato per casum genetium, a singulari casus recti formauit, quo utebantur antiqui, id est pecu, ac testu, tonitru, genu, ueru, quorum omnium genetiuus pluraliter geminat u litteram: nunc quia dicimus ut pectus, eam quae in usu est, formam in declinationibus sequimur (Fest. 246, 48 L).

3) Quod si a sollo et tauris earum hostiarum ductum est nomen antiquae consuetudinis, per unum l enuntiari non est mirum, quia nulla tunc geminabatur littera in scribendo: quam consuetudinem Ennius mutauisse fertur, utpote Graecus Graeco more usus, quod illi aequae scribentes ac legentes duplicabant mutas, semi<uocales . . . (Fest. 293, 29 L).

4) adnexus antiquum est, ut 'conixus', quibus hodie non utimur; dicimus enim 'adnisus' et 'conisus'. sed et multa alia usus contra antiquitatem uindicauit. illi enim 'parsis' dicebant, nos dicimus 'peperci'. item nos dicimus 'suscepi', illi dicebant 'succepi', ut "succeperitque ignem foliis" (Seru. Aen. I 144).

5) quis et quis et quibus significat: secundum artem enim sic dicimus. ab eo enim quod est 'a qui' in 'bus' mittit, ab eo quod est 'a quo' in 'is' mittit, sed a tertia declinatione in usu sunt datiuus et ablatiuus plurales, licet antiqui omnibus usi sint casibus. denique Cato in originibus ait "si ques sunt populi". et declinauit 'ques quium', ut 'puppis puppium' (Seru. Aen. I 95).

6) Nouius in atellania, quae Parcus inscripta est, hoc uerbo ita utitur: quod magno opere quaesiuerunt, id frunisci non queunt. / qui non parsit apud se, . . . frunitus est (Gell. XVII 2, 8).

7) Pleraque sunt uocabula, quibus uulgo utimur neque tamen liquido scimus, quid ea proprie atque uere significant, sed incompertam et uulgariam traditionem rei non exploratae secuti uidemur magis dicere, quod uolumus, quam dicimus: sicuti est 'uestibulum' uerbum in sermonibus celebre atque obuium, non omnibus tamen, qui illo facile utuntur, satis spectatum (Gell. XVI 5, 1).

uti в сочетании с предлогом *pro*:

1) Pone graui sono antiqui utebantur pro loci significatione (Fest. 249, 33 L).

2) Signare> . . . mēn dicitur signis notare <pecora> . . .; sed antiqui eo pro scribe<re utebantur, unde et subsigna>re et consignare . . . <pro subscrib>ere et conscri<bere (Fest. 340, 4 L).

3) Petulantes, et petulci etiam appellantur, qui proteruo impetu, et crebro petunt laedendi alterius gratia. Virgilius in IV Georg.: "Neque oues hedique petulci floribus insultent" <et>: "Cornigeras norunt matres agnique

petulci.” Et Afranius in Ida: “Nostrum in conuentum aut consessum, ludum lapsumque petulcum.” Interdum pro ueloce usi uidentur antiqui; ut hoc uersu intelligi potest: “Exiliuit quasi petulcus quidam, pedibus conuibrauit” (Fest. 206, 10 L).

uti и предложение с *quia*:

1) reciprocare pro ultro citroque poscere usi sunt antiqui, quia procare est poscere (Fest. 274, 60 L).

3. Указатель дополнений к словарю С. Шад

В этом разделе помещен указатель грамматических терминов-глаголов, использующихся грамматиками при работе с итальяскими языками, и ссылки на соответствующие контексты. Отдельно отмечено, что некоторые значения глаголов не были учтены в словаре С. Шад.

1. Глаголы, использующиеся для указания на глоссу:

1) **appellare** (Varr. l.L. V 50; 53; VI 13; 63; VII 29; VII 54; Fest. 130, 2; 198, 17; 209, 2; 277, 1; 238, 31; 261, 22; 302, 6; 313, 20; 314, 4; 343, 15 L; Scaur. orth. 13, 9 K; Frontin. lim. 30 Lachm.; Gell. II 20, 9; XX 11, 2; Seru. Aen. II 140; III 235; VIII 636) [Schad 2007: отсутствует].

2) **cognominare** (Macr. Sat. I 18) [Schad 2007: 64].

3) **dicere** (Varr. r.r. I 10; l.L. V 79; 96; 101; 120; 131; 164; VI 4; VII 46; 84; IX 68; 83; Fest. 142, 1; 146, 15; 254, 43; 298, 41 L; Paul. ex Fest. 106; 357 L; Seru. Aen. I 139; I 292; I 720; II 140; VII 517; VII 715; X 145; Gell. IV 11, 10; XI 1, 5; Gell. XIII 23, 8; Macr. Sat. I 3, 13) [Schad 2007: 128].

4) **nuncupare** (Diom. III 478 K) [Schad 2007: 273].

5) **significare** (Varr. l.L. VI 5; 28; 29; 49; Fest. 146, 10; 158, 52; 161, 16; 165, 29; 189, 25; 206, 26; 253, 3; 258, 48; 293, 11; 355, 2; 360, 24; 372, 35 L; Seru. Aen. I 56, 95; VII 664; IX 81; Gell. VII 16, 3; X 24, 8; XI 7, 6; XIII 23, 6) [Schad 2007: 364-366].

6) **uocare** (Varr. l.L. V 68; V 107; VI 13; VII 28; Plin. nat. hist. XVII 171; Fest. 170, 60; 177, 38; 181, 18; 182, 44; 210, 10; 230, 55; 242, 59; 298, 41; 314, 4; 325, 33; 333, 20; 343, 25 L; Seru. Aen. I 6; II 325; III 470; XI 671; VII 684; XI 682; 785; XII 538; Gell. II 21, 4) [Schad 2007: отсутствует].

7) **uocitare** (Fest. 209, 18 L; Gell. XI 1, 1) [Schad 2007: отсутствует].

8) **usurpare** (Fest. 210, 32; 343, 34 L) [Schad 2007: отсутствует].

9) **uti** (Fest. 245, 10; 246, 48; 293, 29 L; Gell. XVI 5, 1; XVII 2, 8;

Seru. Aen. I 95; I 144); с предлогом *pro* (Fest. 206, 10; 249, 33; 340, 4 L); с *quia* (Fest. 274, 60 L) [Schad 2007: отсутствует].

2. Глаголы со значением ‘употреблять’:

1) **dicere** (Fest. 162, 58 L; Seru. Aen. I 75; 93; 144; 147; 233; 293; Gell. VII 16, 3; X 24, 8) [Schad 2007: 128].

2) **ponere** (Fest. 162, 48; 205, 11; 257, 26 L; Gell. XI 7, 5; XVI 7, 1; Seru. Aen. I 156; 233) [Schad 2007: отсутствует].

3. Глаголы, использующиеся для указания на этимологию:

1) **appellari** с Abl. (Paul. ex Fest. 106 L); с предлогом *a (ab)* (Cic. fin. II 70, 182; Varr. l.L. V 42; 159; VII 36; Fest. 182, 47; 293, 150; 352, 31 L; Seru. Aen. VII 657; VIII, 635; XI 603); с предлогом *de* (Gell. XI 1, 1); с предлогом *ex* (Seru. Aen. X 145); с *quasi* (Gell. II 21, 8; Seru. Aen. VII 750); с *quod* (Varr. l.L. V 159; Fest. 166, 36; 173, 38; 209, 8; 258, 63; 270, 21; Seru. Aen. I 720; VII 517; 730; 740; VIII, 345); с *qui* (в любой форме) (Fest. 206, 10; 298, 49; 330, 4 L; Gell. XIII 23, 9; Seru. Aen. II 325); с *quia* (Fest. 277, 14 L; Seru. Aen. VIII 361) [Schad 2007: отсутствует].

2) **declinari** (Varr. l.L. V 32; VI 58; VII 23; IX, 61) [Schad 2007: 109-111].

3) **dici** (Varr. l.L. V 32; 72; 79; 137; VI 5; 20; 28; 56; VII 84; Fest. 178, 30; 189, 24; 206, 37; 238, 35 L; Seru. Aen. I 164; V 560; VI 808; VII 657; 664; 695; 750; VIII 72; 328; IX 567; X 145); с *quod* (Varr. l.L. V 21; 66; 68; 69; 84; 97; 123; VI 13; Fest. 158, 52; 343, 66 L; Seru. Aen. I 6; VII 740; VIII 663); с *qui* (Varr. l.L. V 123; VI 63; 68; Fest. 165, 27 L; Seru. Aen. V 598); после *unde* (Seru. Aen. I 139; II 140; VII 684; 713); с *quia*, *quod* и *a(b)* (Seru. Aen. VIII 636); с *quod* и *qui* (Varr. l.L. V 96); с *quasi* (Gell. XX 11, 2); с *post* (Fest. 254, 34 L); с *propter* (Fest. 206, 29 L); с *nam* (Seru. Aen. XI 785) [Schad 2007: 128].

4) **duci** (Fest. 218, 46; 257, 19; 293, 28 L; Seru. Aen. XI 682) [Schad 2007: 142-143].

5) **cognominari** с предлогом *a (ab)* (Varr. l.L. V 32; Seru. Aen. VIII 328); с *qui* (Seru. Aen. I 6); с *quod* (Seru. Aen. XII 747) [Schad 2007: 64].

6) **nominari** с предлогом *a (ab)* (Varr. l.L. V 32); с *quod* (Varr. l.L. V 79; 120; VI 5; 58; Seru. Aen. VII 657; 750; Seru. Aen. VIII 361); с *unde* (Fest. 293, 16 L; Seru. Aen. V 560; X 145); с *ex quo* (Seru. Aen. VII 706) [Schad 2007: 269].

7) **uocari** с предлогом *a(b)* (Varr. l.L. VII 95; Fest. 182, 44; 230, 55; 313, 25; 313, 29 L; Seru. Aen. VII 740; Gell. V 8, 10); с *unde* (Fest. 293, 16 L); с *quod* (Fest. 141, 15; 258, 56 L; Seru. Aen. X 145); с *quia* (Fest. 277, 14; 313, 15 L); с *propter, propterea* (Seru. Aen. I 720; Prisc. II 487, 8 K) [Schad 2007: отсутствует].

4. Глаголы, указывающие на заимствование:

1) **dicere** (Varr. l.L. V 74) [Schad 2007: 128].

2) **sumere** (Varr. l.L. VI 5; Fest. 343, 15 L) [Schad 2007: 387].

3) **trahere** (Fest. 178, 33; 218, 48 L) [Schad 2007: 403].

5. Глаголы, указывающие на особое произношение:

1) **dicere** (Varr. l.L. V 162; VI 4; VII 23; 96; Fest. 182, 48; 217, 50; 339, 48 L; Scaur. orth. 23, 19 K; Vel. Long. orth. 69, 11 K; Seru. Aen. I 533; VII 695; Prisc. inst. II 26, 16; 26, 25; 27, 9 K) [Schad 2007: 128].

2) **nominare** (Scaur. orth. 23, 19 K) [Schad 2007: 269].

3) **ponere** (Varr. l.L. VII 96; Fest. 348, 21 L; Prisc. inst. II 27, 9 K) [Schad 2007: отсутствует].

4) **pronuntiare** (Fest. 254, 54; 355, 2 L) [Schad 2007: 329].

5) **uocare** (Fest. 206, 37; 229, 16 L) [Schad 2007: отсутствует].

6) **usurpare** (Fest. 202, 20; 254, 53; 343, 16 L) [Schad 2007: отсутствует].

6. Глаголы, описывающие словообразование и формообразование:

1) **appellare** (Varr. l.L. VII 177; IX, 61; IX 68) [Schad 2007: отсутствует].

2) **declinare** (Fest. 201, 19 L) [Schad 2007: 109-111].

3) **dicere** (Fest. 162, 58 L; Seru. Aen. I 75; 93; 144; 147; 233; 293; Gell. VII 16, 3; Gell. X 24, 8) [Schad 2007: 128].

4) **ingere** (Varr. l.L. V 69; 96; 120) [Schad 2007: 170].

5) **pronuntiare** (Fest. 343, 29 L) [Schad 2007: 329].

6) **trahere** (Fest. 178, 33; 218, 48 L) [Schad 2007: 403].

4. Дополнения к указателю Р. Молтби

В этом разделе представлены материалы, которые могут быть использованы для разработки полноценного указателя итальянских производящих слов, отсутствующего в словаре античных латинских этимологий Р. Молтби (R. Maltby, «A Lexicon of Ancient Latin Etymologies». Leeds, 1991).

ab Oscis

asta ‘репье’ (при чесании шерсти) – могла быть на стр. [Maltby 1991: 60], но отсутствует.

caria ‘хлеб’ – могла быть статья о слове *carensis* [Maltby 1991: 109], но отсутствует.

casnar ‘старик’ (маска в ателлане) – отдельная статья на стр. [Maltby 1991: 112].

*multa ‘штраф’ – отдельная статья на стр. [Maltby 1991: 395].

pitora ‘четыре’ – в статье про слово *petorritum* [Maltby 1991: 469].

sollus ‘целый’ – в статье про слово *sollitauria* [Maltby 1991: 573].

supparus ‘льняное одеяние’ – отдельная статья на стр. [Maltby 1991: 594].

a Sabinis

cascus ‘пожилой’ – в статье про слово *Cascei* [Maltby 1991: 112].

catus ‘умный’ – могло быть в статье про имя *Catus*; отдельная статья на стр. [Maltby 1991: 115].

ciprum ‘благо’ – могло быть на стр. [Maltby 1991: 130-131; 171-172], но отсутствует, как и упоминание *uicus Ciprius*.

cupencus ‘жрец Геркулеса’ – отдельная статья на стр. [Maltby 1991: 165].

curis ‘копье’ – в статье про слово *Quirinus* [Maltby 1991: 516-517].

dira ‘неприятности’ – в статье про слово *dirus* [Maltby 1991: 190].

februm ‘сор’ – в статье про слово Februarius [Maltby 1991: 227-228].

hernae ‘скалы’ – в статье про слово Hernici [Maltby 1991: 275].

(h)irpus ‘волк’ – в статье про Hirpi Sorani [Maltby 1991: 279]; *название народа имеет у Мольби пояснение «pop. Sabinus», которое напрямую не соответствует никакой античной классификации.*

lixulae ‘лепешки’ – могло быть на стр. [Maltby 1991: 344-345], но отсутствует.

*multa ‘штраф’ – отдельная статья на стр. [Maltby 1991: 395].

nar ‘сера’ – в статье про слово Nar [Maltby 1991: 403].

a rusticis

manum ‘благо’ – в статье про слово mane [Maltby 1991: 363-364].

orum ‘золото’ – в статье про слово Orata [Maltby 1991: 432].

triones ‘тягловые животные’ – в статье про слово Septentrio [Maltby 1991: 560-561].

Подчеркиванием выделены слова, которые упоминаются Варроном.

2.

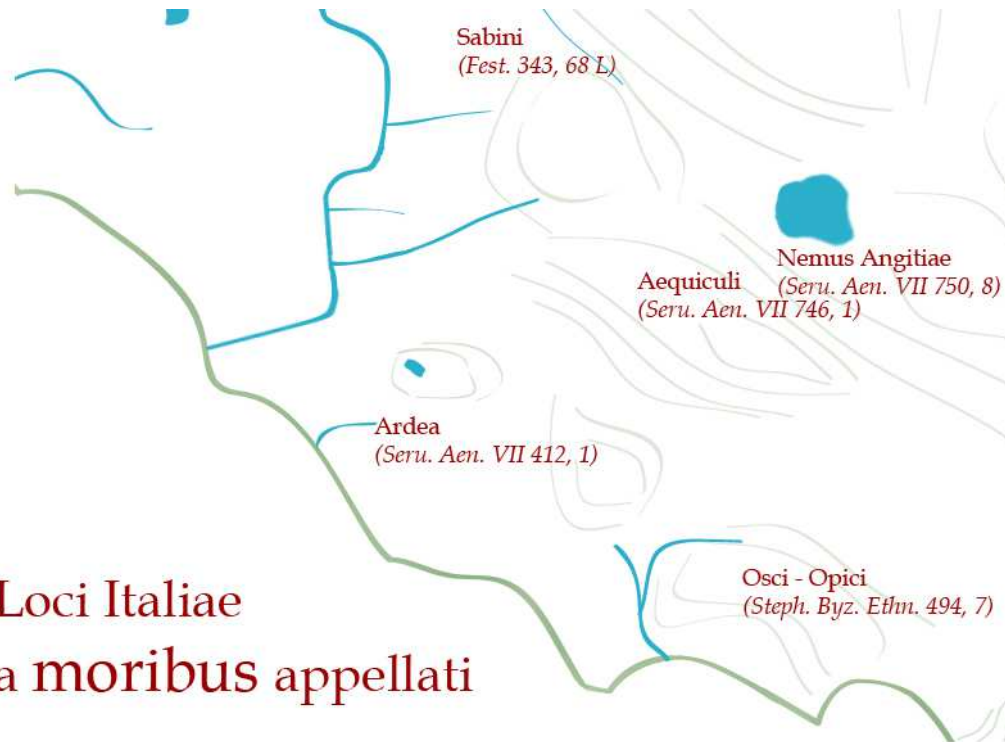
víteliú

3.

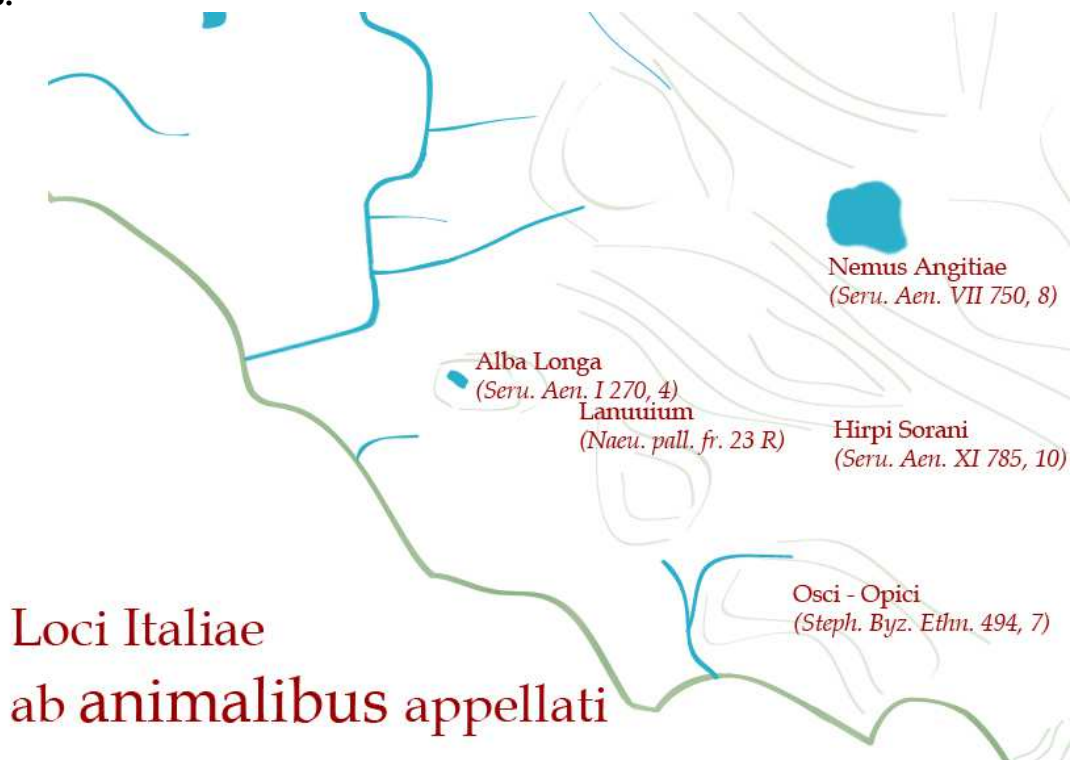

(с) Noctius (Е.П. Новикова),
 Полина Парфенова
 при участии:
 Филиппа Колесникова
 и Надежды Черемисиной

4.

5.

6.

7.

8.

Loci Italiae
a herbis appellati
et herbae a locis